ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45
2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Майкл Фарадей* (1791–1867) — выдающийся английский физик-экспериментатор и химик, чьи исследования заложили фундамент современной электротехники и учения об электромагнитном поле.

Фарадей родился в поселке Ньюингтон-Баттс близ Лондона (ныне часть Большого Лондона) в семье кузнеца. Семья жила небогато, и систематическое образование мальчику получить не удалось. В 13 лет он оставил школу и начал работать рассыльным в лондонском книжном магазине француза-эмигранта Рибо, а вскоре стал учеником переплетчика. Среди книг, которые ему приходилось переплетать, встречались труды по физике и химии — это пробудило в юноше страстную любознательность. Он тщательно конспектировал прочитанное, иллюстрировал записи и обсуждал идеи с окружающими.

В 1810–1811 годах Фарадей посещал Городское философское общество, где слушал выступления по физике и астрономии. А в 1812 году Фарадей раздобыл билет на цикл лекций Гемфри Дэви — знаменитого химика и физика, директора химической лаборатории Королевского института. Фарадей посетил несколько лекций, глубоко увлекся и отправил Дэви подробные конспекты своих записей. Впечатленный энтузиазмом юноши, в начале 1813 года Дэви взял его ассистентом в свою лабораторию. Осенью того же года Фарадей сопровождал профессора в двухлетнем путешествии по научным центрам Европы.

После возвращения из поездки Фарадей начал самостоятельные исследования. В 1821 году он продемонстрировал электромагнитное вращение — принцип, который лег в основу первого в мире простейшего электродвигателя.

Одним из величайших открытий ученого стала электромагнитная индукция. В августе 1831 года Фарадей доказал, что изменяющееся магнитное поле порождает электрический ток. В отчете, представленном Королевскому обществу 24 ноября 1831 года, он впервые использовал термин «магнитные силовые линии». На основе этого открытия был создан первый электромагнитный генератор — «диск Фарадея». Эти работы заложили основу для развития электроэнергетики: на подобных принципах работают генераторы на электростанциях, трансформаторы и многие другие устройства.

В 1833–1834 годах Фарадей провел серию экспериментов в области электрохимии и сформулировал законы электролиза (законы Фарадея), которые сыграли ключевую роль в развитии теории дискретных носителей электрического заряда. В 1825 году он открыл бензол — важное соединение в химии. В 1845 году ученый обнаружил явление, позднее названное эффектом Фарадея: он показал связь между светом и электромагнетизмом (вращение плоскости поляризации света в магнитном поле). Именно Фарадей ввел в научный обиход ряд терминов: «ион», «катод», «анод», «электролит», «диэлектрик». Он также предсказал существование электромагнитных волн.

Фарадей активно занимался популяризацией науки. С 1826 года он регулярно читал публичные лекции, в том числе знаменитые рождественские. Одна из них — «История свечи» — была издана отдельной книгой и стала одним из первых популярных научных изданий.

Фарадей был глубоко верующим христианином и не изменил своим убеждениям даже после публикации теории Дарвина.

Он отличался скромностью: отказался от предложения стать президентом Королевского общества, не принял рыцарское звание (по религиозным соображениям) и отклонил просьбу британского правительства помочь в разработке оружия во время Крымской войны (по этическим мотивам).

За преданность экспериментальной работе коллеги прозвали его королем экспериментов.

Существует версия, что ухудшение здоровья в поздние годы было связано с отравлением парами ртути, которая часто использовалась в его опытах.

В 1840 году Фарадей тяжело заболел Он жаловался на резкий упадок сил, головокружения и ухудшение памяти. Болезнь периодически обострялась, вынуждая ученого надолго прерывать активную работу. В 1858 году он ушел в отставку с большинства постов и поселился в Хэмптон-Корте, где провел последние девять лет жизни. Майкл Фарадей умер 25 августа 1867 года за письменным столом, немного не дожив до 76-летия. Похоронен рядом с женой на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Он хотел, чтобы похороны были скромными, поэтому на них присутствовали только родственники.

В честь ученого названа единица измерения электрической емкости (фарад), закон электролиза, эффект в оптике, а также медаль и премия Британского королевского общества.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Страхова С. А.
Понятие и природа латентной преступности в Российской Федерации 415

Султанов В. М.
Проблемы разграничения ответственности маркетплейса и продавца за недостатки товара: анализ новелл законодательства и судебной практики 417

Суплотова А. И.
Правовая природа ипотеки 419

Третьякова П. А.
Методика расследования преступлений, связанных с самовольным оставлением части или места службы 422

Тройчук Р. О.
Проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности на стадии возбуждения уголовного дела 424

Труженникова Д. А.
Оформление наследственных прав в России: текущее состояние и перспективы 425

Труженникова Д. А.
Наследственная масса как объект банкротных процедур: особенности, противоречия и пути совершенствования правового регулирования 427

Федорова В. Р., Иванова А. С.
Общежития: правовой статус и защита прав проживающих 430

Хабибуллина Г. М.
Амнистия и помилование в системе уголовно-правового воздействия: теоретико-правовой аспект 433

Хабибуллина Г. М.
Амнистия и помилование в Российской Федерации: проблемы правоприменительной практики 436

Хаметова Д. Р.
Судебные акты по гражданским делам, их система и виды 438

Харина А. П.
Расторжение договора социального найма жилого помещения: основания, порядок и проблемы правового регулирования 439

Хозеева А. И.
Роль таможенных органов в обеспечении международной экологической безопасности 443

Чадуев А. Н.
Правовая природа судимости и ее место в механизме реализации уголовной ответственности 445

Чемезова Л. П.
Проблемы правового регулирования использования земельных участков, находящихся в собственности концессионера, при реализации концессионных соглашений 448

Черноусов М. Л.
Роль социального партнёрства в регулировании нетипичной занятости в Российской Федерации 451

Чириков М. Д.
Коллизии правоприменения при обеспечении адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве 456

Шабляускас В. С.
Анализ действующего законодательства в области охраны водных объектов в рамках переданных полномочий в области водных отношений 458

Ширшов А. А.
Особенности различных категорий дел, рассматриваемых по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации 460

Якимлюк А. Г.
Законодательные механизмы обеспечения доступности культурных благ для различных категорий граждан в Российской Федерации 463

ИСТОРИЯ

Aleksandrov O. A.
«Decree on Free Cultivators»: main aspects of implementation and results 465

Купчиненко М. Д.
Экономическое развитие кубанского крестьянства в первой четверти XX века..... 467

Лобанов Д. В.
«Просвирни-крестьянки» Вятского края конца XVII — первой четверти XVIII века: сословный состав и социальная мобильность (по материалам ландратской переписи 1716 года)..... 468

ГЕОЛОГИЯ

Valiyev R. A.
Geological, tectonic and lithostratigraphic assessment of hydrocarbon prospectivity in the thrust-sheet zones of the Hamachi–Gobustan region 474

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Шишов Н. А.
Исламские мотивы и образы в песнях татарского народа..... 478

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Хусаинова В. О.
Цифровое искусство и его роль в современном мире..... 482

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и природа латентной преступности в Российской Федерации

Страхова Светлана Анатольевна, студент
Московский университет «Синергия»

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию феномена латентной преступности. Рассматриваются различные подходы к определению данного понятия, представленные в современной научной литературе. Проводится критический анализ существующих дефиниций с целью выявления их сильных и слабых сторон. По итогам исследования предлагается авторское, обобщающее определение латентной преступности, призванное более точно отразить ее природу и сущностные характеристики. Работа направлена на углубление теоретического понимания латентной преступности как важного аспекта криминальной статистики и объекта криминологического анализа.

Ключевые слова: *преступность, латентная преступность, сокрытая преступность.*

The concept and nature of latent crime in the Russian Federation

This article is devoted to a comprehensive study of the phenomenon of latent crime. Various approaches to defining this concept, presented in modern scientific literature, are examined. A critical analysis of existing definitions is carried out in order to identify their strengths and weaknesses. Based on the results of the study, the author proposes a generalizing definition of latent crime, which is intended to more accurately reflect its nature and essential characteristics. The work aims to deepen the theoretical understanding of latent crime as an important aspect of criminal statistics and an object of criminological analysis.

Keywords: *crime, latent crime, concealed crime.*

Латентная преступность представляет собой феномен, значительно искажающий объективную картину криминальной активности и порождающий комплекс негативных последствий в экономической, политической и социально-психологической сферах общества. Игнорирование данного аспекта лишает возможности адекватного определения стратегии и тактики противодействия преступности, ставя под сомнение действенность законодательной и правоприменительной деятельности, а также эффективность конкретных уголовно-правовых норм [6, с. 42].

Пионером введения понятия латентной преступности в научный оборот выступил А. Ж. Кетле, бельгийский математик и социолог [7]. Его концепция трактовала латентные преступления как деяния, «оставшиеся неизвестными правосудию». Кетле одним из первых оценил критическую значимость латентности, постулируя существование устойчивого соотношения между зарегистрированными и фактически совершенными преступлениями. Он подчеркивал, что пренебрежение латентной составляющей делает любые выводы, основанные на уголовной статистике, некорректными и утрачивающими смысл.

В дальнейшем, А. А. Конев уточнил данное понятие, определяя его как «совокупность преступлений с не истекшим сроком давности, реально имевших место и повлёкших возникновение уголовно-правовых отношений, но по каким-либо причинам не ставших известными компетентным правоохранительным органам» [4, с. 20]. Г. И. Забрянский и А. С. Шляпочников, в свою очередь, рассматривали латентную преступность как «преступления, скрытые от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершённых преступлениях» [2, с. 99].

Современная криминологическая наука, представленная в учебных изданиях, всё чаще исследует латентную преступность в многоаспектной парадигме. Так, учебник под руководством А. И. Долговой характеризует это явление как «многоплановую проблематику, изучение которой осуществляется на стыке различных научных дисциплин и требует соответствующего комплексного подхода к её разрешению». Отмечается, что «масштабы, характеристики латентной части преступности зависят от комплекса причин, среди которых не последнюю роль играет профессиональное мастерство тех, кто борется с пре-

ступностью, в том числе профессионализм криминологов-исследователей» [1, с. 123].

Исследование латентной преступности, её имманентной природы и детерминирующих факторов является предметом научных изысканий С. М. Иншакова, Н. В. Сазоновой и ряда других авторитетных учёных. Центральное место в их работах занимает осмысление сущности данного явления и формирование соответствующего категориального аппарата.

Н. В. Сазонова рассматривает скрытую преступность как специфический сегмент криминальной действительности, включающий совокупность правонарушений, не отражённых в официальной государственной статистике. По мнению исследовательницы, данное явление «обладает специфическими закономерностями формирования и трансформации, несёт в себе социальную и уголовно-правовую составляющую, представляет угрозу для общества, а также характеризуется собственными качественными и количественными параметрами, определёнными временными рамками и географическими границами распространения» [5, с. 15].

В свою очередь, С. М. Иншаков определяет латентную преступность как «ту долю реально совершённых преступлений, которая остаётся за пределами официального учёта» [3, с. 98].

Резюмируя научные позиции, представляется возможным сформулировать авторское определение. Латентная преступность представляет собой совокупность преступных деяний и их субъектов, которые, будучи совершенными в определённых пространственно-временных координатах, оказались не идентифицированными или не зафиксированными официальной уголовной статистикой. Причины, по которым латентные преступления ускользают от внимания правоохранительных органов, носят принципиально различный характер: либо сведения о их совершении не поступают в компетентные органы, либо, несмотря на их поступление, они не регистрируются по различным основаниям. Определение реального масштаба латентной преступности требует применения эмпирических методов или проведения специализированных криминологических исследований.

Таким образом, рассмотрение различных научных подходов к определению латентной преступности позволило выявить общие тенденции и существенные различия в трактовках данного феномена. От ранних представлений об «неизвестных правосудию» деяниях до современных многоаспектных концепций, охватывающих не только сам факт совершения преступления, но и его социальные, правовые и статистические импликации, криминология демонстрирует постоянный поиск более точного и полного понимания скрытой стороны преступности.

Предложенное авторское определение, включающее как факты совершения преступных деяний, так и их субъектов, не идентифицированных или не зафиксированных официальной статистикой, призвано интегрировать накопленный научный опыт. Признание принципиально различного характера причин латентности — от отсутствия информации до её формальной регистрации — открывает новые перспективы для разработки методов её выявления и учёта.

Осознание масштабов латентной преступности, выходящих за рамки официальных данных, является не просто теоретическим упражнением, но насущной практической задачей. Только посредством углублённых криминологических исследований и применения эмпирических методов возможно приблизиться к объективной картине криминальной активности, что, в свою очередь, позволит формировать более эффективные стратегии противодействия преступности и оптимизировать правоприменительную деятельность.

Литература:

1. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 912 с.
2. Забрянский Г. И., Шляпочников А. С. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. — 1971. -№ 5. — С. 98–103.
3. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. — 351 с.
4. Конев А. А. Криминологическая характеристика и предупреждение латентной преступности: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 1980. — 47 с.
5. Сазонова Н. В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. — 164 с.
6. Теохаров А. К. Понятие и природа латентной преступности // Журнал правовых и экономических исследований. — 2023. — № 4. — С.132–139.
7. Шеин В. А. Латентная преступность в Российской Федерации: проблемы идентификации, выявления и предупреждение возникновения // Научный аспект. — 2024. — № 7. — URL: https://na-journal.ru/7–2024-pravo/13832-latentnaya-prestupnost-v-rossiiskoi-federacii-problemy-identifikacii-vyyavleniya-i-preduprejdenie-vozniknoveniya.

Проблемы разграничения ответственности маркетплейса и продавца за недостатки товара: анализ новелл законодательства и судебной практики

Султанов Вадим Маратович, заведующий сектором компьютерных технологий и автоматизированных систем управления
Администрация городского округа город Нефтекамск Республики Башкортостан

В статье рассматриваются проблемы разграничения ответственности продавца и владельца агрегатора информации о товарах при дистанционной торговле. Анализируются положения Закона РФ «О защите прав потребителей» [4], Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ [5], а также судебные акты Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции по спорам с операторами маркетплейсов. Обосновывается необходимость оценивать не только факт размещения товара на платформе, но и содержание договорных отношений, предоставленную покупателю информацию и фактические функции оператора. Предлагается обсуждать расширение ответственности платформы как возможное направление совершенствования законодательства, а не как уже действующее общее правило.

Ключевые слова: *маркетплейс, владелец агрегатора, защита прав потребителей, дистанционная торговля, договорная ответственность, деликтная ответственность, цифровая платформа.*

Введение

Развитие электронной торговли привело к тому, что маркетплейсы выполняют сразу несколько функций: размещают сведения о товарах и продавцах, обеспечивают оформление заказов и оплату, а в ряде случаев организуют хранение, доставку и возврат товаров. Поэтому потребителю не всегда очевидно, кто является продавцом по договору и к кому следует предъявлять требования при обнаружении недостатков товара.

При правовой оценке необходимо различать продавца, с которым заключён договор купли-продажи, и владельца агрегатора информации о товарах. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [4] устанавливает специальные обязанности владельца агрегатора, в частности связанные с предоставлением информации и возвратом предварительной оплаты в предусмотренных законом случаях. Однако из этого не следует, что владелец агрегатора всегда освобождён от ответственности либо, напротив, автоматически отвечает за любой недостаток товара.

Статью 1253.1 ГК РФ нельзя рассматривать как общее основание статуса маркетплейса применительно ко всем потребительским спорам: она регулирует особенности ответственности информационного посредника в сфере интеллектуальных прав. В спорах о качестве товара правовая квалификация должна опираться прежде всего на нормы законодательства о защите прав потребителей [4], положения ГК РФ о соответствующем договоре и обстоятельства конкретной сделки.

Основная часть

Законодательное регулирование платформенной экономики изменилось в 2025–2026 годах. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ внёс изменения в законодательство о защите прав потребителей, в том числе предусмотрел специальные механизмы идентификации отдельных продавцов с использованием ЕСИА [10]. Содержание соответствующих обязанностей и круг лиц, на которых они распространяются, необходимо определять по тексту закона: эти изменения не следует описывать как безусловную проверку каждого продавца во всех случаях.

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [5] вступил в силу 1 октября 2026 года. Он вводит понятийный аппарат цифровых платформ и устанавливает требования к взаимодействию операторов, партнёров и пользователей, включая отдельные правила проверки сведений, размещения карточек товаров, логистики и рассмотрения жалоб. При этом закон не следует трактовать как универсальное правило о солидарной ответственности оператора и продавца за любой недостаток товара. Конкретные последствия зависят от применимых норм и обстоятельств спора.

Для определения надлежащего ответчика имеют значение как минимум следующие обстоятельства: кто указан продавцом в карточке товара и документах заказа; от чьего имени заключён договор; какую информацию о продавце предоставила площадка; какие обязательства оператор принял на себя; кто получил оплату и в каком качестве; кто организовал доставку и обработку возврата. Само по себе участие платформы в приёме платежа или логистике может иметь доказательственное значение, но автоматически не превращает её в продавца.

Показательно Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 7-КГ23–4-К2 [6] по делу Копейкина М. А. против ООО «Интернет Решения». Спор возник после аннулирования маркетплейсом Ozon предварительно оплаченного заказа на смартфон. Верховный Суд рассматривал вопрос об одностороннем аннулировании заказа и надлежащем исполнении обязательств по передаче товара. Этот судебный акт не касается производственного брака смартфона и не подтверждает сам по себе тезис о взыскании с маркетплейса стоимости некачественного товара. Его значение для темы состоит в том, что условия продажи, содержание претензии потребителя и фактические обстоятельства ис-

полнения договора должны исследоваться судами, а не заменяться формальной ссылкой на правила площадки.

В научной литературе обсуждаются разные модели распределения рисков. К. А. Киселева анализирует возможность возложения деликтной ответственности на маркетплейс при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недостаточной проверке контрагентов и извлечении платформой экономической выгоды от транзакций [1]. С. К. Степанов рассматривает основания ответственности владельцев агрегаторов за вред, причинённый вследствие недостатков товара, и аргументы в пользу развития соответствующего регулирования [2]. Е. А. Абросимова исследует договорную природу отношений между платформой, продавцом и покупателем, включая использование агентской модели, комиссии и возмездного оказания услуг [3]. Эти научные позиции следует представлять именно как доктринальные аргументы и предложения, а не как уже сложившееся обязательное правило судебной практики.

Вопрос о роли платёжной инфраструктуры также требует оценки конкретных договорных условий. Наличие у платформы функции приёма платежа само по себе не всегда означает, что она стала продавцом товара. Для квалификации отношений необходимо установить, в чьих интересах и на каком правовом основании принимались деньги, кто должен был передать товар и какие обязательства оператор принял перед потребителем. Исследования договорной модели маркетплейсов, в том числе работа Е. А. Абросимовой [3], подчёркивают важность анализа всей структуры отношений, а не одного технического признака.

Практический пример: спор о некачественном товаре

Показательно решение Ленинградского районного суда г. Калининграда от 24.02.2025 по делу № 2–1168/2025 (УИД 39RS0001–01–2024–008990–68) [7]. Покупатель приобрёл через Ozon iPhone 15 Pro стоимостью 113 990 руб.; вместо указанного в заказе белого цвета ему был передан аппарат цвета «белый титан». После того как возврат товара был одобрен, деньги своевременно не вернули. Суд частично удовлетворил иск к ООО «Интернет Решения»: взыскал стоимость товара, неустойку, убытки в размере 34 010 руб. из-за разницы в цене замещающей покупки, компенсацию морального вреда, штраф и почтовые расходы. Размер перечисленных судом сумм на дату решения составлял около 358 тыс. руб., без учёта дальнейшей неустойки. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 24.06.2025 оставило решение без изменения; 24.11.2025 Третий кассационный суд общей юрисдикции также не удовлетворил кассационную жалобу истца [7]. Важно точно описывать основание спора: речь шла о несоответствии информации о цвете товара и задержке возврата денег, а не о производственном браке смартфона.

Иной результат был получен в деле № 2–479/2025 (первоначальный номер 2–4096/2024), рассмотренном Электростальским городским судом Московской области 18.02.2025 [8]. Покупатель оспаривал отмену оплаченного заказа на три ноутбука MacBook и ссылался, в частности, на отсутствие в карточке товара адреса электронной почты и (или) номера телефона продавца. Суд отказал в удовлетворении иска. В решении указано, что суд не установил нарушения информационных обязанностей владельцем агрегатора; кроме того, истец не доказал, что именно он являлся покупателем по спорному аккаунту и заказу. Поэтому этот акт нельзя приводить как пример того, что суд признал ответственность Ozon за неполные сведения о продавце: он иллюстрирует обратный результат и значение доказательств по конкретному делу.

Эти два дела показывают, что исход спора зависит от установленных обстоятельств и заявленного правового основания. В калининградском деле суд удовлетворил требования к ООО «Интернет Решения» в связи с недостоверной информацией о товаре и несвоевременным возвратом денежных средств; в электростальском — отказал в иске, не установив заявленных нарушений и отметив недостаточность доказательств со стороны истца. Ни одно из этих решений не устанавливает общего правила, по которому маркетплейс отвечает за любой производственный недостаток товара. Если продавец определён и договор заключён именно с ним, требования по поводу недостатков товара по общему правилу предъявляются продавцу или иному лицу, прямо указанному законом. Владелец агрегатора может отвечать за нарушение собственных обязанностей при наличии предусмотренных законом оснований и доказательств.

Зарубежный опыт

В Европейском союзе Директива (ЕС) 2019/2161 [9] внесла изменения в потребительское законодательство, в том числе усилив требования к раскрытию информации на онлайн-площадках. Потребителю должна предоставляться информация о том, является ли третье лицо, предлагающее товар, предпринимателем, а также о распределении обязанностей между этим лицом и поставщиком онлайн-площадки. Однако директива не устанавливает универсального правила, согласно которому любое нераскрытие сведений автоматически приравнивает платформу к продавцу. Конкретные последствия определяются применимыми нормами ЕС и национального права. Сравнительный опыт полезен не как готовая модель для механического переноса, а как материал для оценки того, какие сведения должны раскрываться потребителю и какие средства защиты доступны при нарушении этих обязанностей.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, ответственность продавца за недостатки товара и ответственность владельца агрегатора

за нарушение собственных обязанностей — разные правовые вопросы, которые не следует смешивать. Во-вторых, статья 1253.1 ГК РФ регулирует информационное посредничество в сфере интеллектуальных прав и не может использоваться как универсальное основание для описания ответственности маркетплейса в потребительском споре.

В-третьих, Федеральный закон № 289-ФЗ [5], вступивший в силу 1 октября 2026 года, развивает регулирование платформенной экономики, но не означает автоматической солидарной ответственности оператора и продавца за все недостатки товаров. В-четвёртых, Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 7-КГ23–4-К2 [6] относится к спору об аннулировании предварительно оплаченного заказа, поэтому его нельзя приводить как пример взыскания стоимости бракованного товара с маркетплейса.

Представляется целесообразным обсудить дальнейшее развитие законодательства о защите прав потребителей в части ответственности цифровых платформ. Возможная модель могла бы учитывать степень участия оператора в заключении и исполнении сделки, достоверность раскрытия сведений о продавце и исполнение платформой собственных обязанностей. При этом солидарную ответственность следует предлагать как законодательную инициативу, чётко определив её условия, а не описывать как действующее общее правило.

Литература:

1. Киселева К. А. Деликтная ответственность маркетплейса: перспективы взыскания убытков с агрегатора в пользу обманутого покупателя // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17, № 1 (63). С. 55–61.
2. Степанов С. К. Деликтная ответственность владельцев агрегаторов за вред, причиненный вследствие недостатков товара // Закон. 2025. № 7. С. 185–197.
3. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2. С. 231–240. DOI: https://doi.org/10.21603/2542–1840–2024–8–2–231–240.
4. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (с последующими изменениями).
5. Российская Федерация. Законы. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ.
6. Верховный Суд Российской Федерации. Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 05.09.2023 № 7-КГ23–4-К2.
7. Ленинградский районный суд г. Калининграда. Решение от 24.02.2025 по делу № 2–1168/2025 (УИД 39RS0001–01–2024–008990–68) по иску Гулиева Э. А. к ООО «Интернет Решения» о расторжении договора купли-продажи, взыскании денежных средств, неустойки, убытков, компенсации морального вреда и штрафа. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 24.06.2025; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2025 по делу № 8Г-20132/2025 [88–20146/2025].
8. Электростальский городской суд Московской области. Решение от 18.02.2025 по делу № 2–479/2025 (первоначальный номер 2–4096/2024; УИД 50RS0053–01–2024–005386–89) по иску к ООО «Интернет Решения» и индивидуальному предпринимателю о защите прав потребителя. В удовлетворении иска отказано.
9. Европейский парламент и Совет Европейского союза. Директива (ЕС) 2019/2161 от 27 ноября 2019 года о внесении изменений в Директиву 93/13/ЕЭС и директивы 98/6/ЕС, 2005/29/ЕС и 2011/83/ЕС в целях лучшего обеспечения соблюдения и модернизации правил Союза в области защиты прав потребителей.
10. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ.

Правовая природа ипотеки

Суплотова Анна Ивановна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о правовой природе ипотеки в российской цивилистике. Проанализированы три основные доктринальные концепции: акцессорная (обязательственная), вещно-правовая и гибридная (смешанная). Автор доказывает, что действующее законодательство восприняло синтетический подход, согласно которому ипотека является самостоятельным ограниченным вещным правом. Обосновывается двойственный характер залога: во внутренних отношениях сторон он проявляет черты обязательственного права (акцессорность),

а во внешних — признаки вещного права (право следования, абсолютная защита, приоритетное удовлетворение требований). Ключевым элементом конструирования ипотечной модели выступает государственная регистрация в ЕГРН, выполняющая правопорождающую функцию и обеспечивающая публичную достоверность обременения. На примере принципа акцессорности построек к земельному участку иллюстрируется привязка залогового права к экономико-правовой целостности объекта. В заключение обозначены направления дальнейшего развития законодательства: детализация внесудебного обращения взыскания и гармонизация правил о банкротстве залогодателей.

Ключевые слова: *ипотека, залог недвижимости, правовая природа ипотеки, ограниченное вещное право, гибридная теория залога, государственная регистрация прав, право следования.*

The legal nature of a mortgage

Suplotova Anna Ivanovna
Volgograd State University

The article examines the debatable issue of the legal nature of mortgage in Russian civil law. Three main doctrinal concepts are analysed: the accessory (obligatory) concept, the propertylaw concept, and the hybrid (mixed) concept. The author argues that the current legislation has adopted a synthetic approach, according to which mortgage is an independent limited property right. The dual nature of the pledge is substantiated: in the internal relations of the parties, it exhibits the features of the law of obligations (accessory), and in the external ones — the signs of property law (the right of succession, absolute protection, priority satisfaction of claims). The key element in the construction of the mortgage model is the state registration in the EGRN, which performs a law-generating function and ensures the public authenticity of the encumbrance. Using the example of the principle of accessory buildings to a land plot, the binding of the lien to the economic and legal integrity of the object is illustrated. In conclusion, the following areas for further development of the legislation have been identified: the detailed specification of extrajudicial enforcement proceedings and the harmonization of rules regarding the bankruptcy of pledgers.

Keywords: *mortgage, real estate pledge, legal nature of a mortgage, limited proprietary right, hybrid theory of pledge, state registration of rights, right of retention.*

Правовая природа ипотеки определяется как залог недвижимого имущества с целью обеспечения исполнения основного обязательства (как правило, кредитного). В отличие от обычного залога, ипотека обладает существенной спецификой: заложенное имущество остается во владении и пользовании должника. Юридическая сущность этого института в России регулируется Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Институт ипотеки (залога недвижимости) традиционно занимает центральное место в системе вещного обеспечения обязательств. Несмотря на многовековую историю развития залога, вопрос о правовой природе ипотеки остается одним из наиболее дискуссионных в отечественной цивилистике.

Актуальность исследования продиктована не только теоретической неопределенностью места залогового права в системе гражданских прав, но и практическими потребностями ипотечного кредитования, требующими четкого понимания баланса интересов залогодержателя, залогодателя и третьих лиц. Целью настоящей статьи является комплексный анализ доктринальных концепций и законодательной модели ипотеки как правового феномена.

В российской юридической науке исторически сложились три основные концепции, по-разному определяющие сущность залогового права.

Акцессорная (обязательственная) теория. Сторонники данного подхода рассматривают ипотеку исключительно как дополнительное обязательство, призванное обеспечить исполнение основного долга (ст. 334 ГК РФ). С этой точки зрения ипотека лишена самостоятельного значения; ее существование полностью производно от судьбы основного обязательства. При прекращении основного долга прекращается и право залога. Данная концепция была доминирующей в советской цивилистике, где частная собственность на землю отсутствовала, а сам институт залога носил рудиментарный характер. Главный недостаток теории — неспособность объяснить абсолютную защиту залогодержателя против всех третьих лиц (эвикцию, виндикацию), что характерно именно для вещных, а не обязательственных прав.

Вещно-правовая концепция. Представители этого направления настаивают на том, что ипотека представляет собой полноценное ограниченное вещное право. Аргументация строится на классических признаках вещности:

1. Право следует за вещью (право следования). Переход права собственности на заложенное имущество к другому лицу не прекращает ипотеку (п. 1 ст. 353 ГК РФ).

2. Абсолютный характер защиты. Залогодержатель вправе истребовать предмет залога из чужого незаконного владения, в том числе у добросовестного приобретателя, если вещь выбыла из владения помимо воли залогодержателя (хотя современное российское законодательство существенно ограничило этот принцип в пользу добросовестных участников оборота).

3. Преимущественный характер удовлетворения требований. Требования кредитора удовлетворяются из стоимости конкретной вещи преимущественно перед дру-

гими кредиторами (ст. 334 ГК РФ). Слабым местом данной теории долгое время оставался юридический дуализм российского права: до реформы 2013 года регистрация договора об ипотеке носила учетный, а не конституирующий характер, что позволяло некоторым авторам отрицать возникновение полноценного вещного права до момента регистрации обременения.

Гибридная (смешанная) теория. Наиболее взвешенный подход, разделяемый большинством современных исследователей (Е. А. Суханов, Л. Ю. Василевская). Согласно этой концепции, ипотека обладает двойственной природой. Во внутренних отношениях сторон (залогодатель — залогодержатель) она проявляет черты обязательственного права (акцессорность суммы требования, зависимость от основного долга). Однако во внешних отношениях (по отношению ко всем третьим лицам) ипотека выступает как строго вещное право, опубличенное государственной регистрацией. Именно государственная регистрация придает залоговому праву эффект публичности и противопоставимости его третьим лицам, завершая формирование субъективного вещного права.

Действующее гражданское законодательство восприняло гибридный подход, создав сложную двухуровневую конструкцию регулирования. Базовые нормы содержатся в части первой Гражданского кодекса РФ (общие положения о залоге — § 3 главы 23), а специальные правила — в Федеральном законе от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Анализ ст. 334 ГК РФ позволяет выделить ключевые юридические признаки современной российской ипотеки:

1. Объектом выступает недвижимая вещь. В отличие от движимого имущества, где возможен залог с передачей вещи кредитору, при ипотеке предмет залога всегда остается во владении и пользовании залогодателя (если иное не предусмотрено договором).

2. Право преимущественного удовлетворения. Кредитор имеет право получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество. Важно отметить, что предметом удовлетворения являются не только основной долг, но и проценты, неустойки, издержки на содержание вещи и расходы по взысканию (ст. 3 Закона об ипотеке).

3. Государственная регистрация как условие возникновения права. В соответствии со ст. 11 Закона об ипотеке и ст. 8.1 ГК РФ, право залога возникает с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). До внесения записи в реестр договор связывает лишь его стороны, но не имеет эффекта против третьих лиц. Таким образом, запись в ЕГРН выполняет правопорождающую функцию, переводя право из плоскости относительных связей в плоскость абсолютных (вещных) отношений.

Особый интерес вызывает проблема трансформации предмета ипотеки. Если земельный участок или здание подвергаются физическому уничтожению, ипотека по общему правилу прекращается. Однако закон предусматривает механизм замещения: при возведении на заложенном участке новых зданий они автоматически становятся предметом залога без заключения дополнительных соглашений (принцип акцессорности построек к земле — ст. 64 Закона об ипотеке). Это наглядно подтверждает вещный характер права, привязанного не к конкретному кадастровому номеру объекта, а к экономико-правовой целостности земельного участка.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что правовая природа ипотеки в современном российском праве носит синтетический характер. Отказавшись от узкообязательственного взгляда советского периода, законодатель конструирует ипотеку как самостоятельное ограниченное вещное право, наделенное свойством следования и публичной достоверностью благодаря обязательной государственной регистрации.

Вместе с тем ипотека сохраняет тесную генетическую связь с основным обязательством, проявляя свою функциональную природу именно через реализацию притязания кредитора. Акцессорность проявляется в динамике правоотношения (возникновение, объем требования, прекращение), тогда как вещность определяет его статику (противопоставимость третьим лицам, приоритет, юрисдикционную форму защиты). Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на детализацию режима внесудебного обращения взыскания и гармонизацию правил о банкротстве залогодателей, чтобы окончательно снять противоречия между формальной вещностью ипотеки и экономическим содержанием кредитных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 29. — Ст. 3400.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 9.
5. Бевзенко Р. С. Проблемы квалификации титульного обеспечения // Вестник экономического правосудия РФ. — 2019. — № 2. — С. 112–135.

6. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. — М.: Статут, 2018. — 528 с.
7. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. — М.: Статут, 2020. — 286 с.
8. Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и банкротство: актуальные вопросы // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2021. — № 5. — С. 44–67.
9. Кулаков В. В. К вопросу о вещно-правовом характере залога // Российское правосудие. — 2022. — № 3. — С. 25–34.
10. Рассказова Н. Ю. Новое в законодательстве о залоге // Закон. — 2020. — № 1. — С. 88–101.
11. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут, 2017. — 560 с.
12. Церковников М. А. Оспаривание сделок при банкротстве: проблемы и решения. — М.: М-Логос, 2021. — 198 с.
13. Чупрунов И. С. Договор купли-продажи с условием об обратном выкупе и конструкция титульного обеспечения // Закон. — 2023. — № 4. — С. 15–29.
14. Щенникова Л. В. Вещное право: Учебное пособие. — Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2019. — 240 с.

Методика расследования преступлений, связанных с самовольным оставлением части или места службы

Третьякова Полина Антоновна, студент
Тюменский государственный университет

Как гласит статья 59 Конституции Российской Федерации, защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Во все времена защита Родины от любой агрессии являлась основой патриотического воспитания и одной из первостепенных задач военной службы.

Правовым обоснованием деятельности военнослужащих на территории Российской Федерации выступает в первую очередь основной закон государства — это Конституция Российской Федерации, а также Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ, и другие нормативно-правовые акты.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации, преступления против военной службы, находят своё отражение в Главе 33. Как правило, преступления против военной службы носят высокую общественную опасность, поскольку такие преступления одновременно нарушают не только воинскую дисциплину, нанося ущерб боеспособности и боеготовности воинских частей или подразделений, но и порядок прохождения военной службы, негативно воздействуют на функционирование Вооруженных Сил Российской Федерации. Прохождение военной службы, обеспечивает безопасность нашего государства, защиту его интересов, которые в свою очередь влекут за собой большое количество обязанностей со стороны военнослужащего, нарушение которых, приводит к наступлению общественно опасных последствий.

Преступления против военной службы, указанные в главе 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации, включают в себя двадцать два состава, одним из самых серьезных выделяют — самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ).

Данную тему рассматривали такие авторы, как: Маликов С. В., Савенков А. Н., Антонов В. П., Балашов Д. Н., которые в своих работах раскрывали непосредственно типичные следственные ситуации, связанные с преступлениями против военной службы, а также порядок их разрешения, Винокуров А. Ю., Кривенко А. И., Климов Р. Н., Кузнецов М. С., в большей мере описывали преступления против военной службы с точки зрения уголовно-правовой характеристики, а Леонов Ю. К., Мурашкин И. А., Парфенов А. П., Чурилов С. Н., Щукин В. Н., Яловой О. А., Комиссарова Я. В., Багмет А. М., Васильченко Ю. В., Григорьев В. Н., Кудрявцев П. А., Пинчук П. В., Холопова Е. Н. в своих работах совмещают не только расследование преступлений против военной службы в мирное время, но и раскрывают аспекты того, как строится работа и проводятся отдельные следственные действия в военное время.

Согласно Уголовному Кодексу Российской Федерации: «Преступлениями против военной службы признаются преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов». Подразумевается, что преступления против военной службы характеризуются едиными признаками с другими преступлениями, как правило, такими признаками выступают: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость.

В истории нашей страны самовольное оставление части или места службы стало набирать обороты во время войны 1812 года, когда французам была сдана Москва. Данное событие сильно деморализовало армию и большинство солдат, под гнетом происходящего, растворились в лесах, окружающих Москву. После того, как бегство из армии стало внушительным, командование направляло письма в губернии, в которых оно старалось оповестить глав о том,

что дезертиры могут быть опасны, поскольку, ими во время побега, могут участиться случаи разбоев и мародерства.

Острой проблемой встало самовольное оставление части или места службы и во времена Первой мировой войны. Первые оповещения о самовольное оставление части или места службы появились во время вступления Российской империи в войну, сведения о дезертирах стали появляться уже в первые месяцы. Самовольное оставление части или места службы объяснялось различными факторами. Во времена царской России многие солдаты оставляли часть из-за тяжелых условий жизни в армии, недостатка продовольствия и жестокого наказания за малейшие проступки. В разные годы войны самовольное оставление части или места службы в царской армии принимало различные формы, и лишь только к концу 1916 года, самовольное оставление части или места службы принимает свою истинную форму, а именно — бегство с фронта подальше в тыл.

Источником информации о преступлении против военной службы является их криминалистическая характеристика, которая представляет собой информационную модель, содержащую в себе знания о наиболее важных криминалистических признаках объекта, его строении, функциях и связях. Один из представителей в области криминалистической деятельности Григорович В. Л. отмечал следующее: «Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой информационную модель об этих элементах, чем обеспечивает анализ исходной информации для оценки складывающейся следственной ситуации, выдвижения версий и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию».

Если прослеживать тенденцию применения криминалистической характеристики преступлений, необходимо обозначить, что при правильном и умелом её использовании — это послужит предпосылкой для всестороннего, объективного и полного расследования преступлений. Если рассуждать о преступлениях, предусмотренных статьей 337 Уголовного Кодекса Российской Федерации, то для этого существует криминалистическая характеристика, которая выражается в характеристике личности военнослужащего, его должностном положении, воинском звании, а также порядке прохождения службы, в способах совершения преступления и в обстановке совершения преступления, которая включает в себя место и время совершения преступления.

Преступления против военной службы, предусмотренные статьёй 337 Уголовного Кодекса Российской Федерации, носят высокую общественную опасность, поскольку такие преступления одновременно нарушают не только воинскую дисциплину, нанося ущерб боеспособности и боеготовности воинских частей или подразделений, но и порядок прохождения военной службы, негативно воздействуют на функционирование Вооруженных Сил Российской Федерации.

Исходя из криминалистической характеристики преступлений против военной службы, предусмотренные статьёй 337 Уголовного Кодекса Российской Федерации, личности преступника должна выделяться значимая роль, поскольку именно благодаря всестороннему изучению личности, станет возможным, эффективно провести отдельные следственные действия. Установив личность военнослужащего, совершившего преступления, предусмотренные статьёй 337 Уголовного Кодекса Российской Федерации, его следует тщательнее проверять на причастность к иным преступлениям, установленным Уголовным Кодексом Российской Федерации, поскольку исходя из судебной практики, военнослужащие, стараясь как можно дольше не возвращаться к несению воинских обязанностей, стараются найти средства к существованию любым путем, в том числе и путём совершения краж, грабежей и разбоев.

В заключении следует отметить, что проблема расследования преступлений против военной службы, таких как самовольное оставление части или места службы, может быть вызвана различными причинами. Поскольку в расследовании преступлений против военной службы могут возникнуть проблемы недостаточности информации или доказательств, для того чтобы установить обстоятельства преступления и привлечь виновных к ответственности.

Для решения этих проблем необходимо улучшать сотрудничество между военными и правоохранительными органами, обеспечивать необходимые ресурсы и обслуживание для расследования преступлений, а также содействовать независимости и объективности расследований.

Литература:

1. Антонов Ю. И. Самовольное оставление части или места службы: уголовно правовой аспект. Москва, 2007. 26 с.
2. Ахметшин Х. М. Советское военно-уголовное законодательство. Москва, 1972. 93 с.
3. Сорочкин А. С. Криминалистическая тактика: учебник. Москва, 2013. 728 с.
4. Ахметшин Х. М. Избранные труды под ред.: Зателепина О. К. Москва: Юрлитинформ, 2011. 448 с.
5. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. Москва, 1982. 101 с.
6. Белкин Р. С., Быховский А. В., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке. Москва, 1987. 57 с..
7. Винокуров В. Н. Объект преступления: систематизация и классификация. Красноярск, 2011. 85 с.
8. Григорович В. Л. Криминалистическая характеристика общественно опасного деяния как элемент противодействия преступности. Проблемы правоохранительной деятельности: международный научно-теоретический журнал. Белгород, 2016. 41–46 с.
9. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистическая тактика: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 192 с.

Проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности на стадии возбуждения уголовного дела

Тройчук Рита Олеговна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье автор исследует ключевые проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *квалификация преступлений, стадия возбуждения уголовного дела, преступления коррупционной направленности.*

В современном УПК России стадия возбуждения уголовных дел предостерегает правоприменителя от неправомерного возбуждения уголовного дела, способствует экономии процессуального времени.

Рассматривая проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовных дел коррупционной направленности, считаем целесообразным уделить внимание сложностям, возникающим при квалификации преступлений отдельных коррупционных составов.

Пункт 4 части 2 статьи 146 УПК России прямо указывает на то, что в результате проверки сообщения и принятии решения о возбуждении уголовного дела следователем дается первая квалификация выявленного преступного деяния. Иными словами, в постановлении о возбуждении уголовного дела указываются пункт, часть, статья УК России, на основании которых возбуждается уголовное дело.

Безусловно, само правовое явление — квалификация — это процесс динамичный, он совершается на разных стадиях уголовного процесса. Квалификация преступления может измениться в ходе предварительного расследования уголовного дела, поскольку могут вскрыться новые факты по делу. Также переквалификация может потребоваться на стадии судебного разбирательства или при обжаловании приговора суда первой инстанции. То есть нельзя сказать, что квалификация — это первоочередная цель стадии возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, на наш взгляд, оттого, насколько верной является квалификация преступления на стадии возбуждения уголовного дела — будет зависеть дальнейшее его расследование и рассмотрение. Так, верная квалификация на первой стадии уголовного процесса позволит в дальнейшем сэкономить процессуальное время, снизит риск жалоб.

Неверная квалификация преступления на стадии возбуждения уголовного дела коррупционной направленности может повлечь необоснованное уголовное преследование (нарушение части 2 статьи 6 УПК России «Назначение уголовного судопроизводства»).

Причиной неверной квалификации преступлений коррупционной направленности является как недостаточная квалифицированность правоприменителей, так и некоторые несовершенства действующего законодательства.

Во-первых, действующими нормативными правовыми актами не предусмотрено легальное определение коррупционных преступлений. Что относить к коррупционным составам, мы можем понять лишь из определения «коррупции» в федеральном законе от 25.12.2008 № 273 «О противодействию коррупции» [2], а также по перечню № 23, закрепленного указанием Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [3]. Вместе с тем, в самом УК России коррупционные составы не перечисляются, что создает расхождения в правоприменительной практике.

В правоприменительной практике особую сложность вызывает квалификация действий должностных лиц, которые формально содержат признаки общеуголовных составов (в частности, хищения имущества либо незаконного оборота запрещённых предметов). Ключевым обстоятельством в таких случаях выступает установление наличия связи между совершёнными действиями и должностными полномочиями лица.

Во-вторых, в УК России содержится ряд оценочных категорий. Так, по статье 285 УК России уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями наступает только при условии, что деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. В связи с отсутствием легального определения понятия «существенный вред», правоприменитель дает оценку вреда на свое усмотрение, что создает сложности для формирования единообразной правоприменительной практики.

В-третьих, квалификация превышения должностных полномочий (статья 286 УК России) требует не только констатации выхода за пределы полномочий, но и системного установления фактических и юридических обстоятельств.

На практике это реализуется через три взаимосвязанных этапа: подтверждение статуса должностного лица; определение нормативной основы его полномочий; фиксация фактического поведения в сопоставлении с разрешенными действиями.

Оценка последствий при этом носит не формальный, а содержательный характер: правомерность действий определяется их соответствием закону и общественной полезностью, тогда как неправомерность связывается

с причинением вреда охраняемым интересам. Именно установление характера и размера такого вреда зачастую становится ключевым для обоснования наличия состава преступления.

В-четвертых, проблемы возникают при возбуждении уголовных дел по главе 23 УК России, которая содержит преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Так, если деяние, предусмотренное данной главой УК России, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

При этом при совершении преступления самим руководителем существенно осложняет сбор доказательственной базы ввиду его доступа к документам и влияния на подчиненных.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос квалификации преступлений коррупционной направленности на стадии возбуждения уголовного дела имеет серьезное значение для уголовного судопроизводства. Варианты его решения требуют дальнейшего рассмотрения в области теории и практики.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
3. Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 608 с.
5. Бем А. А. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12–3. С. 32–34.
6. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Гаврилова Б. Я. М.: Юрайт, 2026. 542 с.

Оформление наследственных прав в России: текущее состояние и перспективы

Труженникова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Данная статья посвящена актуальным вопросам механизма наследования в Российской Федерации, выявлении существующих проблем и попыткам определить пути их решения путем модернизации действующего законодательства.

Ключевые слова: *наследственные права, наследник, наследодатель, принятие наследства, открытие наследства.*

Registration of hereditary rights in Russia: current state and prospects

This article is devoted to current issues related to the mechanism of inheritance in the Russian Federation, the identification of existing problems, and attempts to determine ways to resolve them by modernizing the current legislation.

Keywords: *inheritance rights, heir, testator, acceptance of the inheritance, opening of the inheritance.*

Существующий в современной России порядок оформления наследственных прав требует совершения ряда последовательных действий. Изначально необходимо установить наличие наследников независимо от того, являются ли они наследниками по закону или по завещанию. Очерёдность наследования закреплена в главе 63 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Если у наследодателя отсутствовали близкие родственники, в течение шести месяцев после смерти о правах на наследство могут заявить представители следующих очередей

наследования. В таком случае родство должно быть документально подтверждено. Если в течение шести месяцев после смерти наследодателя заявления о правах на наследство не поступили, имущество приобретает статус выморочного и переходит в собственность государства.

В остальных случаях процесс оформления наследства можно разделить на четыре этапа:

1. Открытие наследства. Датой открытия наследства всегда является дата смерти наследодателя. Если местонахождение наследодателя длительное время неизвестно и имеются основания полагать, что он умер, суд признаёт его умершим, и датой открытия наследства считается дата вступления в силу соответствующего решения суда;

2. Принятие наследства либо отказ от него с соблюдением принципа правопреемства. Правопреемник получает как имущество, так и обязательства наследодателя. Принятие наследства может быть оформлено документально либо осуществляться фактически путём владения, пользования, сохранения, погашения долгов наследодателя, содержания и иных действий по управлению наследственного имущества. Долги наследодателя переходят к наследнику в размере, не превышающем стоимость перешедшего имущества [2].

Отказ от наследства оформляется нотариально и освобождает наследника как от долговых обязательств наследодателя, так и от права на получение имущества;

3. Получение свидетельства о праве на наследство. Нотариус оформляет свидетельство и сопровождает переход прав от наследодателя к наследнику. В обязательном порядке проводится опись имущества для определения его состава и стоимости. Согласно статье 1172 Гражданского кодекса РФ, опись осуществляется в присутствии нотариуса и свидетелей; её результаты фиксируются в акте. При отсутствии завещания доли распределяются между всеми наследниками. При наличии завещания доли распределяются в соответствии с ним, за исключением случаев обязательной доли, причитающейся несовершеннолетним детям, а также нетрудоспособным детям, супругу и родителям.

4. Передача имущества наследникам. При возникновении споров между наследниками возбуждается судебное разбирательство.

Наиболее распространённой проблемой в рассматриваемой сфере является пропуск срока для заявления прав на наследство. Частой причиной выступает отсутствие у наследника сведений о смерти наследодателя. Суд, как правило, восстанавливает срок при представлении доказательств уважительности причин пропуска, после чего наследнику предоставляется ещё шесть месяцев для принятия наследства. Вместе с тем действующее законодательство не содержит специальной нормы о ситуации, когда наследник не знал о смерти наследодателя, а также не раскрывает содержание понятия «уважительные причины», что предопределяет разрешение вопроса исключительно в судебном порядке [3].

Рассмотрим пример на практике: Решением № 2–446/2026 2–446/2026~М-78/2026 М-78/2026 от 1 марта 2026 г., суд рассмотрел требования наследника к органу местного самоуправления о восстановлении срока принятия наследства, установлении факта владения и пользования недвижимым имуществом и факта принятия наследства. Спор возник вследствие пропуска установленного законом шестимесячного срока для принятия наследства после смерти наследодателя, при том, что наследник фактически осуществлял действия по владению и пользованию спорным недвижимым имуществом, а муниципальный орган претендовал на него как на бесхозяйное либо выморочное.

Существенное значение для разрешения спора имели доказательства фактического владения и пользования недвижимостью наследником после открытия наследства: совершение действий по содержанию имущества, оплате связанных с ним расходов, его охране. Суд признал эти обстоятельства достаточными для вывода о принятии наследства в порядке п. 2 ст. 1153 Гражданского кодекса РФ, что одновременно обосновывало и восстановление срока по ст. 1155 Гражданского кодекса РФ. Пассивность ответчика отсутствие возражений, по существу, и непредставление доказательств, опровергающих факт владения, усилила позицию истца, позволив суду исходить из установленных фактических обстоятельств без необходимости их дополнительной проверки. Иные возможные доводы суд отверг как несущественные на фоне доказанного фактического поведения наследника.

В результате требования удовлетворены: срок принятия наследства восстановлен, установлены факты владения, пользования недвижимым имуществом и принятия наследства. Решение фиксирует подход, согласно которому фактическое вступление во владение наследственным имуществом признаётся достаточным основанием для восстановления срока и признания наследства принятым даже при отсутствии своевременного обращения к нотариусу, а претензии муниципального органа на такое имущество отклоняются при доказанности действий наследника.

Аналогичной проблемой выступает ситуация, когда лицо, пытающееся восстановить родственные связи, узнаёт о смерти родственника. В большинстве случаев суды отказывают в восстановлении срока принятия наследства, указывая, что отсутствие сведений о смерти не признаётся уважительной причиной и что розыск родственников следовало осуществлять ранее. В качестве доказательства рассматриваемой проблемы может служить Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2019 № 86-КГ19–1.

В вышеуказанном деле наследники по закону обратились в суд с требованием о восстановлении срока для принятия наследства, ссылаясь на то, что о смерти отца им стало известно лишь спустя почти год после открытия наследства. Причиной пропуска установленного законом срока указывали отсутствие общения с наследодателем, обусловленное сложившееся после расторжения брака родителей, а также утрату телефонной связи.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении иска, указала, что само по себе незнание наследника об открытии наследства не является основанием для восстановления пропущенного срока. Не желание поддерживать родственные отношения, отсутствие интереса к судьбе наследодателя носят субъективный характер и не относятся к уважительным причинам, предусмотренным пунктом 1 статьи 1155 Гражданского кодекса Российской Федерации. При должной осмотрительности и заботливости наследники могли и должны были своевременно указать о смерти отца. Доказательств наличия объективных, не зависящих от них обстоятельств, препятствовавших поддержанию родственной связи, представлено не было.

Таким образом, попытка восстановить родственные связи после длительного перерыва и последующее обращение за наследством не признаются судом достаточным основанием для восстановления срока принятия наследства [4].

Вместе с тем законодательство не возлагает на наследников обязанность разыскивать и поддерживать связь с родственниками, за исключением случаев наличия алиментных обязательств.

На основании изложенного можно сделать вывод, что, несмотря на достаточно чёткую структуру механизма наследования в современной России, он нуждается в дальнейшей модернизации и конкретизации применительно к обозначенным проблемам. В качестве направлений такой модернизации предлагается:

1. Дополнить статью 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации положением о том, что недееспособные, нетрудоспособные и несовершеннолетние наследники признаются принявшими наследство независимо от момента его открытия, что послужит дополнительной мерой защиты социально незащищённых граждан;

Предлагаемые изменения законодательства в большей мере направлены на обеспечение прав социально уязвимых категорий граждан Российской Федерации и позволят более полно реализовывать конституционное право на наследование.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / Российская Федерация. Законы. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Лаптаева, Е. А. Актуальные проблемы осуществления и защиты наследственных прав / Е. А. Лаптаева. — Текст: непосредственный // Научный Лидер. — 2026. — № 21 (274). — С. 204–206.
3. Аносов, В. А. Проблема реализации единообразия нотариальной практики оформления наследственных прав / В. А. Аносов. — Текст: непосредственный // Per aspera ad astra — через тернии к звёздам: сборник научных статей Международных научных студенческих слушаний, Ставрополь, 8 апреля 2022 года. Вып. 16. — Ставрополь: Фабула, 2022. — С. 13–19.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2019 № 86-КГ19–1. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=577275#W32S4XVoBm7vBxKb1 (дата обращения: 03.10.2026).
5. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) / Верховный Суд Российской Федерации. — Текст: непосредственный // Российская газета. — 2012. — 6 июня (№ 127).

Наследственная масса как объект банкротных процедур: особенности, противоречия и пути совершенствования правового регулирования

Труженникова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Данная статья посвящена анализу наследственной массы как объекта банкротных процедур в российском праве, выявлению особенностей и противоречий правового регулирования, а также определению путей его совершенствования.

Ключевые слова: *наследственная масса, банкротство, наследники, кредиторы, правовое регулирование, несостоятельность.*

Hereditary mass as an object of bankruptcy procedures: features, contradictions and ways to improve legal regulation

This article is devoted to the analysis of the hereditary mass as an object of bankruptcy procedures in Russian law, the identification of features and contradictions of legal regulation, as well as the determination of ways to improve it.

Keywords: *hereditary mass, bankruptcy, heirs, creditors, legal regulation, insolvency.*

Согласно части 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации, государство обеспечивает гарантию права на наследование, что подчеркивает его фундаментальную роль в защите имущественных интересов граждан [1]. Когда наследодатель оказывается должником по обязательствам, возникает довольно сложная ситуация на стыке наследственного и банкротного права. Здесь имущество умершего должно использоваться в первую очередь для расчетов с кредиторами, но при этом не должно необоснованно ущемляться положение наследников.

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в т. ч. имущественные права и обязанности, которые и являются наследственной массой [2]. В наследственную массу не включаются права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя, в частности, право на алименты, а также право на возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью гражданина. Кроме того, в наследственную массу не входят любые иные права и обязанности, если их передача по наследству прямо запрещена нормами самого Гражданского кодекса РФ или положениями других федеральных законов. Таким образом, законодатель защищает строго персональный характер определённых правоотношений, которые прекращаются со смертью их носителя и не обременяют наследников.

Согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в отношении смерти гражданина-должника предусмотрены две основные ситуации [3]. Первая — когда открытие наследства происходит уже после возбуждения дела о банкротстве при жизни должника; вторая — когда производство по делу возбуждается после смерти гражданина. В обоих случаях процедура направлена на обособление имущества наследодателя от имущества наследников, чтобы требования кредиторов удовлетворялись исключительно за счёт наследственной массы, без обращения взыскания на личное имущество правопреемников.

В российской правовой доктрине такой механизм принято обозначать термином «банкротство наследственной массы». Этот институт давно и успешно функционирует в странах Западной Европы, где имущество умершего должника полностью передаётся под контроль специального управляющего, который организует его продажу и погашение оставшихся долгов. В законодательстве Российской Империи подобный термин также применялся, хотя для современного российского права он в значительной степени представляет собой новеллу, опирающуюся на устоявшиеся доктринальные подходы и зарубежный опыт.

Одна из ключевых особенностей института, неоднократно отмечавшаяся в доктрине, состоит в том, что наследуемое имущество способно участвовать в гражданско-правовых отношениях и банкротных процедурах без участия центральной фигуры — самого должника (наследодателя). Чтобы восполнить этот пробел, законодатель возлагает отдельные права и обязанности должника на нотариуса (до принятия наследства) либо на принявших наследство наследников.

В соответствии с п. 4 ст. 223.1 Закона о банкротстве, в случае смерти должника или объявления его умершим права и обязанности гражданина в деле о банкротстве после истечения срока принятия наследства переходят к принявшим наследство наследникам. До истечения этого срока указанные функции осуществляет нотариус по месту открытия наследства. При этом, как предусмотрено ст. 63.1 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариус не проводит обычную опись наследственного имущества, а реализует именно полномочия, установленные Законом о банкротстве [4]. К ним относятся предоставление финансовому управляющему сведений о составе наследственной массы, подача в арбитражный суд ходатайства о применении правил § 4 главы X Закона о банкротстве и переход к процедуре реализации имущества.

Наследники, естественно, заинтересованы в сохранности наследственной массы хотя бы в части, поскольку раздел наследства возможен только по истечении шестимесячного срока — за это время могут объявиться другие наследники. Однако длительность этого периода нередко создаёт сложности: юридические лица, где умерший был единственным учредителем, без нового руководства рискуют утратить платежеспособность.

Пункт 6 ст. 223.1 Закона о банкротстве специально защищает наследников: до истечения срока принятия наследства финансовый управляющий не вправе привлекать за счёт должника (наследственной массы) иных лиц для исполнения своих обязанностей, чтобы избежать ненужных расходов. Наследники также стремятся контролировать оценку и продажу имущества: по п. 2 ст. 213.26 Закона о банкротстве оценку конкурсной массы проводит финансовый управляющий самостоятельно, а должник имеет лишь право оспаривать его действия. За время, пока наследники не вступили в права, имущество может быть оценено и реализовано без их активного участия.

Гражданский кодекс РФ не устанавливает специальных правил оценки наследственного имущества в банкротном контексте, поэтому стоимость определяется по рыночной

цене на момент открытия наследства — даже если процедура затянется и цены изменятся, оценка остаётся привязанной к дате смерти наследодателя.

Заявление о банкротстве наследственной массы подаётся только после принятия наследства, с предоставлением доказательств такого принятия. Если все наследники отказываются от наследства, имущество признаётся выморочным и переходит в собственность Российской Федерации или муниципального образования — они и становятся участниками дела.

Главной задачей института является чёткое обособление имущества наследодателя для полного удовлетворения требований кредиторов. На личное имущество наследников, приобретённое до принятия наследства, взыскание не обращается. Особое значение имеет очередность: требования, неразрывно связанные с личностью должника, удовлетворяются в приоритетном порядке; после открытия наследства возникают также текущие расходы по охране и управлению наследственной массой.

В конкурсную массу включается всё имущество наследодателя на момент смерти, в том числе единственное жильё. Исключение предусмотрено только для жилого помещения, которое после принятия наследства стало единственным пригодным для проживания наследника. Обязательная доля в наследстве, для несовершеннолетних/нетрудоспособных детей, супруга, родителей, иждивенцев — не менее половины доли по закону независимо от завещания, также защищена: ст. 1149 ГК РФ направлена на материальное обеспечение уязвимых категорий.

У должника в обычном банкротстве есть обязанность предоставлять полную информацию об имуществе и сделках, иначе риск отказа в освобождении от обязательств. В случае банкротства наследственной массы наследник часто не обладает всей информацией о действиях наследодателя. Наследники отвечают по долгам только в пределах стоимости принятого наследства согласно ст. 1175 ГК РФ, поэтому предоставляют сведения в доступном им объёме; остальная информация получается финансовым управляющим из независимых источников.

Пункт 10 ст. 223.1 Закона о банкротстве устанавливает, что определение о завершении реализации имущества гражданина не подлежит пересмотру, что фиксирует пределы ответственности наследников и обеспечивает стабильность правопреемства. Однако возникает вопрос о возможных злоупотреблениях со стороны недобросовестных наследников.

В законодательстве, регулирующем пересечение наследственного и банкротного права, существует ряд противоречий и пробелов, которые усложняют защиту интересов кредиторов, наследников и уязвимых категорий граждан. Согласно статье 223.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в случае смерти должника процедура банкротства наследственной массы направлена на обособление имущества наследодателя для удовлетворения требований кредиторов без обращения взыскания на личное имущество наследников. Однако шестимесячный срок принятия наследства создает практические трудности, особенно в случаях, когда наследодатель был единственным учредителем юридического лица, поскольку отсутствие оперативного управления может привести к потере платежеспособности и уменьшению наследственной массы. Кроме того, до истечения этого срока нотариус, в соответствии со статьей 63.1 Основ законодательства РФ о нотариате, выполняет ограниченные функции по предоставлению сведений финансовому управляющему, но наследники лишены возможности активно участвовать в оценке и реализации имущества, что предусмотрено статьей 213.26 Закона о банкротстве, где оценка проводится финансовым управляющим самостоятельно. Это может привести к недооценке активов или их реализации без учета интересов правопреемников, особенно учитывая, что стоимость имущества фиксируется на момент открытия наследства по статье 1115 ГК РФ, игнорируя возможные рыночные изменения за период процедуры.

Другой проблемой является включение в конкурсную массу всего имущества наследодателя, включая единственное жилье, без автоматического учета обязательной доли в наследстве, гарантированной статьей 1149 ГК РФ для несовершеннолетних лиц, нетрудоспособных супруга, родителей и иждивенцев. Хотя пункт 7 статьи 223.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г., предусматривают возможность исключения единственного пригодного для проживания помещения из конкурсной массы, если оно стало таковым для наследника после принятия наследства, это не решает вопрос текущего содержания уязвимых категорий во время процедуры, поскольку обязательная доля не выделяется для ежемесячных выплат, аналогичных алиментным обязательствам, которые прекращаются со смертью должника по статье 1112 ГК РФ. Наследники часто не обладают полной информацией о сделках и имуществе наследодателя, что усложняет их ответственность по долгам в пределах стоимости наследства, а финансовый управляющий вынужден полагаться на независимые источники, что замедляет процесс.

Для совершенствования правового регулирования предлагается установить механизм предварительного участия наследников в оценке имущества до истечения срока принятия наследства, разрешив им оспаривать действия финансового управляющего на этапе формирования конкурсной массы, с обоснованием оценки по текущей рыночной цене на момент открытия наследства, что находит свое отражение в практике.

Так Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 17 марта 2015 г. по делу № 33–2271/2015 разрешило спор о взыскании долга по кредитному договору с наследников [5]. Суд применил при разрешении спора п. 60 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» и указал на то, что «Стоимость перешедшего к наследникам имущества, пределами

которой ограничена их ответственность по долгам наследодателя, определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства вне зависимости от ее последующего изменения ко времени рассмотрения дела судом. Поскольку смерть должника не влечет прекращения обязательств по заключенному им договору, наследник, принявший наследство, становится должником и несет обязанности по их исполнению со дня открытия наследства (например, в случае, если наследодателем был заключен кредитный договор, обязанности по возврату денежной суммы, полученной наследодателем, и уплате процентов на нее). Размер задолженности, подлежащей взысканию с наследника, определяется на время вынесения решения суда» [6].

В целях устранения существующих в правоприменительной практике затруднений, связанных с получением финансовым управляющим сведений, необходимых для формирования конкурсной массы, целесообразно предусмотреть в законодательстве о нотариате положение, аналогичное механизму, установленному в Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости» (в части предоставления нотариусу сведений из Единого государственного реестра недвижимости по его запросу в связи с совершением нотариальных действий). Такая аналогия позволит возложить на нотариуса обязанность запрашивать и передавать финансовому управляющему сведения из соответствующих государственных реестров и баз данных в объеме, требуемом для исполнения функций, предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», что минимизирует пробелы в информации о составе наследственного имущества и связанных с ним правах и обременениях. На сегодняшний день финансовые управляющие систематически сталкиваются с отказами нотариусов в предоставлении таких сведений, что обусловлено ограничениями режима нотариальной тайны и отсутствием прямого законодательного основания для их разглашения в пользу управляющего. Введение подобного регулирования, по модели взаимодействия нотариусов с органами регистрации прав, обеспечит оперативность и полноту получения данных без нарушения баланса интересов участников процедуры.

Важно подчеркнуть, что банкротство наследственной массы принципиально отличается от обычного банкротства гражданина: его цель — пропорциональное удовлетворение требований кредиторов, а не социальная реабилитация должника. Институт требует дальнейшего внимания законодателя: существует ряд проблем, для решения которых необходимы изменения в законе или официальные разъяснения пробелов в толковании норм. В настоящей работе рассмотрена лишь часть этих вопросов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 445.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462–1: ред. от 31 июля 2025 г. // Российская газета. — 1993. — 13 марта. — № 49.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ: ред. от 8 августа 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: ред. от 29 декабря 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
5. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г.: ред. от 29 апреля 2026 г. // КонсультантПлюс: [справочно-правовая система].
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 17 марта 2015 г. по делу № 33–2271/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/424292663/ (дата обращения: 24.09.2026).

Общежития: правовой статус и защита прав проживающих

Федорова Виктория Робертовна, студент;
Иванова Анастасия Сергеевна, студент
Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Общежития играют важную роль в современной жизни. Они решают важные социальные проблемы: обеспечивают жильем иногородних студентов, обучающихся на очной форме обучения и заочной на период прохождения промежуточной и итоговой аттестации, и работников, выполняющих трудовые функции отдаленно от постоянного места проживания.

В настоящее время ключевые учебные заведения среднего профессионального и высшего образования находятся в городах-миллионниках, поэтому студенты вынуждены

переезжать из родных городов, работники, в свою очередь, с целью получения высоких доходов стремятся трудоустроиться в мегаполисах для улучшения условий своей жизни.

Несмотря на распространенность и востребованность данного вида жилья, значимые правовые аспекты недостаточным образом урегулированы на законодательном уровне. Следовательно, возникает большое количество противоречий и неопределенностей, которые выражаются в нарушении прав и законных интересов проживающих.

Цель настоящей статьи — провести комплексный анализ правового статуса общежитий как объектов специализированного жилищного фонда. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: изучить понятие и основные признаки, раскрыть особенности их правового режима, выявить наиболее частые споры на основе анализа судебной практики.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе использования жилых помещений в общежитиях и защиты прав проживающих. Предметом исследования являются нормы жилищного и смежного законодательства, а также судебная практика по спорам, связанным с вселением, пользованием и выселением из общежитий.

Таким образом, исследование правового статуса общежитий и механизмов защиты прав проживающих, отвечает потребностям правовой практики и способствует укреплению гарантий жилищных прав граждан, временно использующих помещения специализированного жилищного фонда.

В настоящее время в жилищном законодательстве отсутствует подробного определения понятия «общежитие». Ученые, государственные деятели и профессора в своих трудах дают различные разъяснения данному термину. Доктор юридических наук Д. А. Формакидов в статье «Общежитие: понятие, назначение и виды» говорит следующее: «Под общежитием необходимо понимать находящееся в государственной или муниципальной собственности специально построенное или переоборудованное здание, жилые помещения (комнаты или квартиры) в котором включены в специализированный жилищный фонд и предназначены для временного проживания отдельных категорий граждан по договорам найма специализированного жилого помещения в период их работы, службы, обучения или в иной период, определенный в соответствии с требованиями нормативных правовых актов». С целью детального изучения темы научного исследования необходимо сформулировать характерные признаки.

Согласно статье 92 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее ЖК РФ) жилые помещения в общежитиях относятся к видам жилых помещений специализированного жилищного фонда. Данный вид жилья предназначен для временного проживания граждан в период их обучения, работы и службы, с которыми заключается договор найма.

В соответствии со статьей 94 ЖК РФ: под общежития предоставляются специально построенные или переоборудованные для этих целей дома либо части домов. Жилые помещения в общежитиях укомплектовываются мебелью и другими необходимыми для проживания граждан предметами. Данная особенность была сформулирована в статье «Правовой режим общежитий» советника генерального директора государственного унитарного предприятия «Московское имущество» Н. В. Карпенко. Автор среди особенностей такого вида специализированного жилого посещения выделяет совместное использование жилищно-бытовых удобств.

Следовательно, можно выделить следующие особенности данного понятия: целевое назначение, ограниченный объём правомочий нанимателя, зависимость права пользования от основания вселения, специальный порядок управления и эксплуатации, включая наличие правил внутреннего распорядка, обязательных для проживающих.

Стоит также обратить особое внимание на правовой статус и специфические особенности общежитий. Студенческие общежития предоставляются учебными заведениями иногородним студентам на период обучения. С каждым обучающимся заключается договор найма специализированного жилого помещения, на основании которого лица имеют право проживать в комнате. Помимо Жилищного кодекс РФ, требования и особенности проживания прописаны в ГОСТе Р 58186–2018 «Услуги населению. Требования к услугам проживания в общежитиях для обучающихся».Площадь одной жилой комнаты должна быть не менее 6 м² на одного проживающего. Высота коридоров, холлов, антресолей — не менее 2,1 м. Расстояние между кроватями — не менее 75 см (при отсутствии перегородки). Для новых зданий общежитий высотой шесть этажей и выше необходимо предусматривать пассажирский лифт и мусоропровод. Кабина лифта должна обеспечивать возможность транспортирования человека на носилках или в инвалидной коляске. Все эти особенности способствует созданию максимально комфортных условий для проживания студентов и удобному изучению дисциплин в образовательной организации. К этому же выводы приходят авторы научной статьи «Качество жизни студентов в общежитии (по итогам социологического исследования)» С. Л. Сушков и Д. Ю. Панов. Они также отмечают, что важно при оценке условий проживания необходимо учитывать не только площадь и обустройство комнаты, но и количество студентов, которые в ней живут.

В судебной практике значительное место занимают споры, связанные с возникновением, изменением и прекращением правоотношений по поводу жилых помещений в общежитиях. Так, в районном суде г. Новокузнецка Кемеровской области было рассмотрено дело № 2–1762/2023. Комитет ЖКХ администрации обратился в суд с иском к нанимателю жилого помещения в общежитии и члену её семьи о расторжении договора найма, выселении без предоставления другого жилого помещения, а также об обязании передать жилое помещение в надлежащем состоянии и устранить выявленные недостатки. В качестве оснований истец указал на систематическое нарушение ответчиками прав и законных интересов соседей, обще-

ственного порядка и санитарных норм. Рассмотренное дело демонстрирует значение соблюдения установленной законом процедуры прекращения договора найма жилого помещения и обязанности истца доказывать обстоятельства, обосновывающие заявленные требования. Само по себе наличие жалоб соседей и сведений о ненадлежащем содержании жилого помещения не является достаточным основанием для выселения нанимателей без надлежащего подтверждения систематического характера нарушений.

Еще одним примером судебной практики является Определение Верховного суда от 8 августа 2023 года № 11-КГ23–7-К6, в котором разобрался, можно ли считать лицо не проживающим в помещении, если оно не имеет иного места жительства, а его вещи находятся в спорном помещении. ГАПОУ «Камский государственный автомеханический техникум» обратился в суд с иском к Антонине Гиниятуллиной о признании её утратившей право пользования комнатами студенческого общежития и снятии с регистрационного учёта. Ответчица была вселена в общежитие как член семьи нанимателя Н. Трошиной, однако фактически там не проживала и переехала к супругу. Суд первой инстанции отказал в иске, поскольку у ответчицы отсутствовало другое жильё, её личные вещи оставались в общежитии, а проживание у супруга не носило постоянного характера. Апелляция решение первой инстанции отменила и удовлетворила заявленные требования. Кассационная инстанция согласилась с выводами апелляции. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит кассационную жалобу подлежащей удовлетворению, а апелляционное определение и определение кассационной инстанции подлежащими отмене. В соответствии с пунктом 32 Постановления Пленума ВС от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» при временном отсутствии нанимателя жилого помещения и членов его семьи, включая бывших членов семьи, за ними сохраняются все права и обязанности по договору социального найма жилого помещения. Если отсутствие в жилом помещении указанных лиц не носит временного характера, то заинтересованные лица вправе потребовать в судебном порядке признания их утратившими право на жилое помещение на основании ч. 3 ст. 83 ЖК в связи с выездом в другое место жительства и расторжения с ними договора социального найма. Суд установил, что отсутствие ответчицы в общежитии носило временный характер. Сам по себе факт длительного отсутствия гражданина в общежитии не является достаточным основанием для утраты права пользования жильём. Необходимо установить добровольность и постоянный характер выезда, отсутствие препятствий для проживания и намерение отказаться от прав и обязанностей по договору найма.

На практике споры нередко возникают в связи с прекращением трудовых отношений с организацией, предоставившей общежитие, при этом существенное значение приобретают обстоятельства вселения, продолжительность проживания, наличие несовершеннолетних детей и соблюдение предусмотренных законом гарантий от выселения. В связи с этим особый интерес представляет Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 45-КГ12–11. Уральская государственная медицинская академия обратилась в суд с иском о выселении П. Н. Ильиных и его несовершеннолетней дочери из общежития без предоставления другого жилого помещения. Комната была предоставлена Ильиных в 2000 году в связи с трудовыми отношениями с академией, однако в июне 2011 года он уволился по собственному желанию. Ответчик предъявил встречный иск о признании права пользования жилым помещением, ссылаясь на то, что проработал в академии более десяти лет, воспитывает несовершеннолетнюю дочь один и не имеет другого жилья. Суд первой инстанции отказал академии в выселении и удовлетворил встречный иск Ильиных. Апелляция оставила решение первой инстанции без изменения. ВС РФ указал, что нижестоящие суды неправильно применили нормы материального права и не установили все юридически значимые обстоятельства. Сам по себе факт работы в организации более десяти лет и отсутствие другого жилья не гарантируют защиту от выселения из общежития. Для применения дополнительных гарантий необходимо установить совокупность условий.

Анализ приведённых примеров судебной практики позволяет сделать вывод о том, что споры, связанные с использованием жилых помещений в общежитиях, отличаются разнообразием оснований возникновения и прекращения жилищных правоотношений. Наиболее часто встречаются споры о выселении нанимателей и членов их семей. основная проблема судебной практики в рассматриваемой сфере заключается в необходимости соблюдения баланса между правом собственника или организации, предоставившей общежитие, распоряжаться жилым фондом и правом граждан на жилище.

Заключение

Общежития представляют собой особый вид жилых помещений специализированного жилищного фонда, предназначенных для временного проживания граждан в связи с обучением, трудовой деятельностью или прохождением службы. Их правовой статус характеризуется целевым назначением, специальным порядком предоставления жилых помещений, особенностями пользования ими и зависимостью жилищных прав граждан от оснований вселения и условий договора найма.

Изучение нормативно-правового регулирования показало, что, несмотря на закрепление основных положений о правовом режиме общежитий в Жилищном кодексе Российской Федерации, отдельные аспекты их использования требуют дальнейшего научного осмысления. Особое значение имеет формирование более чёткого определения понятия «общежитие», учитывающего его функциональное

назначение, правовой режим, круг проживающих лиц и особенности организации совместного проживания.

Анализ судебной практики позволил выявить наиболее распространённые категории споров, среди которых преобладают дела о выселении граждан без предоставления другого жилого помещения, признании утратившими право пользования жилым помещением, расторжении договоров найма и применении дополнительных гарантий защиты жилищных прав. Рассмотренные судебные акты свидетельствуют о необходимости всестороннего исследования обстоятельств каждого дела, надлежащей оценки доказательств и правильного применения норм жилищного законодательства.

В связи с этим представляется необходимым совершенствование правового регулирования общежитий, направленное на повышение определённости правового статуса таких жилых помещений, конкретизацию оснований прекращения права пользования ими и обеспечение единообразного применения соответствующих правовых норм.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // URL: consultant.ru
2. Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (последняя редакция) // URL: consultant.ru
3. ГОСТ Р 58186–2018. Услуги населению. Требования к услугам проживания в общежитиях для обучающихся. Утверждён приказом Росстандарта от 28 сентября 2018 г. № 655-ст. Москва: Стандартинформ, 2018.
4. Постановления Пленума ВС от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ».// URL: consultant.ru
5. Решение Центрального районного суда г. Новокузнецк Кемеровской области от 19 декабря 2023 года № 2–1762/2023 2–1762/2023~М-15/2023 М-15/2023 по делу № 2–1762/2023 // URL: sudact.ru
6. Определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 8 августа 2023 года № 11-КГ23–7-К6// URL: consultant.ru
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 45-КГ12–11 // URL: consultant.ru
8. Карпенко, Н. В. Правовой режим общежитий / Н. В. Карпенко. — Текст : непосредственный // Экономика и право. XXI век. — 2015. — № 4. — С. 37–44.
9. Сушков, С. Л. Качество жизни студентов в общежитии (по итогам социологического исследования) / С. Л. Сушков, Д. Ю. Панов. — Текст : непосредственный // Символ науки. — 2016. — № 11–3 (23). — С. 225–227.
10. Формакидов, Д. А. Общежитие: понятие, назначение, виды / Д. А. Формакидов. — Текст : непосредственный // Ex jure. — 2025. — № 4. — С. 157–167.

Амнистия и помилование в системе уголовно-правового воздействия: теоретико-правовой аспект

Хабибуллина Гузель Маратовна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Исследуется правовая природа институтов амнистии и помилования в уголовном праве Российской Федерации. Методологическую основу составили диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Раскрыты доктринальные подходы к определению амнистии, проведён сравнительный анализ амнистии и помилования по критериям субъекта, круга лиц, правовой формы, последствий и стадии применения. Обоснован вывод о двойственной природе амнистии и самостоятельном характере помилования. Сформулированы предложения о закреплении легального определения амнистии и уточнении нормативной регламентации помилования.

Ключевые слова: *амнистия, помилование, уголовно-правовое воздействие, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, гуманизм, правовая природа.*

Введение

Институты амнистии и помилования представляют собой особые средства реализации уголовной политики, позволяющие государству корректировать применение мер уголовной ответственности исходя из принципов гуманизма и справедливости [6, с. 56]. Исторически указанные институты возникли как механизм смягчения суровой карательной

практики и проявление милости со стороны государства. В современном праве их значение не сводится к акту милосердия: амнистия и помилование выполняют регулятивную функцию, влияя на структуру уголовно-правового воздействия и разгрузку пенитенциарной системы.

Актуальность темы обусловлена отсутствием легального определения амнистии в действующем законодательстве, а также отсутствием единства доктринальных подходов к её правовой природе [9]. Дискуссионным остаётся вопрос о том, является ли амнистия государственно-правовым актом или самостоятельным правовым институтом. Не менее сложной является проблема разграничения амнистии и помилования, смешение которых на практике приводит к ошибкам в применении норм об освобождении от ответственности и наказания. Цель работы — исследовать правовую природу амнистии и помилования и определить их место в системе уголовно-правового воздействия.

Задачи исследования: изучить нормативную основу институтов амнистии и помилования; проанализировать доктринальные подходы к определению амнистии; провести сравнительный анализ амнистии и помилования; обосновать предложения по совершенствованию законодательства. Методологическую основу составили диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Теоретические подходы к определению правовой природы амнистии

Правовая природа амнистии является одной из наиболее дискуссионных проблем отечественного уголовного права. В доктрине сложилось три основных подхода к пониманию амнистии. Согласно первому подходу, амнистия рассматривается как государственно-правовой акт, принимаемый высшим органом законодательной власти и направленный на освобождение от ответственности и наказания индивидуально не определённого круга лиц [9]. Сторонники данного подхода акцентируют внимание на властно-распорядительном характере амнистии и её связи с реализацией государственной политики.

Второй подход трактует амнистию как правовой институт, то есть совокупность норм, регулирующих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания [6, с. 58]. Согласно этой позиции, амнистия обладает всеми признаками правового института: предметом регулирования, структурой и функциональным назначением. Третий подход представляет амнистию как проявление гуманизма государства и инструмент уголовной политики, подчёркивая её социальное и политическое значение [10].

Действующее законодательство не разрешает указанных противоречий: статья 84 Уголовного кодекса Российской Федерации лишь указывает, что амнистия объявляется Государственной Думой в отношении индивидуально не определённого круга лиц и влечёт определённые правовые последствия, не закрепляя легального определения амнистии [8, с. 132]. Представляется, что наиболее убедительной является позиция о двойственной природе амнистии: она одновременно выступает и как государственно-правовой акт, и как основание для применения уголовно-правовых норм об освобождении [7]. Такая трактовка позволяет объяснить как властный характер амнистии, так и её уголовно-правовые последствия.

Помилование как самостоятельный правовой институт

Помилование, в отличие от амнистии, урегулировано более детально. В соответствии со статьёй 85 Уголовного кодекса Российской Федерации помилование осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определённого лица. Помилование влечёт освобождение от дальнейшего отбывания наказания, сокращение назначенного наказания либо замену его более мягким видом наказания, а также снятие судимости.

Правовая природа помилования определяется его конституционным основанием: право помилования принадлежит главе государства и реализуется как элемент его конституционного статуса. Порядок рассмотрения ходатайств о помиловании регламентирован подзаконным актом — Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2001 № 1500. Процедура предполагает участие комиссий по вопросам помилования в субъектах Российской Федерации, которые предварительно рассматривают ходатайства и готовят заключения.

В доктрине обсуждается вопрос о пределах усмотрения главы государства при помиловании. Отмечается, что помилование не должно превращаться в произвольный акт, а его применение требует определённых критериев и гарантий прав осуждённых. Кроме того, дискуссионным остаётся соотношение помилования с иными основаниями освобождения от наказания. Представляется, что помилование является самостоятельным институтом, не сводимым ни к амнистии, ни к иным видам освобождения.

Показателен в этом отношении зарубежный опыт. В ряде государств романо-германской правовой семьи помилование также отнесено к прерогативе главы государства, однако его применение, как правило, опосредовано деятельностью специализированных органов, готовящих заключения по ходатайствам. В странах англосаксонской системы помилование нередко рассматривается как средство исправления судебных ошибок и инструмент смягчения чрезмерно

строгих приговоров. Сопоставление зарубежных моделей с российским правопорядком показывает, что отечественное регулирование в большей степени опирается на усмотрение главы государства и в меньшей — на формализованные процедурные гарантии. Данное обстоятельство подтверждает вывод о необходимости более детальной нормативной регламентации помилования.

Сравнительная характеристика амнистии и помилования

Проведённый сравнительный анализ позволяет выделить совокупность критериев разграничения амнистии и помилования, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Критерии разграничения амнистии и помилования**

Критерий	Амнистия	Помилование
Субъект принятия решения	Государственная Дума Федерального Собрания РФ	Президент Российской Федерации
Круг лиц	Индивидуально не определённый	Индивидуально определённое лицо
Правовая форма	Постановление Государственной Думы	Указ Президента
Основные последствия	Освобождение от ответственности и наказания	Освобождение от наказания, сокращение, замена, снятие судимости
Стадия применения	Возможна до вынесения приговора	Как правило, после вступления приговора в силу
Нормативная основа	Ст. 84 УК РФ	Ст. 85 УК РФ, Указ Президента РФ № 1500

Как видно из таблицы, амнистия и помилование различаются по субъекту, кругу лиц, правовой форме, последствиям и стадии применения. Вместе с тем общим для них является гуманистическая направленность, связь с реализацией уголовной политики и производный характер по отношению к государственной воле. Указанные институты образуют взаимосвязанную систему средств гуманизации уголовной политики, что позволяет говорить об их системном единстве при сохранении самостоятельности каждого.

Заключение

1. Амнистия и помилование представляют собой самостоятельные правовые институты, обладающие общими целевыми установками, но различающиеся субъектом, кругом лиц, правовыми последствиями и процедурой применения.
2. Амнистия имеет двойственную природу: она выступает одновременно как государственно-правовой акт и как основание применения уголовно-правовых норм об освобождении.
3. Отсутствие легального определения амнистии затрудняет правоприменительную практику и снижает эффективность института.
4. Совершенствование законодательства целесообразно осуществлять путём закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации определения амнистии и установления чётких критериев её применения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ.
4. Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28.12.2001 № 1500.
5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24.04.2015 № 6576–6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».
6. Абдулатипов А. М. Актуальные вопросы применения амнистии и помилования / А. М. Абдулатипов, М. Р. Меджидов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2025. — Т. 40, № 4. — С. 56–64.
7. Гришко А. Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А. Я. Гришко, А. М. Потапов. — Москва: Университетская книга: Логос, 2009. — 272 с.
8. Зорина Е. А. Амнистия как специальный вид освобождения от уголовной ответственности / Е. А. Зорина // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 2. — С. 132–138.

9. Марогулова И. Л. Амнистия и помилование в российском законодательстве / И. Л. Марогулова. — Москва: Интел-Синтез, 1998. — 140 с.
10. Ромашов Р. А. Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины / Р. А. Ромашов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2012. — № 4 (20). — С. 4–7.

Амнистия и помилование в Российской Федерации: проблемы правоприменительной практики

Хабибуллина Гузель Маратовна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Анализируются проблемы применения институтов амнистии и помилования в Российской Федерации. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и системно-структурный методы. Рассмотрены порядок объявления амнистии и осуществления помилования, проанализированы правоприменительная практика и статистические данные. Выявлены затруднения, связанные с определением круга лиц, подпадающих под действие акта об амнистии, и с процедурой помилования. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: *амнистия, помилование, акт об амнистии, освобождение от наказания, ходатайство о помиловании, правоприменительная практика.*

Введение

Амнистия и помилование относятся к числу институтов, эффективность которых во многом определяется не только качеством нормативной регламентации, но и практикой применения [6, с. 56]. Реализация актов об амнистии сопряжена с необходимостью определения круга лиц, подлежащих освобождению, а также с решением вопросов о распространении амнистии на отдельные категории осуждённых. Помилование, в свою очередь, требует соблюдения установленной процедуры рассмотрения ходатайств и обеспечения баланса между усмотрением главы государства и гарантиями прав осуждённых.

Актуальность темы определяется тем, что правоприменительная практика в рассматриваемой сфере сталкивается с рядом затруднений, порождённых недостаточной определённостью нормативных предписаний. К числу таких затруднений относятся неоднозначная трактовка отдельных положений актов об амнистии, отсутствие единых критериев отбора лиц, подлежащих освобождению, а также неполная процессуальная обеспеченность процедуры помилования [8]. Цель работы — выявить проблемы применения амнистии и помилования и сформулировать предложения по их устранению.

Задачи исследования: рассмотреть порядок объявления амнистии и осуществления помилования; проанализировать правоприменительную практику и статистические данные; выявить проблемы применения рассматриваемых институтов; обосновать предложения по совершенствованию законодательства. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и системно-структурный методы.

Порядок объявления амнистии и осуществления помилования

Амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в форме постановления. В соответствии со статьёй 84 Уголовного кодекса Российской Федерации акт об амнистии распространяется на индивидуально не определённый круг лиц и может влечь освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, сокращение или замену наказания, освобождение от дополнительного вида наказания, а также снятие судимости. Постановление об амнистии, как правило, сопровождается постановлением о порядке его применения, разъясняющим механизм реализации акта [9, с. 162].

Помилование осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определённого лица (статья 85 Уголовного кодекса Российской Федерации). Порядок рассмотрения ходатайств о помиловании регламентирован Положением, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2001 № 1500. Ходатайство подаётся осуждённым через администрацию учреждения, исполняющего наказание, затем рассматривается комиссией по вопросам помилования, образованной в субъекте Российской Федерации, которая готовит заключение. Окончательное решение принимает Президент Российской Федерации путём издания указа.

Существенной особенностью амнистии является её срочный характер: акт об амнистии подлежит исполнению в течение определённого периода, после чего применение его положений прекращается. Вместе с тем акт об амнистии распространяется и на преступления, со-

вершённые до его вступления в силу, что требует от правоприменителя установления точной даты совершения деяния. Это обстоятельство приобретает особое значение применительно к длящимся и продолжаемым преступлениям, когда момент окончания деяния не совпадает с моментом его начала. Кроме того, реализация акта об амнистии предполагает принятие решений в отношении значительного числа лиц в сжатые сроки, что создаёт дополнительную нагрузку на органы предварительного расследования и суды.

Правоприменительная практика и статистические данные

Анализ правоприменительной практики показывает, что амнистия применяется периодически, как правило, в связи с памятными датами и юбилеями, тогда как помилование носит единичный характер. Статистические данные свидетельствуют о том, что количество лиц, освобождённых от наказания вследствие актов об амнистии, значительно превышает число помилованных лиц, что объясняется различием в круге лиц, на которых распространяются соответствующие акты [10, с. 22]. При этом фиксируется устойчивая тенденция к сокращению числа случаев помилования, что связано как с ужесточением уголовной политики, так и с усложнением процедуры рассмотрения ходатайств [7].

В правоприменительной практике возникают затруднения при определении круга лиц, подпадающих под действие акта об амнистии. В частности, сложности возникают при освобождении от наказания лиц, совершивших длящиеся и продолжаемые преступления, а также при применении амнистии к лицам, в отношении которых имеются неисполненные приговоры. Неоднозначно решается вопрос о распространении амнистии на лиц, осуждённых за преступления, сопряжённые с иными преступлениями, не подпадающими под амнистию. Указанные затруднения порождаются отсутствием в актах об амнистии чётких критериев и оценочными формулировками.

В сфере помилования проблемным остаётся вопрос о пределах усмотрения главы государства. Действующее законодательство не устанавливает исчерпывающих оснований для отказа в помиловании, а также не определяет требований к содержанию заключений комиссий по вопросам помилования. Существенным недостатком является и то, что правовые последствия помилования не в полной мере систематизированы в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении актов об амнистии с нормами об освобождении от уголовной ответственности, закреплёнными в главе 11 Уголовного кодекса Российской Федерации. Освобождение вследствие акта об амнистии имеет самостоятельное основание и не тождественно ни деятельному раскаянию, ни примирению с потерпевшим, ни иным видам освобождения. Однако на практике допускается смешение указанных оснований, что приводит к ошибкам при квалификации и к необоснованным отказам в применении амнистии. Это свидетельствует о необходимости разграничения оснований освобождения как в нормативном, так и в правоприменительном аспекте.

Проблемы применения и предложения по их решению

По результатам проведённого анализа выявлены следующие проблемы применения амнистии и помилования:

— отсутствие легального определения амнистии и единых критериев её применения, что порождает неоднозначную практику;

— недостаточная определённость круга лиц, подпадающих под действие акта об амнистии, в том числе при длящихся и продолжаемых преступлениях;

— неполная процессуальная обеспеченность процедуры помилования и нормативная неограниченность усмотрения главы государства;

— отсутствие систематизации правовых последствий помилования в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

В качестве предложений по устранению выявленных проблем представляется целесообразным [8]:

— закрепить в Уголовном кодексе Российской Федерации легальное определение амнистии и общие критерии её применения;

— установить в актах об амнистии чёткие правила определения круга лиц, подлежащих освобождению, включая случаи длящихся и продолжаемых преступлений;

— конкретизировать в Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании перечень оснований для отказа в помиловании и требования к заключениям комиссий;

— систематизировать правовые последствия помилования в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Заключение

1. Правоприменительная практика в сфере амнистии и помилования сталкивается с затруднениями, обусловленными недостаточной определённостью нормативных предписаний.

2. Основные проблемы связаны с отсутствием легального определения амнистии, нечёткостью круга амнистируемых лиц и неполной процессуальной обеспеченностью помилования.

3. Совершенствование законодательства целесообразно осуществлять путём закрепления легального определения амнистии и критериев её применения, а также конкретизации порядка помилования.

4. Предложенные меры позволят повысить эффективность институтов амнистии и помилования и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ.
4. Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28.12.2001 № 1500.
5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24.04.2015 № 6576–6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».
6. Абдулатипов А. М. Актуальные вопросы применения амнистии и помилования / А. М. Абдулатипов, М. Р. Меджидов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2025. — Т. 40, № 4. — С. 56–64.
7. Базаров Р. А. Помилование: проблемы правовой регламентации / Р. А. Базаров // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2012. — № 2 (21). — С. 51–55.
8. Зейналбдыева А. В. Проблемные вопросы реализации институтов амнистии и помилования в Российской Федерации / А. В. Зейналбдыева // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2020. — № 2. — С. 37–42.
9. Рзаева С. Н. О вопросах применения законодательства об амнистии и помиловании / С. Н. Рзаева // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 1 (133). — С. 162–166.
10. Скуратов Ю. И. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия / Ю. И. Скуратов, С. Н. Чурилов, Н. С. Грудинин // Всероссийский криминологический журнал. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 20–27.

Судебные акты по гражданским делам, их система и виды

Хаметова Дания Рамильевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В гражданском судопроизводстве суд принимает неоднородные по назначению, содержанию и юридическим последствиям акты. Одни из них непосредственно разрешают дело по существу, другие обеспечивают движение процесса, третьи возникают в результате проверки ранее принятых судебных постановлений. При этом все они обладают общей государственно-властной и процессуальной природой, что позволяет рассматривать их не как разрозненные документы, а как взаимосвязанную систему.

Согласно ст. 13 ГПК РФ судебные постановления в судах принимаются в форме решений суда, судебных приказов, постановлений президиума суда надзорной инстанции и определений суда [1, ст. 13.]. Исходя из этого, в ГПК РФ термин «судебное постановление» используется как родовое понятие. Однако фактическая система судебных актов значительно сложнее буквального перечня данной нормы, поскольку конкретные формы актов дополнительно определяются правилами о производстве в первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Основным видом итогового акта суда первой инстанции выступает решение суда. В соответствии со ст. 194 ГПК РФ решение выносится судом, когда дело разрешается по существу спора [1, ст. 194–199]. В нем суд формулирует окончательный для соответствующей инстанции вывод по заявленному материально-правовому требованию. Эта особенность традиционно позволяет противопоставлять решение определениям, посредством которых разрешаются преимущественно отдельные вопросы процесса.

Судебный приказ является следующей самостоятельной формой. В соответствии со ст. 121 ГПК РФ судебный приказ представляет собой судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества по требованиям, предусмотренным законом [1, ст. 121–130]. Его особенность определяется упрощенным характером приказного производства: судебный приказ принимается без искового разбирательства, но обладает свойством исполнительного документа.

Самую большую группу составляют определения суда. Ст. 224 ГПК РФ устанавливает, что постановления суда первой инстанции, которыми дело не разрешается по существу, принимаются в форме определений [1, ст. 224–227]. При разрешении несложных процессуальных вопросов определение может быть вынесено без удаления в совещательную комнату и зафиксировано непосредственно в протоколе судебного заседания. Следовательно, определения значительно различаются как по юридическому значению, так и по форме процессуального оформления.

В апелляционном производстве итоговый акт принимается в форме апелляционного определения. Действующая

ст. 329 ГПК РФ регулирует содержание определения суда апелляционной инстанции и устанавливает, что оно вступает в законную силу со дня принятия [1, ст. 329]. Следовательно, встречающееся в более ранней литературе деление итоговых актов апелляционной инстанции на апелляционное решение и апелляционное определение действующему регулированию уже не соответствует. Это важно учитывать при использовании научных и учебных работ, подготовленных до изменения процессуальной модели.

В кассационном производстве система еще более дифференцирована. По результатам рассмотрения дела кассационный суд общей юрисдикции выносит определение согласно ст. 390.1 ГПК РФ. При рассмотрении кассационной жалобы судебная коллегия Верховного Суда РФ также выносит определение, что прямо закреплено в ст. 390.16–390.17 ГПК РФ [1, ст. 390.1, 390.16–390.17].

Итоговым судебным актом в надзорном производстве служит постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации. В соответствии со ст. 391.1 ГПК РФ определенные вступившие в законную силу судебные постановления могут пересматриваться Президиумом Верховного Суда РФ в порядке надзора, а содержание итогового постановления регулируется ст. 391.13 Кодекса [1, ст. 391.1, 391.12–391.14]. Таким образом, термин «постановление» в действующей системе связан прежде всего с актами судебных органов, принимаемыми в специальных процедурах пересмотра.

При подаче заявления о пересмотре дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам образуется особая группа судебных актов. Глава 42 ГПК РФ предусматривает в качестве результата рассмотрения соответствующего заявления определение суда [1, ст. 392–397]. Поэтому одна и та же процессуальная форма — определение — используется и при разрешении промежуточных вопросов первой инстанции, и в отдельных самостоятельных производствах по проверке уже вступившего в силу судебного постановления. Это еще раз подтверждает, что юридическую природу конкретного акта нельзя определять только по его названию.

Систему судебных актов следует отличать от совокупности иных документов суда. Исполнительные листы, извещения, запросы и другие процессуальные документы имеют самостоятельное значение, однако не представляют собой судебные постановления в рассматриваемом смысле. К примеру, исполнительный лист служит средством реализации судебного акта, но не заменяет сам судебный акт, поскольку он выдается после вступления в законную силу судебного постановления, за исключением случаев немедленного исполнения [1, ст. 428].

Следовательно, система судебных актов по гражданским делам представляет собой внутренне дифференцированную совокупность государственно-властных процессуальных актов суда, связанных единой природой, но различающихся по форме, назначению, инстанционной принадлежности и характеру юридического воздействия. Ее современное состояние характеризуется сочетанием относительно устойчивых базовых форм — решения, приказа и определения — с находящимися в развитии специальными формами актов, принимаемых судами проверочных инстанций.

При этом изменения 2026 года подтверждают, что система судебных актов не является статичной. Изменение инстанционной структуры неизбежно отражается и на видах принимаемых судебных постановлений. Поэтому дальнейший анализ требований к судебным актам, их юридических свойств и значения актов вышестоящих судов должен осуществляться с учетом не только общих положений ст. 13 ГПК РФ, но и отдельных этапов гражданского судопроизводства.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 07.11.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (с изм., внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, от 9 декабря 2025 г. № 33): п. 1, п. 13. — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45640/ (дата обращения: 07.11.2026).

Расторжение договора социального найма жилого помещения: основания, порядок и проблемы правового регулирования

Харина Анастасия Павловна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются основания и порядок расторжения договора социального найма жилого помещения по законодательству Российской Федерации. Анализируются правовая природа договора социального найма, особенности его расторжения по соглашению сторон, по инициативе нанимателя и по требованию наймодателя, а также соотношение

институтов расторжения и прекращения договора. Особое внимание уделяется видам выселения граждан из жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма: с предоставлением другого благоустроенного жилого помещения, с предоставлением другого жилого помещения и без предоставления жилого помещения. На основе анализа судебной практики выявляются проблемы правового регулирования и правоприменения, формулируются предложения по их разрешению.

Ключевые слова: *договор социального найма, жилое помещение, наниматель, наймодатель, расторжение договора, прекращение договора, выселение, судебная защита жилищных прав.*

Введение

Право на жилище относится к числу основных конституционных прав человека и гражданина. В соответствии со статьей 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище, никто не может быть произвольно лишен жилища [1]. Одной из наиболее значимых форм реализации данного права остается социальный наем, в рамках которого жилые помещения государственного и муниципального жилищного фонда предоставляются малоимущим и иным указанным в законе категориям граждан, признанным нуждающимися в жилых помещениях.

Вместе с тем стабильность пользования жилым помещением по договору социального найма не является абсолютной: законодательство предусматривает случаи, при которых договор может быть расторгнут, а наниматель и члены его семьи — выселены. Институт расторжения договора социального найма затрагивает баланс частных и публичных интересов, а его практическое применение сопряжено с рядом дискуссионных вопросов: об оценке уважительности причин невнесения платы за жилое помещение, о квалификации выезда нанимателя из жилого помещения, о соблюдении процедуры предупреждения о необходимости устранения нарушений.

Цель настоящей работы — комплексный анализ оснований и порядка расторжения договора социального найма жилого помещения по действующему законодательству Российской Федерации, выявление проблем правового регулирования и правоприменительной практики, а также формулирование предложений по их разрешению. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть понятие и правовую природу договора социального найма; систематизировать основания расторжения договора; охарактеризовать порядок выселения нанимателя с предоставлением другого жилого помещения и без такового; выявить проблемы судебной практики и направления совершенствования законодательства. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания.

1. Понятие и правовая природа договора социального найма

По договору социального найма жилого помещения одна сторона — собственник жилого помещения государственного жилищного фонда или муниципального жилищного фонда (действующие от его имени уполномоченный государственный орган или уполномоченный орган местного самоуправления) либо управомоченное им лицо (наймодатель) — обязуется передать другой стороне — гражданину (нанимателю) — жилое помещение во владение и в пользование для проживания в нем на условиях, установленных Жилищным кодексом Российской Федерации (далее — ЖК РФ) [2, ст. 60]. Договор социального найма заключается без установления срока его действия, что рассматривается как одна из важнейших гарантий стабильности жилищных прав нанимателя. Изменение оснований и условий, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма, не является основанием расторжения договора [2, ст. 60].

В доктрине договор социального найма характеризуется как самостоятельная правовая конструкция, сочетающая элементы обязательственного и вещно-правового регулирования, и одновременно как юридический факт, порождающий длящийся комплекс жилищных прав и обязанностей [5, с. 266]. Социальный характер договора проявляется в особом субъектном составе (наймодателем выступает публичный собственник), целевом назначении (удовлетворение жилищных потребностей социально незащищенных категорий граждан) и в специфике правового режима, предполагающего ограниченное усмотрение сторон при определении условий договора. Право на получение жилого помещения по договору социального найма предоставляется малоимущим гражданам, признанным нуждающимися в жилых помещениях, а также иным категориям граждан, определенным федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [2, ст. 49].

2. Основания и порядок расторжения договора социального найма

Действующее законодательство разграничивает расторжение и прекращение договора социального найма, каждому из которых присущи самостоятельные основания и правовые последствия.

В силу части 1 статьи 83 ЖК РФ договор социального найма может быть расторгнут в любое время по соглашению сторон. Наниматель с согласия в письменной форме проживающих совместно с ним членов его семьи в любое время вправе расторгнуть договор социального найма (часть 2 статьи 83 ЖК РФ) [2, ст. 83]. Таким образом, волеизъявление нанимателя на прекращение дого-

ворных отношений должно быть поддержано всеми проживающими совместно с ним членами семьи.

Особую конструкцию представляет расторжение договора в связи с выездом нанимателя и членов его семьи в другое место жительства: в этом случае договор считается расторгнутым со дня выезда (часть 3 статьи 83 ЖК РФ) [2, ст. 83]. Данная норма применяется судами при разрешении споров о признании граждан утратившими право пользования жилым помещением. Временное отсутствие нанимателя или членов его семьи само по себе не влечет изменения их прав и обязанностей по договору социального найма (статья 71 ЖК РФ) [2, ст. 71]; юридическое значение имеет лишь отказ гражданина в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору, подтвержденный совокупностью доказательств.

В пункте 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее — постановление Пленума № 14) разъяснено, что при разрешении споров о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи утратившими право пользования жилым помещением вследствие постоянного отсутствия судам надлежит выяснять причины и длительность отсутствия гражданина, добровольный либо вынужденный характер его выезда, наличие препятствий в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, факт приобретения права пользования другим жилым помещением, исполнение обязанностей по договору [3, п. 32]. При установлении обстоятельств, свидетельствующих о добровольном выезде и об отказе в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору, иск о признании гражданина утратившим право на жилое помещение подлежит удовлетворению на основании части 3 статьи 83 ЖК РФ [3, п. 32]. При этом любые сроки временного отсутствия гражданина не могут являться основанием для лишения его права пользования жилым помещением, что подтверждается и правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации [4].

По требованию наймодателя договор социального найма может быть расторгнут только в судебном порядке и лишь при наличии исчерпывающего перечня оснований, установленного частью 4 статьи 83 ЖК РФ: невнесение нанимателем платы за жилое помещение и (или) коммунальные услуги в течение более шести месяцев; разрушение или повреждение жилого помещения нанимателем или другими гражданами, за действия которых он отвечает; систематическое нарушение прав и законных интересов соседей, которое делает невозможным совместное проживание в одном жилом помещении; использование жилого помещения не по назначению [2, ст. 83].

Договор социального найма прекращается, а не расторгается, в связи с утратой (разрушением) жилого помещения и со смертью одиноко проживавшего нанимателя (часть 5 статьи 83 ЖК РФ) [2, ст. 83]. В литературе справедливо обращается внимание на необходимость последовательного разграничения категорий расторжения и прекращения договора: их смешение приводит к ошибкам в правоприменительной практике и к неопределенности правового положения граждан [5, с. 267].

3. Выселение нанимателя с предоставлением другого жилого помещения

Выселение граждан из жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма, производится в судебном порядке и осуществляется в трех формах: с предоставлением других благоустроенных жилых помещений по договорам социального найма; с предоставлением других жилых помещений по договорам социального найма; без предоставления других жилых помещений (статья 84 ЖК РФ) [2, ст. 84].

С предоставлением другого благоустроенного жилого помещения по договору социального найма граждане выселяются в случаях, если дом, в котором находится жилое помещение, подлежит сносу; жилое помещение подлежит изъятию в связи с изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд; жилое помещение подлежит переводу в нежилое помещение; жилое помещение признано непригодным для проживания; в результате капитального ремонта или реконструкции дома жилое помещение не может быть сохранено либо его площадь существенно изменяется (статья 85 ЖК РФ) [2, ст. 85]. В перечисленных случаях выселение не является мерой ответственности нанимателя, а обусловлено объективными обстоятельствами, вследствие чего законодатель устанавливает повышенные гарантии: предоставляемое жилое помещение должно быть благоустроенным применительно к условиям соответствующего населенного пункта, равнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в границах данного населенного пункта (часть 1 статьи 89 ЖК РФ) [2, ст. 89]. Если наниматель и члены его семьи до выселения занимали квартиру или не менее чем две комнаты, они имеют право соответственно на получение квартиры или жилого помещения, состоящего из того же числа комнат, в коммунальной квартире [2, ст. 89].

Особенность данной группы оснований состоит в том, что договор социального найма здесь не прекращается: происходит замена предмета договора, а жилищные права граждан сохраняются в полном объеме. Гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях либо имеющим право состоять на таком учете, жилое помещение предоставляется по нормам предоставления.

Самостоятельное основание предусмотрено статьей 90 ЖК РФ: если наниматель и проживающие совместно с ним члены его семьи в течение более шести месяцев без уважительных причин не вносят плату за жилое помещение и коммунальные услуги, они могут быть высе-

лены в судебном порядке с предоставлением другого жилого помещения по договору социального найма, размер которого соответствует размеру жилого помещения, установленному для вселения граждан в общежитие [2, ст. 90]. Данная норма представляет собой промежуточную меру: наниматель лишается занимаемого помещения, но сохраняет право на жилье, хотя и меньшей площади, что позволяет не оставлять граждан без жилища.

К уважительным причинам невнесения платы судебная практика относит, например, длительные задержки выплаты заработной платы, пенсии; тяжелое материальное положение нанимателя и дееспособных членов его семьи в связи с утратой работы и невозможностью трудоустройства, несмотря на предпринимаемые меры; болезнь нанимателя и (или) членов его семьи; наличие в составе семьи инвалидов, несовершеннолетних детей (пункт 38 постановления Пленума № 14) [3, п. 38]. Перечень уважительных причин не является исчерпывающим, что, с одной стороны, обеспечивает индивидуальный подход, а с другой — порождает неоднородность судебной практики.

4. Выселение нанимателя без предоставления другого жилого помещения

Наиболее строгой мерой жилищно-правовой ответственности является выселение без предоставления другого жилого помещения. Согласно части 1 статьи 91 ЖК РФ оно допускается, если наниматель и (или) проживающие совместно с ним члены его семьи используют жилое помещение не по назначению, систематически нарушают права и законные интересы соседей или бесхозяйственно обращаются с жилым помещением, допуская его разрушение [2, ст. 91].

Законодатель устанавливает обязательную предварительную процедуру: наймодатель обязан предупредить нанимателя и членов его семьи о необходимости устранить нарушения, а если нарушения влекут разрушение жилого помещения, — вправе назначить разумный срок для их устранения. Лишь если после предупреждения нарушения не устранены, виновные граждане по требованию наймодателя или других заинтересованных лиц выселяются в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения [2, ст. 91].

В пункте 39 постановления Пленума № 14 разъяснено, что выселение без предоставления другого жилого помещения является крайней мерой ответственности, применение которой допустимо лишь при установлении факта систематичности противоправных действий, надлежащего предупреждения нарушителя и неисполнения им требования об устранении нарушений [3, п. 39]. Судебная практика исходит из того, что расторжение договора социального найма и выселение не должны применяться при отсутствии вины нанимателя, а также если нарушения носили разовый характер либо были устранены.

В литературе обращается внимание на необходимость обеспечения баланса между защитой прав соседей и гарантиями конституционного права на жилище: выселение без предоставления жилого помещения применяется только к виновным лицам, при этом не должны ущемляться права иных членов семьи, не допускавших противоправного поведения [7, с. 197].

5. Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики

Анализ норм ЖК РФ, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики позволяет выделить ряд проблемных аспектов института расторжения договора социального найма.

Во-первых, неоднородность практики применения части 3 статьи 83 ЖК РФ. Суды нередко по-разному оценивают совокупность доказательств добровольного выезда гражданина из жилого помещения. Отмечается, что отдельные суды буквально следуют перечню обстоятельств, указанных в пункте 32 постановления Пленума № 14, вместо оценки всей их совокупности, что приводит к ошибочной квалификации выезда как вынужденного, а законные требования нанимателя и реализация принадлежащего ему права пользования расцениваются как конфликт, препятствующий признанию гражданина утратившим право пользования [6, с. 263]. Представляется, что необходима выработка единых подходов к оценке доказательств, исключающих формальное применение разъяснений высшей судебной инстанции.

Во-вторых, открытый характер перечня уважительных причин невнесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги создает риск как необоснованного удовлетворения, так и необоснованного отклонения исков о выселении на основании статьи 90 ЖК РФ. Целесообразно уточнение на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации критериев, подлежащих учету при оценке уважительности причин, в том числе периода образования задолженности, поведения нанимателя, объективных возможностей оплаты.

В-третьих, дискуссионным остается вопрос о соответствии института выселения без предоставления жилого помещения конституционному положению о недопустимости произвольного лишения жилища. В литературе обоснованно отмечается, что нормы статьи 91 ЖК РФ, предусматривающие выселение без предоставления другого жилья, нуждаются в совершенствовании, поскольку их применение лишает граждан единственного жилья; вместе с тем указанная мера сохраняется как необходимая крайняя мера воздействия на лиц, систематически нарушающих права соседей и правила пользования жилым помещением [7, с. 198].

В-четвертых, отсутствует единообразие в определении момента, с которого исчисляется шестимесячный срок невнесения платы, и в оценке правового значения частичной оплаты. Представляется обоснованным подход,

в соответствии с которым определяющее значение имеет не факт частичной оплаты сам по себе, а уважительность причин образовавшейся задолженности и добросовестность поведения нанимателя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Договор социального найма является бессрочным договором, предоставляющим нанимателю стабильное право владения и пользования жилым помещением. Расторжение договора по требованию наймодателя допускается лишь в судебном порядке и только при наличии исчерпывающих оснований, установленных частью 4 статьи 83 ЖК РФ, что выступает важной гарантией конституционного права на жилище.

2. Законодательством установлена дифференцированная система правовых последствий расторжения договора социального найма: выселение с предоставлением другого благоустроенного жилого помещения (при сносе дома, признании жилого помещения непригодным и иных объективных обстоятельствах), выселение с предоставлением жилого помещения меньшей площади (при невнесении платы более шести месяцев без уважительных причин) и выселение без предоставления жилого помещения (за виновные систематические противоправные действия).

3. Судебная практика исходит из понимания выселения как крайней меры ответственности: суды проверяют соблюдение процедуры предупреждения, оценивают уважительность причин невнесения платы, систематичность нарушений и вину нанимателя. Содержащиеся в постановлении Пленума № 14 разъяснения обеспечивают единообразие правоприменения, однако отдельные вопросы продолжают вызывать споры.

4. В целях совершенствования правового регулирования представляется целесообразным: уточнить открытый перечень уважительных причин невнесения платы за жилое помещение; выработать единые критерии оценки доказательств добровольного выезда нанимателя; обеспечить дополнительные гарантии для членов семьи нанимателя, не допускавших противоправных действий, при выселении без предоставления жилого помещения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.11.2026).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 14.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 09.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.1995 № 8-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федчун, К. А. Изменение, расторжение и прекращение договора социального найма / К. А. Федчун // Молодой ученый. — 2024. — № 43 (542). — С. 266–267.
6. Фролов, Т. В. Отдельные вопросы выселения и прекращения права пользования жилым помещением, занимаемым по договору социального найма / Т. В. Фролов // Молодой ученый. — 2026. — № 25 (628). — С. 263–267.
7. Баскакова, Я. А. Выселение граждан из жилых помещений, занимаемых по договору социального найма, без предоставления другого жилья: особенности и правовые проблемы / Я. А. Баскакова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5–2 (68). — С. 195–199.

Роль таможенных органов в обеспечении международной экологической безопасности

Хозеева Анастасия Искандеровна, студент
Научный руководитель: Киченина Виктория Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Основной источник гарантии граждан на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации закреплён в ст. 42 Конституции РФ. Благодаря данной норме каждый гражданин имеет право получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды, а также в случае причинения вреда экологическим право-

нарушением на возмещение ущерба. Кроме того, на национальном уровне в ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» законодателем закреплена система принципов охраны окружающей среды на территории Российской Федерации. Среди них следует отдельно выделить обязательное участие органов государственной власти РФ в деятельности по охране окружающей среды. На основании ст. 253 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в РФ и о внесении изменений в отельные законодательные акты Российской Федерации» таможенные органы входят в систему органов государственной власти.

В настоящее время в России одним из основных источников правового регулирования таможенных правоотношений выступает «Таможенный кодекс ЕАЭС» (далее — ТК ЕАЭС). Данный нормативный акт определяет единое таможенное регулирование для стран Евразийского экономического союза — России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, а также обладает приоритетом над национальным законодательством Российской Федерации. Ст. 351 ТК ЕАЭС закрепляет задачи таможенных органов, одной из которой является защита животного и растительного мира и окружающей среды.

На данный момент с развитием трансграничной торговли усиливается угроза экологической безопасности на уровне всего международного сообщества. В связи с этим государства совместно принимают определённые нормативные акты, позволяющие обеспечить охрану окружающей среды. Кроме того, одним из важнейших органов, который занимается глобальными правилами выстраивания торговых отношений между государствами, является Всемирная торговая организация (далее — ВТО). В 1994 году было принято Генеральное соглашение по тарифам и торговле, ст. XX содержит обстоятельства, при которых могут быть нарушены правила ВТО [9, с. 104]. К данным условиям относятся меры, предпринятые для защиты жизни и здоровья людей, животных и растений, а также для сохранения истощаемых природных ресурсов. Благодаря данному правовому акту государства имеют право на введение торговых ограничений в интересах защиты экологии. Например, судебный спор между Бразилией и Европейским союзом был рассмотрен в Органе по разрешению споров ВТО. Указом президента Бразилии № 3919 от 14.09.2001 был введён штраф в сумме 400 реалов за единицу за импорт, транспортировку и хранение восстановленных шин [7, с. 128]. В качестве обоснования данный акт мог не только снизить риск нанесения вреда окружающей среде, но и повысить безопасность дорожного движения. Таким образом, ВТО признает право стран на введение соответствующих запретов с целью обеспечения экологической безопасности. К тому же в структуру ВТО входит Комитет по торговле и окружающей среде. Названный орган уполномочен соотносить правила международной торговли с экологической политикой. Комитет нацелен на обеспечение взаимной поддержки внешнего рынка в сфере охраны окружающей среды. Исходя из вышесказанного ВТО выступает гарантом использования правомерных средств и методов для обеспечения экологической безопасности.

В сфере таможенной деятельности важную роль играет международное сотрудничество. Так, в 2004 г. был начат проект — инициатива «Зелёная таможня» (Green customs), задачей которого является усиление эффективности работы таможенных служб в трансграничном перемещении экологически опасных товаров. В качестве правового регулирования выступают международные соглашения в области экологии и окружающей среды. Например, Конвенция от 22.03.1989 г. «Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением»; Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой; Роттердамская Конвенция о процедуре предварительного обоснования согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле; Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнителях; Минаматская Конвенция о ртути; Картахенский протокол по биобезопасности. Помимо этого, в 2022 году Всемирной таможенной организацией (далее — ВТамО) была проведена конференция, целью которой являлась помощь в повышении эффективности работы таможенных служб путём внедрения мер по охране окружающей среды. По завершении конференции был принят Стратегический план действий «Зеленой таможни» на 2022–2025 г.г. Данный акт отметил важность экологических вопросов в сфере таможенного регулирования, а также закрепил приоритет защиты окружающей среды посредством международной торговли. В настоящее время план действий «Зеленой таможни» включён в новый стратегический план ВТамО на 2025–2028 г.г. «Таможня, управляемая данными, для взаимосвязанного мира», в рамках которого будут внедряться инновационные меры по контролю за оборотом «экологически чувствительных товаров». Исходя из чего, инициатива «Зелёная таможня» стала одним из приоритетных направлений деятельности ВТамО.

Кроме того, на уровне Евразийского экономического союза инициатива «Зелёная таможня» реализуется косвенно. Страны-участницы ЕАЭС принимают участие в инициативе самостоятельно — через членство в ВТамО и ратификацию международных соглашений, являющихся правовой базой «Зеленой таможни». В рамках ЕАЭС инициатива не закреплена нормативно. Договор о Евразийском экономическом союзе не устанавливает экологическое сотрудничество в сфере таможенных отношений, а Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» не закрепляет единого механизма таможенного контроля за оборотом экологически чувствительных товаров. Так, реализация требований международных соглашений в сфере экологии осуществляется членами ЕАЭС на национальном уровне, что создаёт различия в правовом регулировании и практике таможенного контроля. Это обуслав-

ливает необходимость разработки единого регламента в рамках Союза.

Стоит отметить, что несмотря на наличие большого количества нормативных актов в сфере экологической безопасности, в правовой базе наблюдается ряд пробелов. Так, «Таможенный кодекс ЕАЭС» не содержит единого определения «опасные отходы», вследствие чего один и тот же товар в одной стране может быть классифицирован как обычный груз, а в другой — как опасный отход. Данное препятствует применению мер нетарифного регулирования. В свою очередь, международные договоры в области охраны окружающей среды не всегда содержат конкретные правила перемещения товаров. Например, Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES), закрепляет гарантию защиты животных и растений при международной торговле. Однако названный акт не имеет детальной процедуры контроля объектов CITES.

Таким образом, на уровне международного сотрудничества государствам-участникам ЕАЭС следует обратить внимание на закрепление единого определения и классификации «экологически чувствительного товара». Например, разработка «Единого регламента ЕАЭС об экологически чувствительных товарах» поможет установить общие требования к маркировке, упаковке, транспортировке и документации. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что конкретизация нормативного регулирования деятельности таможенных органов может повысить правосознание участников таможенных правоотношений, а также обеспечить экологическую безопасность на международном уровне.

Литература:

1. Соглашение ВТО от 15.04.1994 «Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года»
2. World Customs Organization. Strategic Plan 2025–2028: Serving Data-driven Customs for a Connected World. Brussels: WCO.
3. The Green Customs Guide to Multilateral Environmental Agreements / United Nations Environment Programme. — 2008. — URL: https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/8771 (дата обращения: 04.11..2026)
4. Краснобородкина А. В. Роль таможенных органов в обеспечении экологической безопасности стран БРИКС // Как нам обустроить Россию? (посильные соображения): материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 15. – Тюмень, 2019. — Вектор-Бук, 2019. — С. 284–288.
5. Ронжина Н. А. Экологическое значение деятельности таможенных органов в условиях либерализации международной торговли // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2024. № 1 (89).
6. Судариков А. А. О прецедентах, оказавших значительное влияние на сектор шиновосстановления в Бразилии // Торговая политика. 2016. № 1 (5). — С. 127–138.
7. Кадышева О. В. Решение Органа по рассмотрению споров Всемирной торговой организации по делу «Бразилия — меры, затрагивающие импорт шин с восстановленным протектором»: «торговый спор завершен, а лихорадка денге только началась» // Современное право. — 2013. — № 9. — С. 127–131.
8. Киченина В. С. ВТО и ЕАЭС: общие проблемы соотношения механизмов правового регулирования // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 3(87). — С. 94–98.
9. Чуйко Н. А. Взаимосвязь правил ВТО с вопросами защиты окружающей среды и безопасности продуктов питания // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. — С. 104–110.
10. Россия присоединилась к двум новым переговорным форматам ВТО по «зелёной» тематике // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — 17.12.2021. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_prisoedinilas_k_dvum_novym_peregovornym_formatam_vto_po_zelyonoy_tematike.html (дата обращения: 03.112026).

Правовая природа судимости и ее место в механизме реализации уголовной ответственности

Чадуев Александр Николаевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье автор исследует правовую природу судимости и определяет ее место в механизме реализации уголовной ответственности. Исключая синонимичность институтов судимости и уголовной ответственности, автор приходит к выводу о их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Ключевые слова: *судимость, уголовная ответственность, уголовное наказание, меры принуждения, снятие и погашение судимости.*

В соответствии с ч. 1 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда [1]. Это состояние лица прекращается лишь с моментом погашения или снятия судимости. При этом, уголовный закон в ч. 5 ст. 86 предусматривает возможность снятия судимости до истечения срока ее фактического погашения. В этом случае условием будет являться безупречное поведение осужденного, выразившееся, в том числе, в возмещении вреда, причиненного преступлением.

Правовая природа судимости на сегодняшний день по-прежнему остается одним из дискуссионных вопросов в теории уголовного права. Большинство авторов сходятся во мнении, что она характеризуется двойственностью. С одной стороны, судимость является неотъемлемым элементом уголовной ответственности, поскольку выступает продолжением уголовного наказания. В то же время, глядя с другого ракурса, проявляется самодостаточность судимости как самостоятельного уголовно-правового института. С этой точки зрения она оформлена как самостоятельное правовое последствие осуждения.

Из каких же теоретических оснований следует исходить для объективного понимания юридической природы судимости? К сожалению, в данном направлении единодушия в исследовательских кругах в настоящий момент не наблюдается. И это при том, что, откровенно говоря, рассматриваемая проблематика отнюдь не обойдена вниманием правоведов.

В немалой степени этому способствует то обстоятельство, что ни один нормативно-правовой акт, включая и УК РФ, не дает точной дефиниции судимости. И это несмотря на то, что в тексте уголовного закона этот термин упоминается более 30 раз. Ст. 86 УК РФ сконструирована таким образом, что в ее ч. 1 содержится определение не судимости как таковой, а «лица, считающегося судимым». Да и в остальных частях указанной статьи регламентированы лишь основополагающие правовые установления института судимости, а не ее определение. Прав Б. В. Яцеленко, определивший содержание ст. 86 УК РФ в качестве воплощения нормативных предписаний, закрепляющих временные пределы юридического бытия судимости и ее правовых последствий, а также порядок ее аннулирования [11, с. 73].

Тем не менее, это преднамеренное или случайное упущение законодателей исследователи пытаются преодолеть в своих научных теориях.

На уголовно-политическую сущность судимости делает основной упор в своих исследованиях В. П. Малков. По его мнению, уголовное право с помощью норм о судимости решает социально-политическую задачу по защите безопасности граждан и общества в целом [4, с. 89–90]. С ним, по сути, солидарна Т. Г. Понятовская, указавшая, что судимость с ее криминализацией, пенализацией и посткриминальным контролем способствует достижению искомых целей уголовной ответственности, воплощенной в наказании [6, с. 39].

Как видим, судимость как один из институтов реализации уголовной ответственности представляет собой особое правовое состояние или положение лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда конкретного вида наказания за совершенное преступление. Это состояние длится со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до истечения ограниченного законом срока либо до признания судом этого срока достаточным.

Как ни странно, но судимость выступает инструментом не только воздействия, но и стимулирования осужденного к правомерному поведению. Права М. С. Черепахина, что этот факт следует учитывать в целях достижения более эффективной реабилитации лиц, отбывших наказание [9]. К тому же появляющиеся у лица вместе с судимостью ограничения в правах способствуют превенции в совершении новых преступлений данным субъектом и, в конечном итоге, ведут к его исправлению.

В установлении состояния судимости, на наш взгляд, следует также усматривать и элемент социальной справедливости. Судимость способствует ее восстановлению, поскольку формирует дифференцированный подход к лицам, впервые преступившим уголовный закон, и к тем, кто совершил преступление повторно.

Другой, не менее распространенный подход в уголовно-правовой науке к определению судимости отталкивается от оценки ее сущности как явления, порождающего последствия правоограничительного характера. Из текста ст. 86 УК РФ прямо следует, что судимость порождает целый комплекс правоограничений как уголовно-правового, так и общеправового характера. В его ст. 1 указано, что судимость, кроме того, что она учитывается при рецидиве преступлений и назначении наказаний, еще и «влечет за собой иные правовые последствия». Очевидно, что значение судимости существенно выходит за рамки мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившего преступление.

Действительно, вряд ли вызовет принципиальные споры тезис о том, что сущностно судимость выглядит как последствие наказания. Ведь она возникает, как уже было отмечено выше, после назначения в приговоре наказания и вступления в законную силу этого обвинительного приговора. В этой связи прав А. В. Наумов, утверждавший, что «судимость — это особое уголовно-правовое последствие обвинительного приговора с применением наказания, определяющее особое правовое положение лица, признанного судом виновным в совер-

шении преступления и осужденного к уголовному наказанию» [5, с. 502]. В рамках подобного подхода имеются оценки и других правоведов. Так, в частности, у Г. Ю. Зинина судимость выступает последствием осуждения лица [2, с. 8–9], а Е. А. Симонова считает ее результатом отбытия (исполнения) наказания [7, с. 28].

В теории уголовного права подход, согласно которому судимость по своей природе понимается в качестве одной из характеристик уголовной ответственности, также имеет существенный круг своих сторонников. Ряд исследователей считает судимость ее составным элементом; некоторые — конечной стадией развития уголовной ответственности [3, с. 155]. Пожалуй, самым категоричным выглядит суждение Р. Х. Шаутаевой, считающей судимость формой реализации уголовной ответственности [10, с. 103].

Конечно, имеются аргументы для того, чтобы связывать смысловое содержание судимости с уголовной ответственностью. Во-первых, сам Конституционный Суд РФ относит судимость к институтам ответственности [12]. Во-вторых, этому способствует и довольно устойчивая доктрина, существующая в уголовном праве по этому поводу. Согласно ей, только по факту снятия или погашения судимости у осужденного лица прекращаются правоотношения с уголовным правом [6, с. 41]. Стало быть, пока она не аннулирована, для субъекта продолжает реализовываться уголовная ответственность.

Следуя логике данного суждения, А. М. Трухин охарактеризовал сущность судимости через категорию «мера государственного принуждения», которая полностью лишает или существенно ограничивает права и свободы лица [8, с. 77]. В данном контексте автор, очевидно, стремится к отождествлению судимости с уголовной ответственностью и, по всей видимости, считает свою позицию правильной.

Однако по поводу вышеизложенных положений необходимо внести некоторые критические замечания. Думается, что для определения природы и сущности судимости опираться на понятие уголовной ответственности или ее отдельные характеристики неправомерно и нецелесообразно. Ведь, как известно, ее понятие само законодательно не закреплено, и в теории уголовного права существует большое разнообразие походов и толкований по этому поводу. Вряд ли уместно осуществлять поиск дефиниции судимости через понятие, которое само толком не определено.

Кроме того, не выдерживает критики попытка ряда ученых отождествить судимость и уголовную ответственность, представить их в качестве явлений синонимичного порядка. Между тем, уголовная ответственность может быть реализована и без судимости. В то же время судимость сама является предпосылкой для таких форм реализации уголовной ответственности, как наказание и испытание в рамках условного осуждения. В этих двух случаях судимость осуществляет их социально-правовое сопровождение.

Таким образом, институт судимости, не являясь формой реализации уголовной ответственности и не отождествляясь с ней, тем не менее, занимает в ее механизме центральное место. Поскольку со вступлением в законную силу приговора суда для осужденного лица возникают новые правоотношения ограничительного характера с государством, то природа судимости должна быть отнесена к категории юридических фактов. Этими правоотношениями детерминируются как сами правовые последствия уголовно-правового и общего характера, так и определяемое ими правовое положение (состояние) осужденного к наказанию лица.

Указанные признаки формируют содержание института судимости и делают возможным сформулировать ее рабочую дефиницию. Суммируя ее объективные сущностные характеристики, полагаем, что под *судимостью* следует считать носящий срочный характер юридический факт осуждения лица за совершенное им преступление, подтвержденный приговором суда и выраженный в назначении наказания, сопровождающегося правоограничительными последствиями для правового положения лица.

Допуская некоторое возможное несовершенство данной дефиниции, тем не менее, уверены в том, что подобные попытки понятийно определить данную категорию заслуживают внимания. Это обусловлено острой необходимостью максимально точно уяснить содержание судимости, что в свою очередь, должно поспособствовать исключению произвольного толкования этого термина общественным сознанием, что зачастую накладывает печать дискриминации и комплекса безысходности на лицо, подвергнутое уголовному осуждению.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026 № 300-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 75. Ст. 2954; СЗ РФ. 2026. № 32. Ст. 4497.
2. Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2014.
3. Зинин Г. Ю. Особенности института судимости в определении правового статуса личности // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2.
4. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглимат» ИЭУП, 2006.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций: В 3-х т. Т. 1. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.

6. Понятовская Т. Г. О понятии судимости и ее институциональном значении // Вектор юридической науки: Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2022. № 10.
7. Симонова Е. А. Примирение с потерпевшим в российском законодательстве и теории / Под ред. проф. Б. Т. Разгильдеева — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004.
8. Трухин А. М. Судимость как элемент содержания уголовной ответственности // Вестник КрасГУ: Изд-во Красноярского государственного университета. Серия Право. 2004.
9. Черепахина М. С. Судимость и ее уголовно-правовое значение // Матер. XVII Междунар. студ. науч. конф. «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: https://scienceforum.ru/2025/article/2018037986 (дата обращения: 08.10.2026).
10. Шаутаева Р. Х. Судимость как форма реализации уголовной ответственности // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 2.
11. Яцеленко Б. В. Судимость: правовая природа и значение в механизме реализации уголовной ответственности // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Артема Романовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022018-n-564-o/ (дата обращения: 02.11.2026).

Проблемы правового регулирования использования земельных участков, находящихся в собственности концессионера, при реализации концессионных соглашений

Чемезова Линна Прокопьевна, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье исследуются правовые вопросы использования земельных участков, находящихся в собственности концессионера, при реализации концессионных соглашений. Рассматриваются положения законодательства о концессионных соглашениях и земельного законодательства, соотношение прав на земельный участок и объект концессии, а также правовая неопределенность, возникающая при сохранении участка в собственности концессионера после перехода объекта к концеденту. Обосновывается необходимость заблаговременного определения правового режима участка и закрепления в соглашении допустимого законом механизма использования этого участка после передачи объекта.

Ключевые слова: *концессионное соглашение, концессионер, концедент, земельный участок, право собственности, объект концессии.*

Концессионные соглашения являются одним из правовых механизмов привлечения частных инвестиций в создание и реконструкцию объектов инфраструктуры. Эффективная реализация такого проекта предполагает не только определение правового режима самого объекта, но и наличие законных оснований для использования земельного участка, на котором расположен объект или который необходим для деятельности, предусмотренной соглашением. Особую сложность представляет ситуация, когда земельный участок принадлежит концессионеру, а право собственности на созданный или реконструированный объект принадлежит или должно принадлежать концеденту в соответствии с законодательством.

Правовое регулирование данного вопроса основывается прежде всего на Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» и Земельном кодексе Российской Федерации. В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 10 этого закона существенным условием концессионного соглашения является порядок предоставления концессионеру земельных участков, предназначенных для осуществления предусмотренной соглашением деятельности, а также иные связанные с этим условия в случаях, когда необходимо оформление аренды или субаренды. Следовательно, необходимость предоставления участка должна определяться с учетом фактических потребностей конкретного проекта, а не предполагаться автоматически во всех случаях [2].

Часть 1 статьи 11 того же закона предусматривает, что земельный участок, на котором располагается объект концессионного соглашения и (или) который необходим для создания, реконструкции объекта либо осуществления предусмотренной соглашением деятельности, предоставляется концессионеру в аренду, субаренду или на ином законном основании в соответствии с применимым за-

конодательством. Данная норма сама по себе не исключает использования участка, принадлежащего концессионеру на праве собственности. Такой подход отражен и в письме Министерства экономического развития Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № Д22и-14699, в котором ведомство указало на допустимость использования принадлежащих концессионеру земельных участков для реализации концессионного проекта [4].

При этом письмо Минэкономразвития России не является нормативным правовым актом и не содержит общеобязательного толкования законодательства. Письмо излагает позицию ведомства и обращает внимание на риск, который возникает при несовпадении собственника земельного участка и лица, которому принадлежит объект концессии. Министерство отметило, что на этапе подготовки проекта целесообразно рассмотреть возможность передачи земельного участка в собственность концедента, чтобы снизить вероятность споров при реализации им права собственности на объект [4].

Такая проблема связана с принципом единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, закрепленным в земельном законодательстве. В соответствии с подпунктом 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации данный принцип предполагает следование прочно связанных с земельным участком объектов судьбе этого участка [1]. Вместе с тем содержание и последствия применения этого принципа должны оцениваться с учетом конкретных норм закона, правового режима участка и объекта, а также обстоятельств проекта. В связи с этим нельзя утверждать, что передача объекта концессии концеденту во всех случаях автоматически влечет переход земельного участка к нему в собственность. В то же время сохранение участка у концессионера без одновременного определения правового основания дальнейшего использования земли может создать препятствия для эксплуатации объекта.

В доктрине земельного права принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов рассматривается как императивное правило, направленное на предотвращение правовых коллизий. Как отмечается в постатейном комментарии к Земельному кодексу Российской Федерации под редакцией С. А. Боголюбова, земельный участок и расположенные на нем объекты неразрывно связаны, и их правовой режим должен быть единым [6]. Применительно к концессионным отношениям это создает риск: передача объекта в собственность концедента при сохранении земли у концессионера формально противоречит данному принципу.

Вместе с тем, как отмечает Р. С. Бевзенко, принцип единства судьбы не влечет автоматического перехода права собственности на земельный участок к приобретателю здания. Данный принцип означает лишь обязанность оформить законное право пользования землей (как правило, в виде аренды) одновременно с переходом права на объект недвижимости [7]. Таким образом, законодательство не требует обязательного совпадения собственников земли и здания, но требует наличия легитимного правового основания для использования участка, что допускает по соглашению сторон оформление права аренды вместо перехода права собственности.

Однако специфика концессий состоит в том, что общий гражданско-правовой механизм здесь работает с оговорками. В профессиональной литературе А. С. Вишневская обращает внимание на принципиальное различие режимов. Часть 3 статьи 33 Федерального закона № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» прямо требует, чтобы земельные участки находились в собственности публичного партнера, тогда как Федеральный закон № 115-ФЗ аналогичного прямого требования не содержит [8]. Подобное различие в регулировании создает правовую неопределенность, поскольку земельный участок может остаться в собственности концессионера, а отсутствие четкого механизма его последующего использования концедентом влечет риск судебных споров.

Правовая неопределенность особенно проявляется на этапе передачи объекта концеденту или при прекращении концессионного соглашения. В случае, когда земельный участок остается в собственности концессионера, концеденту либо лицу, осуществляющему эксплуатацию объекта, необходимо иметь самостоятельное законное основание для доступа к участку и его использования. Отсутствие заранее согласованного решения может повлечь дополнительные расходы, необходимость заключения новых договоров и возникновение споров между сторонами. В связи с этим вопрос о земельном участке должен решаться при подготовке концессионного соглашения, а не откладываться до момента передачи объекта.

Практическое значение надлежащего земельного обеспечения иллюстрирует постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 января 2024 г. по делу № А31-9753/2022. В данном споре ООО «Экотехнопарк» оспаривало решение уполномоченного органа о невозможности заключения концессионного соглашения в отношении объектов обращения с твердыми коммунальными отходами в Костромской области. В числе обстоятельств, рассматривавшихся при оценке предложения о заключении соглашения, имели значение сведения о земельных участках, предполагаемых для реализации проекта, и подтверждение возможности их использования с соблюдением применимых требований. Суды отказали обществу в удовлетворении требований, а суд кассационной инстанции оставил судебные акты без изменения [5].

Указанное дело не разрешает непосредственно вопрос о судьбе принадлежащего концессионеру земельного участка после передачи объекта концеденту, поэтому дело нельзя приводить как прямое подтверждение обязанности передавать землю в публичную собственность. Значение этого дела для рассматриваемой темы ограничивается более общим выводом: земельное обеспечение концессионного проекта должно быть конкретизировано и подтверждено документально уже на стадии подготовки

и рассмотрения предложения о заключении соглашения. Следовательно, стороны должны заранее определить участок, его правовой режим и юридическую возможность использования участка для целей проекта [5].

Сравнительный анализ отдельных положений Федеральных законов № 115-ФЗ и № 224-ФЗ также может быть полезен, однако режимы концессионного соглашения и соглашения о государственно-частном партнерстве не являются тождественными. Федеральный закон № 224-ФЗ устанавливает собственные правила предоставления земельных участков, включая специальные положения для отдельных проектов, и эти положения не могут автоматически применяться к концессионным соглашениям, регулируемым Федеральным законом № 115-ФЗ. В рамках настоящего исследования значение сравнительного материала состоит лишь в том, что законодатель использует различные модели земельного обеспечения в зависимости от вида соглашения и характеристик проекта.

Представляется, что основное направление совершенствования регулирования должно состоять не в установлении безусловной обязанности передавать концеденту любой участок, принадлежащий концессионеру, а в обеспечении правовой определенности на случай перехода объекта. При подготовке соглашения сторонам целесообразно определить, допускается ли отчуждение участка, возможно ли предоставление концеденту права аренды или иного законного права пользования и какой вариант обеспечивает непрерывную эксплуатацию объекта. Выбранная модель должна соответствовать земельному законодательству, учитывать ограничения оборотоспособности участка и права третьих лиц, а также предусматривать распределение расходов и обязанностей по содержанию земли.

С учетом изложенного целесообразно рассмотреть уточнение статьи 10 Федерального закона № 115-ФЗ в части обязанности сторон определять правовой режим принадлежащего концессионеру земельного участка после передачи объекта концеденту, если этот участок необходим для дальнейшего использования объекта. Предлагаемое условие должно позволять сторонам выбрать один из юридически допустимых вариантов урегулирования земельных отношений, а не предписывать единственную модель для всех проектов. В частности, в зависимости от правового режима участка и согласия сторон может оцениваться передача участка в собственность концедента либо оформление права пользования на ином предусмотренном законом основании. Вместе с тем любые решения должны быть согласованы с применимыми нормами земельного и гражданского законодательства.

В качестве возможного варианта такого уточнения можно рассмотреть добавление следующего текста в пункт 5 части 1 статьи 10 Федерального закона № 115-ФЗ:

«Положения пункта 5 части 1 настоящей статьи не применяются, если земельный участок, необходимый для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением, на момент заключения этого соглашения принадлежит концессионеру на праве собственности.

5.1) В случае, предусмотренном абзацем вторым пункта 5 настоящей статьи, концессионное соглашение должно содержать одно из следующих условий, обеспечивающих соблюдение требований статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации:

1) об обязательстве концессионера передать концеденту право собственности на указанный земельный участок одновременно с передачей созданного и (или) реконструированного объекта концессионного соглашения;

2) о передаче концессионером указанного земельного участка концеденту в аренду на срок не менее срока действия концессионного соглашения, с определением порядка и условий последующего выкупа земельного участка концедентом».

Таким образом, проблема использования земельного участка, принадлежащего концессионеру, заключается не в самом факте его частной собственности, а в отсутствии согласованного основания для дальнейшего использования участка после передачи объекта концеденту. В связи с этим представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить обязанность сторон заранее определить правовой режим такого участка в тексте концессионного соглашения. Подобное уточнение позволит снизить правовую неопределенность и риск судебных споров, сохранив за сторонами возможность выбрать способ урегулирования земельных отношений с учетом особенностей конкретного проекта.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
2. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3126.
3. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, № 29 (ч. I), ст. 4350.
4. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № Д22и-14699 // ГАРАНТ : [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/407824699/ (дата обращения: 04.11.2026).
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 января 2024 г. № А31-9753/2022 // Электронное правосудие : [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e7d9b3cf-3421-4d0c-ac50-409a1b81977e/368772a9-2ee4-4d30-913f-50b8bb736261/A31-9753-2022_20240131_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

6. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. А. Боголюбова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2017. — 784 с. — URL: https://docs.cntd.ru/document/420279489 (дата обращения: 04.11.2026).
7. Бевзенко, Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем // Вестник гражданского права. — 2020. — № 2. — С. 60–123.
8. Вишневская, А. С. Реализация концессионного проекта на земельном участке, принадлежащем концессионеру // Росинфра : [сайт]. — URL: https://rosinfra.ru/news/realizatsiia-kontsessionnogo-proekta-na-zemelnom-uchastke-prinadlezhashchem-kontsessioneru (дата обращения: 28.10.2026).

Роль социального партнёрства в регулировании нетипичной занятости в Российской Федерации

Черноусов Михаил Леонидович, студент магистратуры
Научный руководитель: Кожихин Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

Предметом статьи выступает участие социального партнёрства в упорядочении нетипичной (нестандартной) занятости в Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что институт социального партнёрства в том виде, в каком его закрепляет раздел II Трудового кодекса Российской Федерации, рассчитан в основном на традиционные трудовые отношения, тогда как самозанятые, фрилансеры и исполнители, работающие через платформы, остаются вне его действия. Раскрываются содержание и разновидности нетипичной занятости, после чего оцениваются возможности социального партнёрства в отношении дистанционной, неполной, срочной, заёмной и платформенной работы. В числе главных трудностей названы нехватка коллективного представительства, разобщённость исполнителей и отсутствие у них единого работодателя. Изучены решения иностранных правопорядков: презумпция трудового характера отношений, модель «защищённой гибкости», особые статусы экономически зависимых исполнителей. Предлагаемые шаги включают более широкое применение отраслевых и территориальных соглашений, заключение отдельных соглашений по нетипичной занятости, развитие цифровых способов представительства и квази-коллективных договорённостей с операторами платформ, а также требование прозрачности алгоритмов. Эти шаги соотнесены с проектом новой статьи 351.10 в главе 55 Трудового кодекса Российской Федерации и с альтернативным вариантом — самостоятельной главой кодекса о цифровых платформах.

Ключевые слова: *социальное партнёрство, нетипичная занятость, цифровые платформы, платформенная занятость, коллективный договор, соглашения, трудовое право, представительство профсоюзов.*

Введение

Цифровизация производства и управления сегодня глубоко меняет социально-трудовые отношения. Заметнее всего это проявляется в быстром распространении нетипичных (нестандартных) форм занятости, к которым относятся удалённая и гибридная работа, срочные трудовые договоры, неполное рабочее время, предоставление труда работников, самозанятость, фриланс и работа через платформы. Такие формы гибки и легко подстраиваются под потребности сторон, но вместе с тем несут для работников существенные социальные угрозы: положение становится неустойчивым (прекаризация), трудовые гарантии сужаются, доступ к социальному страхованию затруднён, а коллективное представительство теряет силу [5, с. 52].

Социальное партнёрство по своей природе ориентировано на пару «конкретный работодатель — штатный работник». Тот, кто на деле зависит от заказчика, кадрового агентства или цифровой платформы, часто не получает формального статуса работника и поэтому не попадает в сферу действия коллективных договоров и соглашений. Так появляется структурное несоответствие между реальным устройством труда и сложившейся системой социального партнёрства: исполнитель, оставаясь юридически самостоятельным, экономически зависим, а руководство его деятельностью всё больше переходит к цифровым алгоритмам.

Актуальность темы усиливается продолжающимся обновлением российского законодательства. Федеральный закон от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» действует с 1 января 2024 г. и заменил утративший силу с 1 января 2025 г. Закон Российской Федерации от 19.04.1991 г. № 1032–1 [9]. Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» вступил в силу 1 октября 2026 г., разграничивает гражданско-правовые и трудовые отношения, од-

нако сами трудовые отношения не регулирует [10]. Федеральным законом от 26.07.2026 г. № 246-ФЗ в Трудовой кодекс Российской Федерации вводится статья 351.9 о стажировке в сфере труда, вступающая в силу с 1 марта 2027 г. [11]. На этом фоне потребность в специальном регулировании платформенной занятости и в распространении механизмов социального партнёрства на нетипичные формы труда становится всё более очевидной.

Цель настоящей статьи — определить роль социального партнёрства в регулировании нетипичной занятости и обосновать направления его развития применительно к платформенной и иным нестандартным формам труда. Для достижения цели поставлены задачи: раскрыть понятие и виды нетипичной занятости; определить функции социального партнёрства в её регулировании; проанализировать действующую систему социального партнёрства и её пробелы; рассмотреть зарубежные подходы; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

1. Понятие и виды нетипичной занятости и место социального партнёрства в её регулировании

Понятие нетипичной занятости в силу своей многогранности не имеет единого, общепризнанного определения в правовой науке. В общем виде под ней понимаются формы трудовой деятельности, отличающиеся от стандартной модели трудовых отношений, для которой характерны полная занятость, работа на постоянной основе у одного работодателя, чётко определённое рабочее время и социальные гарантии [5, с. 34]. Для нетипичной занятости характерны неустойчивость трудовой связи, подвижный режим рабочего времени, зависимость от состояния рынка труда и ограниченный доступ к социальным гарантиям. Занятые в таких формах работники более уязвимы к экономическим колебаниям, имеют меньше возможностей для профессионального роста и сталкиваются с трудностями при защите своих прав [5, с. 44].

В рамках данной статьи нетипичная занятость определяется как форма осуществления трудовой или иной профессиональной деятельности, характеризующаяся отклонением от стандартной модели занятости посредством гибкой организационной связи между субъектами и технологически опосредованного взаимодействия, включая использование цифровых платформ, информационных систем и алгоритмических механизмов управления. Данное определение позволяет учитывать не только временные, пространственные и договорные особенности труда, но и влияние цифровых технологий на содержание правоотношений, а также отграничивать нетипичную занятость от скрытых трудовых отношений.

Виды нетипичной занятости разнообразны и различаются по степени организационной, экономической и технологической зависимости занятого лица. К ним относятся дистанционная и гибридная работа, срочные трудовые договоры, неполное рабочее время, совместительство, временное предоставление труда работников (в понимании главы 53.1 ТК РФ), самозанятость, фриланс и платформенная занятость. Указанные формы различаются по своей правовой природе, характеру взаимодействия с работодателем, заказчиком либо оператором цифровой платформы и по объёму предоставляемых трудовых и социальных гарантий, однако их объединяет отступление от классической модели занятости, основанной на бессрочном трудовом договоре, работе в помещении работодателя и подчинении установленному режиму рабочего времени [3, с. 63].

Место социального партнёрства в регулировании нетипичной занятости определяется тем, что оно выполняет несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, обеспечивает адаптацию общих положений трудового законодательства к специфике отдельных отраслей, профессий, территорий и организационных моделей. Во-вторых, позволяет устанавливать дополнительные гарантии для лиц, занятых в нестандартных условиях. В-третьих, способствует предупреждению конфликтов и злоупотреблений, возникающих вследствие неопределённости правового статуса работников.

При этом важно учитывать, что нетипичная занятость не всегда означает отсутствие трудовых отношений. В отдельных случаях гражданско-правовая форма договора используется при наличии фактических признаков трудовых отношений: личного выполнения работы, подчинения правилам внутреннего распорядка, регулярной выплаты вознаграждения, включения лица в производственный процесс и контроля со стороны заказчика [5, с. 71]. Вместе с тем распространение механизмов социального партнёрства на самозанятых, фрилансеров и платформенных исполнителей не должно автоматически означать признание всех гражданско-правовых отношений трудовыми. Более обоснованным представляется дифференцированный подход, при котором лица, не имеющие статуса работников, получают возможность участвовать в консультационных и представительских процедурах по вопросам, непосредственно затрагивающим их экономические и социальные интересы.

2. Действующая система социального партнёрства в Российской Федерации и её возможности применительно к нетипичным формам занятости

Нормативной основой социального партнёрства служат главы 3–9, составляющие раздел II Трудового кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьёй 23 Трудового кодекса Российской Федерации социальное партнёрство представляет собой систему взаимоотношений между работниками, работодателями, органами государственной власти и органами местного самоуправления, направленную на согласование интересов сторон трудовых отношений. Основными формами социального партнёрства являются коллективные переговоры, заклю-

чение коллективных договоров и соглашений, участие работников в управлении организацией, а также контроль за выполнением достигнутых договорённостей [8, ст. 3].

Нормотворческая функция социального партнёрства заключается в разработке дополнительных правил и гарантий, учитывающих специфику нетипичной занятости. Коллективный договор в его нынешнем виде связан с конкретным работодателем: статья 40 Трудового кодекса Российской Федерации определяет его как акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации либо у индивидуального предпринимателя [8, ст. 40; 6, с. 62]. Для штатного персонала эта модель работает, но на тех, кто трудится по гражданско-правовым договорам, через кадровые агентства или с помощью цифровых платформ, её действие распространяется слабо. Отсюда возрастает роль отраслевых, межотраслевых и территориальных соглашений: именно они способны задать минимальные стандарты оплаты труда, компенсации расходов, профессиональной подготовки, охраны труда и социального страхования для лиц, которые фактически включены в производственный процесс, хотя формально в штат организации не входят.

Для ряда нетипичных форм занятости договорное регулирование значимо само по себе. Так, при дистанционной работе коллективный договор или локальный нормативный акт может уточнить, как выдаётся оборудование, как компенсируется использование личной техники, как возмещаются расходы на связь и программное обеспечение, как строится взаимодействие с работодателем, как учитывается рабочее время и защищаются персональные данные. Стороны социального партнёрства могут также расширить гарантии права удалённого работника на отдых, например запретить передавать ему рабочие задания после окончания установленного рабочего времени [1, с. 47].

Для работников с неполным рабочим временем коллективный договор может играть защитную роль, закрепляя дополнительные гарантии оплаты труда, преимущественное право на увеличение рабочего времени, порядок получения социальных выплат, компенсаций и профессионального обучения. Благодаря этому неполная занятость перестаёт быть лишь средством экономии работодателя на расходах. Что касается срочной занятости, отраслевые и территориальные соглашения способны ограничить заключение срочных трудовых договоров без достаточных оснований: в них можно установить дополнительные требования к обоснованию срочного характера отношений и обязать работодателя сообщать работнику, почему срок договора ограничен [2].

Большие возможности социальное партнёрство открывает и в сфере предоставления труда работников. В коллективных соглашениях допустимо определить, как взаимодействуют частные агентства занятости, принимающие организации и представители работников, и предусмотреть дополнительные гарантии в части оплаты и охраны труда, профессионального обучения, компенсации расходов. Тем самым ответственность распределяется между всеми субъектами, которые участвуют в организации труда [7, с. 120].

Труднее всего поддаётся регулированию платформенная занятость. Исполнитель, работающий через платформу, может считаться самостоятельным, но на практике зависит от неё: от её тарифов, рейтинговой системы, алгоритма распределения заказов и правил блокировки аккаунта. Оператор платформы выполняет функции, близкие к функциям работодателя: раздаёт задания, назначает тарифы, следит за сроками и качеством, составляет рейтинги, применяет цифровые санкции и может закрыть доступ к заказам. Подобная зависимость делает необходимыми особые механизмы коллективного представительства, которые лишь частично совпадают с привычными профсоюзными процедурами [3, с. 130].

Главное препятствие для регулирования нетипичной занятости — нехватка представительства. У платформенных исполнителей и самозанятых нередко нет единого работодателя, постоянного рабочего места и стабильного коллектива, поэтому профсоюзы в привычной форме создаются с трудом, а коллективные переговоры почти невозможны. Положение осложняется тем, что система социального партнёрства по-прежнему опирается на классическую трудовую модель с конкретным работодателем и штатным работником. Поэтому регулирующие возможности социального партнёрства в области нетипичной занятости используются лишь частично.

3. Сравнительно-правовой аспект

Опыт других стран показывает стремление найти модели, в которых гибкий рынок труда совмещается с гарантированным минимумом социальных прав. За рубежом распространяется идея «защищённой гибкости», объединяющая экономическую мобильность, свободу выбора формы занятости и социальную защиту работника [5, с. 89]. Государства используют разные инструменты: презумпцию трудовых отношений в случае контроля со стороны цифровой платформы, особые правовые статусы зависимых исполнителей, механизмы коллективного представительства, обязательное страхование и минимальные трудовые гарантии [5, с. 104].

В Европе исходят из презумпции трудовых отношений: когда платформа или заказчик на деле управляют процессом труда, исполнителя признают работником со всеми полагающимися гарантиями. Великобритания и США традиционно придерживаются более либерального подхода, однако суды в последние годы заметно пересмотрели положение «независимых подрядчиков»; британское право допускает контракты с нулевым временем, но обязывает работодателя соблюдать право на отпуск и больничный, а в США статус работника по-прежнему определяется главным образом через «ABC-тест», оценивающий степень его автономности. В Канаде си-

туация более сбалансирована благодаря развитой системе социальной защиты и более активной роли профсоюзов [4, с. 74; 5, с. 58].

Для российской правовой системы практический интерес представляют подходы, направленные на ограничение злоупотреблений при использовании срочных трудовых договоров, обеспечение равенства гарантий работников различных категорий, формирование промежуточных правовых статусов и развитие гибридных моделей социальной защиты. При этом механическое заимствование зарубежного опыта нецелесообразно без учёта особенностей российской системы трудового права, структуры занятости и действующего законодательства. Показательно, что российская модель дистанционного труда тяготеет к европейскому подходу, при котором акцент смещён на защиту прав работника [4, с. 88], тогда как в сфере платформенной занятости соответствующие механизмы ещё не сформированы.

4. Направления совершенствования

Совершенствование правового регулирования социального партнёрства в сфере нетипичной занятости может осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, необходимо расширить содержание отраслевых и территориальных соглашений за счёт включения положений о минимальных гарантиях для лиц, выполняющих работу по гражданско-правовым договорам и посредством цифровых платформ. На отраслевом уровне такие соглашения могут включать положения о минимальной почасовой или сдельной ставке вознаграждения, порядке компенсации расходов, требованиях безопасности, страховании от несчастных случаев, доступе к профессиональному обучению и недопустимости необоснованной дискриминации. Перспективным направлением является формирование специальных соглашений о нетипичной занятости, заключаемых на федеральном, отраслевом и территориальном уровнях и определяющих минимальные социальные стандарты для отдельных категорий занятых [7, с. 155].

Во-вторых, целесообразно закрепить правовые основания для участия представителей платформенных исполнителей и иных самостоятельно занятых лиц в консультационных органах при органах государственной власти, трёхсторонних комиссиях и рабочих группах по вопросам занятости. Практическим решением может стать создание при Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений постоянно действующей рабочей группы по вопросам нетипичной занятости, в задачи которой входили бы анализ статистики, выявление массового заключения гражданско-правовых договоров при наличии признаков трудовых отношений, подготовка рекомендаций по совершенствованию законодательства и разработка критериев добросовестного поведения цифровых платформ.

В-третьих, необходимо нормативно определить механизм коллективного представительства лиц, не объединённых единым работодателем. В качестве представителей могут выступать профессиональные объединения, отраслевые профсоюзы, общественные советы и иные организации, уполномоченные соответствующей группой занятых. Для преодоления атомизации исполнителей следует развивать цифровые формы профсоюзной деятельности: электронное членство, дистанционное проведение собраний, цифровое голосование, электронное направление коллективных требований и онлайн-консультирование. Целесообразно также рассмотреть возможность законодательного закрепления института информационных, или коллективных, представителей нетипичных работников: при отсутствии формального профсоюза группа платформенных исполнителей, объединённая по профессиональному или территориальному признаку, могла бы уполномочить общественный совет или отраслевой профсоюз на ведение переговоров с оператором платформы [7, с. 260].

В-четвёртых, в отношении цифровых платформ может быть использован механизм квази-коллективных соглашений — договорённостей между оператором цифровой платформы и представительным объединением исполнителей либо организацией, уполномоченной представлять их интересы. Предметом таких соглашений могут быть минимальные стандарты вознаграждения, порядок изменения тарифов, компенсация расходов исполнителей, требования к безопасности, защита от необоснованной блокировки, правила использования рейтингов, порядок предоставления информации и процедура рассмотрения индивидуальных и коллективных обращений. Важным условием легитимности таких соглашений являются добровольность представительства, равенство сторон и недопустимость ограничения конкуренции с учётом требований антимонопольного законодательства.

В-пятых, следует развивать правовое регулирование цифрового управления трудом. Участники социального партнёрства должны иметь возможность получать сведения об общих принципах функционирования автоматизированных систем, определяющих порядок распределения заказов, рейтинг исполнителя, размер вознаграждения и доступ к работе на платформе. Платформа должна раскрывать понятные правила формирования рейтингов, распределения заказов и применения ограничений, не обязательно передавая исходный программный код или коммерческую тайну. Особого внимания требует предотвращение алгоритмической дискриминации: профсоюзы и объединения исполнителей могут инициировать независимый аудит алгоритмов на предмет дискриминационных эффектов [7, с. 210].

Предложенные направления непосредственно связаны с нормотворческими инициативами, вытекающими из проводимого магистерского диссертационного исследования автора. В целях регулирования платформенной занятости обосновывается дополнение главы 55

Трудового кодекса Российской Федерации новой статьёй 351.10 «Особенности регулирования труда лиц, осуществляющих деятельность на основе цифровых платформ». Глава 55 Трудового кодекса Российской Федерации «Особенности регулирования труда других категорий работников» по состоянию на октябрь 2026 г. включает статьи 349–351.8; статья 351.9 вводится с 1 марта 2027 г. Федеральным законом от 26.07.2026 № 246-ФЗ, поэтому номер 351.10 свободен. Смежное регулирование платформенной экономики осуществляет Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ, который разграничивает гражданско-правовые и трудовые отношения, но сами трудовые отношения не регулирует, что и обосновывает внесение специальной нормы в Трудовой кодекс РФ.

В предлагаемой статье закрепляются статус платформенного занятого, порядок оформления отношений, гарантии оплаты и социального страхования, предельная продолжительность рабочего времени и обязательные перерывы, требования охраны труда, правила взаимодействия с оператором платформы и порядок разрешения споров, а также опровержимая презумпция трудовых отношений, если налицо совокупность признаков экономической и организационной зависимости исполнителя. Альтернативным вариантом нормотворческого решения выступает формирование отдельной главы Трудового кодекса Российской Федерации о цифровых платформах, которая позволила бы системно урегулировать весь комплекс отношений с участием платформенных исполнителей.

Заключение

По итогам анализа можно сделать ряд выводов.

1. Социальное партнёрство служит одним из главных способов согласовать интересы работников, работодателей и государства в трудовой сфере, и с распространением нетипичной занятости его роль усиливается, ведь привычные инструменты государственного и договорного регулирования далеко не всегда отражают специфику дистанционной, неполной, временной, заёмной и платформенной работы.

2. Сложившаяся система социального партнёрства рассчитана на классические трудовые отношения с конкретным работодателем и штатным работником, поэтому самозанятые, фрилансеры и исполнители на платформах часто не участвуют в коллективных переговорах и лишены социальных гарантий.

3. Для активизации социального партнёрства нужно перенести центр тяжести с уровня отдельного предприятия на отраслевой, территориальный и межотраслевой, перевести процедуры представительства в цифровую форму и закрепить в законе право профессиональных объединений вести диалог с операторами платформ.

4. В цифровой экономике значимыми становятся профессиональные объединения платформенных исполнителей, цифровые профсоюзы, общественные советы и другие формы коллективного представительства, а ещё одним инструментом могут стать квази-коллективные соглашения цифровых платформ с представительными объединениями исполнителей.

5. Социальное партнёрство в области нетипичной занятости должно поддерживать равновесие между гибкостью рынка труда и достойными условиями работы: при правовом регулировании важно принимать во внимание не только формальный статус лица, но и то, насколько оно реально зависит экономически и организационно от заказчика, работодателя или платформы.

6. Предложенные меры — более широкое применение отраслевых и территориальных соглашений, заключение специальных соглашений о нетипичной занятости, закрепление механизмов коллективного представительства, прозрачность алгоритмов и включение в Трудовой кодекс Российской Федерации нормы о платформенной занятости — дадут возможность, по мнению автора, построить более гибкую и инклюзивную модель регулирования социально-трудовых отношений, приспособленную к цифровой экономике.

Литература:

1. Бородина Е. Н. Трудовое право. Правовое регулирование труда лиц, работающих вне места нахождения работодателя: учебник для вузов. — Москва: Юрайт, 2025. — 157 с.
2. Круглов Д. В., Резникова О. С., Цыганкова И. В. Управление социально-трудовыми отношениями: учебник для вузов. — Москва: Юрайт, 2025. — 201 с.
3. Кязимов К. Г. Рынок труда и занятость населения: учебник для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 214 с.
4. Николюкин С. В. Правовое обеспечение профессиональной деятельности: учебник для вузов. — Москва: Юрайт, 2025. — 248 с.
5. Павловская О. Ю. Правовое регулирование занятости населения: учебник для вузов. — Москва: Юрайт, 2025. — 125 с.
6. Петров А. Я. Социальное партнёрство в сфере труда: история, теория, право: учебник для вузов. — Москва: Юрайт, 2025. — 348 с.
7. Трудовое право. Особенная часть: учебник для вузов / ответственный редактор М. О. Буянова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 527 с.

8. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
9. О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 51. — Ст. 9172.
10. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.
11. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 246-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.

Коллизии правоприменения при обеспечении адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве

Чириков Михаил Денисович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются коллизии правоприменения, возникающие при обеспечении адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве. Анализируются противоречия между гарантиями ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и обязанностями адвокатов по «антиотмывочному» законодательству, проблемы допроса адвоката в качестве свидетеля и производства обысков, а также новые риски, порождаемые цифровизацией уголовного процесса. На основе мнений исследователей формулируется авторская позиция и конкретное предложение по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *адвокатская тайна, коллизии правоприменения, уголовное судопроизводство, допрос адвоката, обыск, цифровизация, Росфинмониторинг.*

Адвокатская тайна является одним из краеугольных институтов уголовного судопроизводства, обеспечивающим доверие между защитником и доверителем и, как следствие, реальность конституционного права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ) [1]. Как отмечает О. А. Чабукиани, «адвокатская тайна — гарантия оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом своему доверителю (ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об адвокатуре»), то есть гарантия реализации конституционного права (ст. 48 Конституции Российской Федерации)» [2, с. 71]. При этом, по её мнению, «адвокатская тайна по срокам хранения не ограничена, по основному правилу лишь доверитель может освободить от обязанности хранить адвокатскую тайну» [2, с. 75]. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, гарантии ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре» вступают в системные противоречия с иными нормативными предписаниями и реалиями современного уголовного процесса [3].

Первая коллизия: «антиотмывочное» законодательство против адвокатской тайны. Наиболее острой, по мнению ряда исследователей, является коллизия между ФЗ «Об адвокатуре» и Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [4]. Как отмечают А. А. Синичкин и И. А. Зайцев, законодатель, «перекладывая задачу борьбы с легализацией преступно добытых денежных средств, терроризмом и экстремизмом на институт адвокатуры, поступает нецелесообразно» [5, с. 141]. Авторы подчёркивают, что наделение адвокатов несвойственными им обязанностями по идентификации клиентов и проверке их на причастность к экстремизму «может привести к подрыву доверия граждан к адвокатуре как независимому институту гражданского общества» [5, с. 141].

Данную позицию разделяют Ш. Р. Раджабов и Д. А. Рабаданова, указывающие, что «законодательное определение адвокатской тайны включает любую информацию, связанную с оказанием юридической помощи, что приводит к юридической коллизии: одна и та же норма вводит одновременно обязанность уведомления и исключение из неё» [6, с. 186]. По их мнению, «указанное противоречие порождает неопределённость в правоприменении и ставит адвокатов в затруднительное положение, вынуждая балансировать между соблюдением законодательства и выполнением профессионального долга» [6, с. 186].

Позиция авторов представляется обоснованной, так как возложение на адвоката функций, свойственных правоохранительным органам, размывает саму сущность адвокатуры как независимого института. Адвокат не должен становиться «агентом» государства по отношению к своему доверителю, поскольку это противоречит природе адвокатской деятельности и подрывает доверие, без которого защита невозможна. Представляется, что функции по выявлению подозрительных операций

должны оставаться в компетенции Росфинмониторинга, а не перекладываться на адвокатуру.

Вторая коллизия: допрос адвоката в качестве свидетеля. Не менее серьёзной проблемой является практика вызова и допроса адвоката в качестве свидетеля по делу его доверителя. Как отмечает А. А. Хайдаров, «следственная практика вызова и допроса адвоката в качестве свидетеля по делам их доверителей без предварительного судебного решения может быть скорректирована указанным определением Конституционного Суда РФ» [7, с. 114]. Речь идёт об определении Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 863-О, согласно которому привод адвоката для допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи, возможен только с разрешения суда [8].

Схожую проблему поднимают В. А. Зацепина, А. М. Осокина и А. С. Манаков, указывающие, что «на практике адвокат подвергается допросу в качестве свидетеля, что противоречит уголовно-процессуальному закону» [9, с. 164]. Они также обращают внимание на проблему пределов адвокатской тайны и соотношения понятий «адвокатская тайна» и «сокрытие доказательств по делу от суда и следствия» [9, с. 164]. При этом, как справедливо указывает А. А. Хайдаров, из правила о судебном решении есть исключение: «если идёт речь о совершении преступления в соучастии адвоката и доверителя, то подобные гарантии, указанные в ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре», на него не распространяются, а значит, получать судебное решение в этих случаях не нужно» [7, с. 118].

Позиция А. А. Хайдарова отражает разумный баланс, поскольку абсолютизация адвокатской тайны, превращающая её в «щит» для недобросовестных адвокатов, так же опасна, как и её игнорирование. Однако существующий порядок, при котором следователь самостоятельно определяет наличие «соучастия», создаёт риск злоупотреблений и представляется, что и в этом случае вопрос должен решаться судом, а не усмотрением органа расследования.

Третья коллизия: обыски и выемки в отношении адвоката. Отдельного внимания заслуживает проблема производства следственных действий в отношении адвоката. Как отмечают А. С. Левченко и А. И. Ляхова, «одной из наиболее распространённых проблем является нарушение адвокатской тайны со стороны правоохранительных органов. Это выражается в допросах адвокатов в качестве свидетелей по делам их клиентов, в производстве незаконных обысков в служебных и жилых помещениях адвокатов и в других попытках доступа к конфиденциальной информации» [10, с. 21]. Авторы указывают, что «несмотря на введение термина «адвокатская тайна» в статью 450.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2017 году, защита конфиденциальных данных, хранящихся у адвокатов, остаётся несовершенной» [10, с. 21]. В качестве решения они предлагают «введение более строгих норм, ограничивающих вмешательство в сферу профессиональной конфиденциальности адвокатов» и «усиление ответственности за незаконное получение информации, подпадающей под адвокатскую тайну» [10, с. 21].

Позиция А. С. Левченко и А. И. Ляховой точна: ст. 450.1 УПК РФ [11], закрепляющая необходимость судебного решения для обыска или выемки в отношении адвоката, на практике часто нарушается. Представляется, что одной лишь «ужесточённой ответственности» недостаточно, необходима процессуальная гарантия в виде обязательного судебного контроля на стадии получения разрешения, а не последующего обжалования.

Четвёртая коллизия: цифровизация и новые угрозы. Отдельного внимания заслуживают риски, порождаемые цифровой трансформацией уголовного судопроизводства. Как отмечает Роман Роза, «если ещё 10–15 лет назад основной угрозой адвокатской тайны являлось производство незаконных допросов, обысков, изъятие у адвокатов соответствующих материалов, то сегодня на повестке дня появляются иные «источники повышенной опасности»» [12]. К ним автор относит внедрение видео-конференц-связи (в том числе для свиданий с подзащитным в СИЗО) и возможность удалённого доступа правоохранительных органов к перепискам в мессенджерах. Роман Роза подчёркивает, что «в случае, если защитнику понадобится провести консультацию своему доверителю, то в теории данных лиц действительно могут оставить наедине, но это только в теории» [12]. Фактически же видеозапись свидания становится доступной определённому кругу лиц, что противоречит прямому указанию ФЗ «Об адвокатуре».

Цифровизация создаёт качественно новые угрозы, для противодействия которым недостаточно простого распространения «аналоговых» гарантий на цифровую среду, поэтому необходимы технические и организационные стандарты, а также чёткие процессуальные правила, исключающие несанкционированный доступ к конфиденциальной информации.

Проведённый анализ показывает, что ключевой причиной коллизий является отсутствие единого процессуального механизма разрешения конфликтов между гарантиями адвокатской тайны и иными публичными интересами. Представляется, что необходимо закрепить в УПК РФ специальную норму, устанавливающую исключительную судебную процедуру для любых следственных действий в отношении адвоката (допрос, обыск, выемка, осмотр), а также для получения доступа к его цифровым коммуникациям.

Такая норма должна содержать:

— обязательность предварительного судебного решения;

— обязанность суда проверять наличие реальной угрозы адвокатской тайне и соразмерность ограничения;

— безусловное признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением этой процедуры.

Вышеперечисленное позволит устранить существующий дисбаланс и обеспечить реальные, а не декларативные гарантии адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.10.2026). — Текст: электронный.
2. Чабукиани, О. А. Тайна предварительного расследования и адвокатская тайна: понятие, предмет, сроки хранения / О. А. Чабукиани. — Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. — 2023. — № 2 (62). — С. 70–76.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (с изм. и доп.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418.
5. Синичкин, А. А. Адвокатская тайна: проблемы обеспечения в уголовном судопроизводстве / А. А. Синичкин, И. А. Зайцев. — Текст: непосредственный // Вестник Российского университета кооперации. — 2022. — № 2 (48). — С. 141–147.
6. Раджабов, Ш. Р. Институт адвокатской тайны: правовые коллизии, этические вызовы и перспективы совершенствования законодательства / Ш. Р. Раджабов, Д. А. Рабаданова. — Текст: непосредственный // Право и управление. — 2024. — № 12. — С. 185–188.
7. Хайдаров, А. А. Допрос адвоката в качестве свидетеля по делу его доверителя: вопросы правомерности привода и допустимости доказательств / А. А. Хайдаров. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 114–121.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 863-О «По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»». — Текст: электронный // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Зацепина, В. А. Некоторые проблемы обеспечения адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве / В. А. Зацепина, А. М. Осокина, А. С. Манаков. — Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 109–7. — С. 164–166.
10. Левченко, А. С. Проблемные вопросы обеспечения адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве / А. С. Левченко, А. И. Ляхова. — Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. — 2025. — № 120–4. — С. 19–22.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
12. Роман Роза. Соблюдение адвокатской тайны в условиях цифровизации: проблемы и перспективы. — Текст: электронный // Закон.ру. — 2025. — 28 мая. — URL: https://zakon.ru/blog/2025/05/28/soblyudenie_advokatskoj_tajny_v_usloviyah_cifrovizacii_problemy_i_perspektivy (дата обращения: 26.10.2026).

Анализ действующего законодательства в области охраны водных объектов в рамках переданных полномочий в области водных отношений

Шабляускас Виктория Сергеевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье автор анализирует нормы законодательства в области охраны водных объектов в рамках переданных полномочий в области водных отношений.

Ключевые слова: *береговые линии, водоохранные мероприятия, переданные полномочия.*

Простая пресная вода — это один из самых ценных ресурсов в мире, вокруг которого в любой момент могут разгораться военные конфликты регионального или даже глобального маштаба [1].

Приведем пример стран ближневосточного региона. Ливан осенью 2002 года построил на трансграничной реке Ваззани водазабор, и это едва не привело к военному конфликту с Израилем, правительство которого в свою очередь заявило, что забор вод из реки Хасбани (Нагаль Сенир) и ее притока Ваззани будет достаточным основанием для военного конфликта [2].

Примерно третья часть из всех запасов пресной воды сосредоточена в Южной Америке, четвертая ее часть находится в Азии, а на страны постсоветского пространства приходится чуть больше 20 %. И только около 2 % распределено на Ближний Восток и Северную Африку.

Наибольшими же потребителями пресной воды считается Индия, Китай, США, Пакистан, Япония, Таиланд, Индонезия, Бангладеш, Мексика и Россия. При этом особо остро дефицит питьевой воды наблюдается в Китае, Индии и на всей территории Африки [1].

Помимо нехватки пресной воды, есть еще одна актуальная проблема — ее качество. Его ухудшение напрямую зависит от повышенного уровня загрязнения окружающей среды. В большинстве случаев причиной этому становится человеческая деятельность и перенаселение.

Более 40 % случаев загрязнений воды возникают в результате работы промышленности. Также играет свою роль в загрязнении и деятельность коммунальных хозяйств, смыв удобрений с сельскохозяйственных угодий, кислотные дожди и прочие антропогенные природные феномены [1].

Вот почему, страны первого мира уже встали на путь бережного, рационального и эффективного использования пресной воды, разработав и введя в силу специальные законы об охране водных ресурсов.

Таким образом одним из самых замечательных и драгоценных ресурсов на нашей планете, несомненно, является естественный водный цикл, благословляемый и почитаемый во все века и признанный ныне регулятором различных энергетических процессов, важных для существования всего человечества [3].

Для сохранения этого ценного ресурса в законодательстве Российской Федерации (РФ) предусмотрен ряд механизмов направленных на охрану водных объектов. В том числе, статьей 26 Водного кодекса РФ предусмотрена передача полномочий РФ органам государственной власти субъектов РФ. В том числе на уровень субъектов переданы полномочия по осуществлению мероприятий по охране водных объектов или их частей, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации [4].

Данные полномочия не распространяются на водоемы, которые полностью расположены на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации и использование водных ресурсов которых осуществляется для обеспечения питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения двух и более субъектов Российской Федерации.

В соответствии с Приказом № 846 утвержден перечень мероприятий направленных на осуществление мер по охране водных объектов или их частей, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, включающий в себя:

1. установление границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос и закрепление их на местности специальными информационными знаками;

2. предотвращение истощения водных объектов, ликвидация загрязнения и засорения, включая проектные работы;

3. мероприятия по определению местоположения береговых линий (границ водных объектов) [5].

Правила определения местоположения береговой линии (границы водного объекта), случаев и периодичности ее определения утвержденны Постановлением Правительства РФ от 29.04.2016 № 377 [6]. Данными правилами предусматривается также порядок изменения границ береговых линий заинтересованными лицами.

С 1 марта 2025 года вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2024 года № 1459 «Об утверждении Правил установления границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов» [7].

До 1 марта 2025 года действовали Правила установления границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов утвержденными Постановлением Правительства РФ от 10.01.2009 № 17 [8]. Следует отметить, что данными правилами не предусматривалась возможность внесения изменений в границы водоохранных зон и прибражных защитных полос.

Проанализировав данные нормативно-правовые акты было выявлено, что предусмотреная возможность изменения береговой линии для любого заинтересованного лица и отсутсвие возможности корректировки границ водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы ранее влекло за собой последствия в виде несоблюдения режима ведения хозяйственной деятельности.

Постановлением № 1459 была предусмотрена обязанность корректировки границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос в случае корректировки границ береговых линий водного объекта [7].

Постановлением № 1459 урезан круг лиц, имеющих возможность внести изменения в существующие границы. Уточнение границ может быть инициировано собственниками, пользователями и владельцами земельных участков, заинтересованными в проведении работ по уточнению местоположения береговой линии (границы водного объекта).

Однако при сравнительном анализе Постановления № 1459 и ранее действующего Постановления № 17 выявлено, что с 1 марта 2025 года определение границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос посредством обозначения на местности специальными информационными знаками только на территориях, предназначенных для рекреационных целей (туризма, физической культуры и спорта, организации отдыха и укрепления здоровья граждан, в том числе организации отдыха

детей и их оздоровления). Ранее обозначение границ на местности возможно было производить везде где проведены работы по их определению [8].

Вместе с тем, ранее действующим Постановлением № 17 предусматривалось, что исполнительные органы государственной власти не только устанавливают специальные информационные знаки но и обеспечивают их сохранность.

Вместе с тем, Постановлением № 1459 обеспечение сохранности установленных специальных информационных знаков было и вовсе исключено.

Таким образом можно наглядно увидеть что действующие нормы законадательства в области охраны водных объектов в рамках переданых полномочий в области водных отношений требуют дальнейшей детальной доработки.

Литература:

1. Вода как важнейший природный ресурс: проблемы ее качества и перспективы [Электронный ресурс] // Электронный журнал «РИА новости»: сайт. — URL: https://ria.ru/20180327/1517356464.html (дата обращения: 09.04.2025).
2. Адави Н. М. Водный конфликт как фактор дестабилизации Ближневосточного региона / Н. М. Адави // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vodnyy-konflikt-kak-faktor-destabilizatsii-blizhnevostochnogo-regiona (дата обращения: 09.04.2025).
3. Комиссарова, Е. А. Вопросы пользования земельными участками в водоохранной зоне / Е. А. Комиссарова, Y. A. Komissarova // Epomen. Global. — 2023. — № 33. — С. 179–184. — ISSN 1683–0405. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/349664 (дата обращения: 15.04.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
4. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ: ред. от 08.08.2024: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025.– URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=471025&dst=0&edition=etD&rnd=q6Z7g#GNx5OVUmLuY8uiaJ (дата обращения: 15.04.2025).
5. Приказ Минприроды России «Об утверждении Примерного перечня мероприятий по осуществлению отдельных полномочий Российской Федерации в области водных отношений, переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации» от 22.10.2020 № 846. — URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=368797&cacheid=58C7276046C611E94367AB8A342D5F95&mode=splus&rnd=q6Z7g#n0rZPVU46Iz5WAex (дата обращения: 15.04.2025).
6. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил определения местоположения береговой линии (границы водного объекта), случаев и периодичности ее определения и о внесении изменений в Правила установления на местности границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов» от 29.04.2016 № 377: ред. от 31.10.2024: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025.– URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=424740&cacheid=A60754CD17827AB6F0A0E19F1182941E&mode=splus&rnd=q6Z7g#ppoZPVUUgHop5zWJ (дата обращения: 20.09.2026).
7. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил установления границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов» от 31.10.2024 № 1459.– URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=489555&cacheid=0A0622CC335977EDF6ED62BACB89BA17&mode=splus&rnd=DVVCDg#zwDEgkUWJpUK9jXS (дата обращения: 20.09.2026).
8. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил установления границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов» от 10.01.2009 № 17: ред. от 30.11.2019.– URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339376&cacheid=6E7BC-52720C4C140946C95FF6E9DC1D8&mode=splus&rnd=q6Z7g#NYZZPVUt1h1g7X1D (дата обращения: 15.02.2025).

Особенности различных категорий дел, рассматриваемых по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

Ширшов Артём Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Снытникова Наталия Валериевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена специфике рассмотрения отдельных категорий административных дел по КАС РФ. На примере дел об оспаривании нормативных актов, решений органов власти, избирательных споров и компенсации за нарушение права на судопроизводство показано, что единая процессуальная форма не отменяет глубоких различий между категориями дел. Отдельно разобраны проблемы разграничения подведомственности и пробелы законодательства.

Ключевые слова: *КАС РФ, административное судопроизводство, публично-правовой спор, оспаривание нормативных актов, избирательные права, компенсация за нарушение права на судопроизводство.*

Введение

Когда в 2015 году появился КАС РФ, казалось, что наконец-то выстроена стройная система: есть гражданский процесс, есть арбитражный, а теперь есть и административный. Прошло десять лет, в кодекс внесли более четырёхсот изменений — и стало понятно, что стройность скорее на бумаге, чем в реальности [8].

Проблема в том, что «административное дело» — это не одна категория, а десятки совершенно разных споров. Оспаривание нормативного акта, отказ в согласовании митинга, нарушение права на судопроизводство в разумный срок — всё это рассматривается по одним правилам, но по своей природе это разные вещи. И именно на стыке этих различий возникает больше всего практических проблем.

Цель работы — показать, чем на самом деле отличаются категории административных дел друг от друга, и где законодатель эти различия не учёл.

1. Что вообще считается административным делом

Ключевой критерий — наличие публично-правового спора. Это значит, что одна сторона наделена властными полномочиями, а другая — нет. Гражданин против налоговой, организация против администрации, кандидат против избирательной комиссии.

Но здесь сразу возникает первая странность. В КАС РФ оказались дела, которые к публично-правовым спорам относятся с натяжкой: недобровольная госпитализация в психиатрический стационар, психиатрическое освидетельствование без согласия, оказание медпомощи несовершеннолетнему без согласия родителей. Формально это судебный контроль за ограничением прав — но сам спор не про власть и подчинение. Это скорее особая форма защиты личных прав, и включение её в КАС РФ объясняется удобством, а не логикой [2, с. 42–43].

Ещё одна особенность — активная роль суда. В обычном гражданском процессе суд больше арбитр. В административном он вправе истребовать доказательства по своей инициативе. Причина простая: изначально стороны неравны, и без активности суда гражданин против органа власти просто не выстоит [10].

2. Оспаривание нормативных правовых актов (гл. 21 КАС РФ)

Здесь главный вопрос — является ли оспариваемый акт нормативным. То есть содержит ли он нормы, рассчитанные на многократное применение и адресованные неопределённому кругу лиц. Если нет — это уже не гл. 21 [4, с. 28–31].

Важная деталь: по общему правилу нужен досудебный порядок, но есть исключение. Если акт нарушает права и свободы, гарантированные Конституцией, законами или международными договорами, досудебный порядок не требуется. На практике это исключение работает часто — и это правильно, иначе гражданин оказывается в ловушке: сначала обжалуй в орган, который сам же этот акт и принял.

Суд при рассмотрении таких дел не связан доводами заявителя и проверяет акт в полном объёме. Бремя доказывания законности — на органе, принявшем акт.

Но есть проблема. Пленум ВС РФ № 36 от 27.09.2016 разъяснил: не оспариваются по КАС акты, которые влекут возникновение, изменение или прекращение гражданских прав [14]. На практике это разъяснение порождает споры — где граница между «публичным» актом и «гражданско-правовым»? Суды ошибаются, заявления возвращают, люди теряют время [3, с. 60–77].

3. Оспаривание решений и действий органов власти (гл. 22 КАС РФ)

Самая массовая категория. Здесь оспариваются не только решения органов власти, но и действия (бездействие) должностных лиц, приставов, нотариусов, избирательных комиссий.

Ключевая особенность — доказывание. Законность решения доказывает орган. Истец доказывает только факт нарушения своих прав. Это логично: у гражданина нет доступа к внутренним документам органа, а у органа есть [11].

Срок рассмотрения — один месяц. Это быстрее, чем в гражданском процессе, и это оправданно: публично-правовой спор не должен тянуться годами.

Проблема здесь другая. Суд вправе возложить на орган обязанность представить доказательства в письменной форме в установленный срок, а за неисполнение — наложить судебный штраф. Но на практике штрафы применяются редко, и органы зачастую просто игнорируют запросы суда, тянут время. В итоге гражданин выигрывает дело, но с задержкой в месяцы [7, с. 240–242].

4. Защита избирательных прав (гл. 24 КАС РФ)

Самая специфичная категория. Здесь всё подчинено срокам: заявление до дня голосования — рассмотрение в течение трёх дней, в день голосования — немедленно. Решение исполняется немедленно.

Яркий пример — согласование публичных мероприятий. Пленум ВС РФ № 28 от 26.06.2018 прямо указал: неудобства для граждан, не участвующих в мероприятии, и предположения органа власти о возможных неудоб-

ствах сами по себе не являются уважительной причиной для изменения места или времени. Помехи движению пешеходов, временное изменение маршрутов транспорта — не основание для отказа, если всё в пределах допустимых норм [16].

Это важная позиция. Она ограничивает произвол чиновников, которые под предлогом «неудобств» фактически блокируют публичные мероприятия.

Но есть и проблема: апелляционные жалобы по таким делам должны рассматриваться немедленно, а на практике суды апелляционной инстанции физически не всегда успевают. В результате решение первой инстанции вступает в силу, а апелляция рассматривается уже после мероприятия — и смысл обжалования теряется.

5. Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (гл. 26 КАС РФ)

Эта категория интересна тем, что по своей природе она ближе к конституционному праву на судебную защиту, чем к административному спору. Но рассматривается по КАС.

Особенность — обязательный досудебный порядок: сначала заявление председателю суда, потом в суд. Срок обращения — шесть месяцев со дня вступления в силу последнего судебного акта. Пропущенный срок можно восстановить по уважительной причине: болезнь, беспомощное состояние, несвоевременное направление копии документа [15].

Проблема в том, что сама природа этой компенсации в доктрине дискуссионна. Одни относят её к гражданско-правовой ответственности, другие — к конституционной гарантии. От этого зависит очень многое: размер компенсации, критерии оценки, порядок исполнения. Законодатель этот вопрос не решил, и суды вынуждены лавировать [5, с. 10–16].

6. Главная проблема — разграничение подведомственности

Вот где боль. КАС РФ не затронул подсудность административных дел арбитражным судам. В итоге возникла конкуренция процессуальных норм: одно и то же дело может быть рассмотрено и по КАС, и по АПК — в зависимости от того, кто стороны [1].

Пленум ВС РФ № 36 попытался разграничить: служебные споры, пенсии, социальные права, жильё по договору социального найма — не по КАС. Экономические споры — в арбитраж [14]. Но на практике суды всё равно ошибаются, возвращают заявления, люди ходят по кругу.

Решение видится в одном: чёткие законодательные критерии разграничения публично-правовых и частно-правовых споров. Пока их нет — проблема будет воспроизводиться.

Заключение

КАС РФ — это не единая процессуальная форма, а скорее зонтик, под которым собраны очень разные дела. Оспаривание нормативного акта и спор о компенсации за волокиту — это не одно и то же, и попытка регулировать их одинаково порождает проблемы.

Три главных вывода. Первый: различия между категориями дел глубже, чем кажется, и законодатель учёл их лишь частично. Второй: ключевые проблемы — разграничение подведомственности, пробелы в регулировании отдельных производств и несоблюдение сроков. Третий: решать это нужно не точечными поправками, а системно — через закрепление понятий, уточнение принципов и разработку внесудебных процедур там, где суд не обязателен.

Литература:

1. Административное судопроизводство: учебник / под ред. А. Ф. Воронова, В. В. Молчанова. — М.: Статут, 2024. — 674 с.
2. Административное судопроизводство: учебник / под ред. В. В. Яркова. — М.: Статут, 2016. — С. 42–43.
3. Андреечев И. С. Практика реализации в административном судопроизводстве запрета на преодоление решения суда о признании нормативного правового акта недействующим // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 1. — С. 60–77.
4. Артеменков В. К. Понятие и признаки нормативного правового акта Генеральной прокуратуры РФ в административном судопроизводстве // Административное право и процесс. — 2020. — № 10. — С. 28–31.
5. Афанасьев С. Ф., Макарова Н. А. Юридическая природа компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Законы России: опыт, анализ, практика. — № 5. — С. 10–16.
6. Афанасьева Т. И. О некоторых проблемах участия прокурора в административном судопроизводстве // Российский судья. — № 8. — С. 43–48.
7. Бажуткин В. Н. Актуальные проблемы административного судопроизводства и пути их решения // Молодой учёный. — 2024. — № 52 (551). — С. 240–242.
8. Грось Л. А. О Кодексе административного судопроизводства РФ // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. — 2015. — № 9 (13). — С. 97–101.
9. Кулюшин Е. Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства. — М.: Статут, 2023. — 186 с.
10. Павленко К. А. Общие вопросы доказывания в административном судопроизводстве. — М.: Прометей, 2019. — 128 с.

11. Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве / И. В. Решетникова, М. А. Куликова, Е. А. Царегородцева. — 2-е изд. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 160 с.
12. Федорова Т. В. Специфика и содержание доказывания по административным делам по КАС РФ. — М.: РГУП, 2024. — 114 с.
13. КАС РФ: федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
14. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2016 № 36.
15. Постановление Пленума ВС РФ от 29.03.2016 № 11.
16. Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 28.

Законодательные механизмы обеспечения доступности культурных благ для различных категорий граждан в Российской Федерации

Якимлюк Анастасия Григорьевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются законодательные механизмы, обеспечивающие доступность культурных благ для разных категорий граждан Российской Федерации. Анализируются ключевые нормативноправовые акты, регулирующие данную сферу, включая «Основы законодательства РФ о культуре», федеральные законы и подзаконные акты. Особое внимание уделяется мерам поддержки социально незащищенных групп, в том числе инвалидов, а также инструментам реализации культурной политики на федеральном и региональном уровнях. Выявляются существующие проблемы в сфере обеспечения доступности культурных благ и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *доступность культурных благ, законодательство о культуре, культурные права, социальная защита, инклюзивность, государственная культурная политика, маломобильные группы населения, социокультурная реабилитация.*

Legislative mechanisms for ensuring access to cultural benefits for various categories of citizens in the Russian Federation

This article examines the legislative mechanisms that ensure accessibility of cultural goods for various categories of citizens of the Russian Federation. Key legal acts governing this area are analyzed, including the «Fundamentals of Russian Federation Legislation on Culture», federal laws, and bylaws. Particular attention is paid to support measures for socially vulnerable groups, including persons with disabilities, as well as to the tools for implementing cultural policy at the federal and regional levels. Existing problems in ensuring accessibility of cultural goods are identified and solutions are proposed.

Keywords: *accessibility of cultural goods, cultural legislation, cultural rights, social protection, inclusiveness, state cultural policy, people with disabilities, sociocultural rehabilitation.*

Обеспечение доступности культурных благ — важнейший элемент государственной культурной политики Российской Федерации. Конституция РФ гарантирует каждому гражданину право на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям (ст. 44) [1]. Реализация этого права требует создания эффективной нормативноправовой базы, учитывающей потребности различных категорий населения, включая социально незащищенные группы.

Основой регулирования доступности культурных благ в России являются:

1. Конституция Российской Федерации (ст. 44), закрепляющая право граждан на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям [1].

2. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ от 09.10.1992 № 36121) [2]. Статья 30 этого документа устанавливает обязанности государства по обеспечению общедоступности культурной деятельности, культурных ценностей и благ. В частности, органы власти обязаны:

– создавать условия для эстетического воспитания и художественного образования, в т.ч. поддерживать организации культуры и сохранять бесплатность основных услуг общедоступных библиотек [2];

– осуществлять протекционизм в области культуры по отношению к наименее экономически и социально защищенным слоям населения [2];

– обеспечивать доступность культурных ценностей для инвалидов в соответствии с законодательством о социальной защите инвалидов [2];

– создавать условия для социокультурной реабилитации и абилитации инвалидов, в т.ч. детейинвалидов [2].

3. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419ФЗ, внесший изменения в законодательство о социальной защите инвалидов и установивший требования к доступности культурных объектов и услуг [3].

4. Приказ Минкультуры России от 09.09.2015 № 2400 «Об утверждении требований доступности к учреждениям культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения» [4].

5. Приказ Минкультуры России от 23.12.2015 № 3235 «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг библиотек, подведомственных Минкультуры России» [5].

На практике доступность культурных благ обеспечивается через комплекс мер:

о Создание безбарьерной среды. Учреждения культуры обязаны обеспечивать беспрепятственный доступ к объектам и услугам для инвалидов и маломобильных групп, включая дублирование информации шрифтом Брайля, допуск сурдопереводчиков и т.д. [4] [5].

– Социальные программы. Реализация проектов по социокультурной реабилитации, инклюзивных программ в музеях, театрах и библиотеках. Например, в музеезаповеднике «Царицыно» (Москва) предоставляются сенсорные сумки для посетителей с особенностями восприятия [6].

– Цифровые технологии. Развитие онлайндоступности культурных благ: виртуальные экскурсии, аудиогиды с тифлокомментариями (например, тифлоаудиогид к выставке «Преображенная природа» в Русском музее) [7].

– «Пушкинская карта», предоставляющая молодежи возможность бесплатного посещения учреждений культуры [8].

– Поддержка благотворительности и меценатства в сфере культуры, стимулирование негосударственных инициатив по обеспечению доступности культурных благ [2].

Несмотря на значительный прогресс, остаются нерешенными следующие проблемы:

– неравномерность развития культурной инфраструктуры в регионах;

– недостаточное финансирование программ социокультурной реабилитации;

– ограниченная доступность культурных учреждений в малых городах и сельской местности;

– нехватка квалифицированных кадров для работы с особыми категориями посетителей.

Перспективными направлениями развития являются:

– расширение цифровых форматов доступа к культурным благам;

– усиление межведомственного взаимодействия (Минкультуры, Минтруда, региональных властей);

– развитие волонтерских программ и партнерства с НКО;

– совершенствование нормативноправовой базы с учетом международного опыта.

Законодательная база Российской Федерации создает достаточные условия для обеспечения доступности культурных благ различным категориям граждан. Однако для полноценной реализации этих норм требуется дальнейшее развитие инфраструктуры, внедрение инновационных технологий и усиление социальной политики в сфере культуры. Комплексный подход позволит сделать культурные ценности действительно общедоступными и способствовать гармоничному развитию общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ от 09.10.1992 № 36121; ред. от 24.06.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).
3. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».
4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 09.09.2015 № 2400 «Об утверждении требований доступности к учреждениям культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения».
5. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23.12.2015 № 3235 «Об утверждении Плана мероприятий (“дорожной карты”) по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг библиотек, подведомственных Минкультуры России».
6. Официальный сайт музеязаповедника «Царицыно». URL: https://www.tsaritsyno-museum.ru (дата обращения: 20.03.2026).
7. Официальный сайт Государственного Русского музея. URL: https://rusmuseum.ru (дата обращения: 20.03.2026).
8. Портал «PRO.Культура.РФ». URL: https://pro.culture.ru (дата обращения: 20.03.2026).

ИСТОРИЯ

«Decree on Free Cultivators»: main aspects of implementation and results

Aleksandrov Oleg Aleksandrovich, master's student
Belgorod State National Research University

The article presents an analysis of the key aspects and results of the adoption of the decree «On Free Cultivators». This legislative act, adopted on February 20, 1803, was aimed at reducing serfdom in Russia and developing agriculture, granting landowners the right to set their serfs free in exchange for certain obligations to pay a ransom. The results of the implementation of the document are of decisive importance, as they laid the foundation for the subsequent reform of the peasant question.

Keywords: *serfdom, decree, free cultivators, peasant question.*

At the beginning of the 19th century, the Russian Empire remained a predominantly agrarian country, with the bulk of its population made up of the peasantry (over 80 %). The vast majority of peasants were in serfdom and belonged to the landed gentry. This fact, however, caused a certain discontent among the peasantry, since the system of serfdom was a source of social unrest and unease among the oppressed estate. The landowners themselves wanted to hear nothing about limiting their privileges: they had no intention of giving up their property and main sources of income, fearing retribution from peasants freed without land.

As Andrei Nikolaevich Sakharov wrote, «the most significant element of the programme of liberal transformation in Russia in the early 19th century was the commencement of action on the peasant question» [1, p. 32]. The country had come to need — if not a final resolution of the peasant question — at least a way to cover its most publicly criticised forms. In particular, «on December 12, 1801, a decree was issued granting the right to own land to merchants, townspeople, state peasants and freedmen, who from then on could purchase uninhabited lands» [2, p. 314]. The adopted decree contributed to eliminating the monopoly of the state and the nobility on land ownership, thereby expanding the rights of the non-noble estates. In the same year, a decree was issued prohibiting the publication of newspaper advertisements offering household serfs for sale — although the very practice of selling serfs was not yet legally banned.

The key step in addressing the peasant question during the reign of Emperor Alexander I (1801–1825) was the adoption of the decree «On Free Cultivators.» The full title of the document, signed by the Emperor on February 20, 1803, reads: «Decree on the Release by Landowners of Their Peasants to Freedom upon Concluding Agreements Founded on Mutual Consent.» This legislative act was aimed at improving the living conditions of serfs and promoting the development of agriculture, allowing landowners to grant personal freedom to their serfs in exchange for certain obligations to pay a ransom. The adoption of the decree led to the emergence of a new category of peasants known as free cultivators (in Russian: volnye khlebopashetsy). The Soviet Encyclopedic Dictionary gives the following definition of the term: «Free cultivators — peasants in Russia freed from serfdom together with land under the Decree of 1803, on the basis of a voluntary agreement with landowners» [3, p. 243].

What were the aspects of the decree's implementation? Having examined the text of the document posted on the official website «Constitution of the Russian Federation» [4], one can identify several key features of the decree.

Firstly, the document was voluntary in nature and allowed landowners to grant freedom and land to their serfs — as follows from the source: «If any landowner wishes to release his purchased or hereditary peasants, individually or together as a whole village, to freedom, and at the same time to secure for them a plot of land or an entire allotment, having made with them such conditions as are recognised as best by mutual consent» [4]. This measure gave the peasants greater autonomy and the opportunity to make independent economic decisions. The heirs of persons who had concluded such an agreement were also entitled to avail themselves of these provisions.

Secondly, the freed serfs were allowed to acquire land, but they were obliged to fulfil certain obligations — to pay a fixed rent or to perform work for the landowner over a certain period. Presumably, this was done so that the landowners would not suffer economically from the release of their serfs.

The third provision of the decree appears particularly interesting: «In the event of default by either party… if a peasant or an entire village fails to fulfil its obligations, it shall be returned to the landowner, with the land and the family, into former pos-

session» [4]. An analysis of this provision reveals the following peculiarity — the decree had retroactive force, and the failure to perform the obligations set out in the agreement of the parties entailed the annulment of the act. It is also important that the implementation of the decree was often left to the discretion of local authorities, which led to inconsistency in its application across the regions of Russia: local officials enjoyed considerable latitude in interpreting and enforcing the decree.

Returning to the position of the peasants who took part in signing agreements with landowners, it is impossible not to note that the free cultivators continued to belong to the tax-paying estate: they likewise paid the poll tax and bore other monetary and in-kind obligations to the state, including military conscription («Peasants released by landowners to freedom and owning land as property shall pay the poll state levy on a par with those belonging to landowners, perform the recruiting duty in person, and, on a par with other state peasants, fulfil the local communal obligations») [4].

The consequences of the document's implementation are of decisive importance. What did it change, and how did it affect the system of serfdom in Russia? The decree was largely ideological rather than practical in significance, for the Sovereign for the first time considered it possible to free serfs together with an allotment of land for a ransom. Moreover, Alexander Pavlovich, seeking to trace the readiness of noble society for reforms, realised that the privileged class proved unready for further measures aimed at abolishing serfdom in the Russian Empire. Sergei Petrovich Rumyantsev, the initiator of the adoption of the decree on free cultivators, in his memorandum to the Sovereign described the ambivalent sentiments of the landowners regarding the decree: «the landowners find extraordinary advantages in releasing their peasants from payment obligations; consequently, they would release them willingly, even in whole villages, if they found in this an advantage over selling them» [5, p. 214]. The practical significance of the adopted decree is confirmed by statistical data: in the first quarter of the 19th century, only 0.5 % of privately owned peasants were freed — «over the entire reign of Alexander I, 47,153 male souls were transferred to the category of 'free cultivators'; over a longer time span, by 1861, the number of peasants who had taken advantage of the decree «On Free Cultivators» amounted to 1.5 % (about 150 thousand souls)» [6, p. 256].

The decree adopted by Alexander Pavlovich Romanov gave peasants the opportunity to improve their social position. Those who became free farmers (free cultivators) could potentially raise their own status and that of their families, which led to a gradual shift in the social hierarchy. At the same time, despite its intentions, the decree had a limited impact on the majority of the peasant population — many serfs remained with their landowners. The implementation of the decree differed substantially from one region of the country to another (throughout the entire reign of Alexander I, it was mainly landowners in the European part of Russia who followed the decree and released their peasants to freedom).

The legislative act exerted a certain influence on the economic processes of the empire — it contributed to the gradual transformation of the Russian economy, which began to move from a serf-based system of agricultural labour to a market system. This change made it possible to increase peasant mobility, since peasants could negotiate the terms of their labour and seek better opportunities, thereby promoting a more efficient distribution of labour.

In conclusion, it should be noted that the decree «On Free Cultivators» laid the foundation for the future reform of the peasant question and served as a basic stage in the preparations for the emancipation reform of 1861 carried out by Alexander II, under which serfdom in Russia ceased to exist. The adoption of the «Decree on the Release by Landowners of Their Peasants to Freedom upon Concluding Agreements Founded on Mutual Consent» had profound and multifaceted consequences, affecting the economic structure, social dynamics, political landscape and cultural identity of the country.

References:

1. Sakharov A. N. Alexander I. — Moscow, 1998. — P. 32.
2. Zuev M. N. History of Russia: A Textbook for Universities. — Moscow, 1998. — P. 314.
3. Soviet Encyclopedic Dictionary. Ch. ed. A. M. Prokhorov. — Moscow, 1985. — P. 243.
4. Decree on the Release by Landowners of Their Peasants to Freedom upon Concluding Agreements Founded on Mutual Consent // Konstitutsiya. [Electronic resource]. — URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/3050/ (accessed: 04.12.2024).
5. Rumyantsev S. P. Memorandum Submitted to the Sovereign on Free Cultivators // The Peasant Question in Russia (1796–1830): Noble Society and Power: collection of documents. Vol. 1 / prepared, intro. and comm. by A. N. Dolgikh. — Lipetsk, 2006. — P. 214.
6. Semevsky V. I. The Peasant Question in Russia in the 18th and the First Half of the 19th Century. — Vol. 1: The Peasant Question in the 18th and the First Quarter of the 19th Century. — St. Petersburg, 1888. — P. 256.

Экономическое развитие кубанского крестьянства в первой четверти XX века

Купчиненко Максим Дмитриевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье авторы анализируют роль крестьянства в развитии и становлении экономики Кубанской области в первой четверти XX века, а также поземельные отношения крестьянства и казачества.

Ключевые слова: *Кубанская область, крестьянство, хозяйственный уклад, сельское хозяйство*

При изучении истории Кубанской области в первой четверти XX века актуальным остается вопрос всестороннего исследования экономической жизни крестьянства. Так, в пореформенный период кардинально меняется социальная структура региона. В экономике Кубанской области происходит ряд кардинальных изменений, в первую очередь связанных с огромным потоком крестьянских масс, которые двинулись на Юг после проведенных в Российском государстве реформ. Стоит отметить, что вопрос о влиянии крестьян на экономику региона и их взаимодействии с коренным казачьим населением имеет первостепенную важность. В этих процессах складывается кубанское крестьянство со своим бытом и укладом, которое в дальнейшем будет играть важную роль в становлении региона как житницы России. Таким образом, можно утверждать, что тема исследования актуальна как для научно-исследовательской среды, так и для широкого круга читателей, которые увлекаются изучением региональной истории.

Целью работы является исследование экономики крестьянства Кубанской области в первой четверти XX века, определение роли переселенцев в становление крупнейшего сельскохозяйственного региона России, изучение развития поземельных отношений между крестьянством и казачеством, а также комплексный анализ экономического положения крестьян Кубани.

Объектом исследования является экономическая жизнь крестьянства Кубанской области в первой четверти XX века.

Предмет исследования — анализ экономического взаимодействия крестьянства и казачества, становление хозяйства сельского населения, а также развитие поземельных отношений в крестьянской среде.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1900 по 1918 год. Модернизация Российской империи, которая продолжилась в пореформенном периоде, оказала колоссальное влияние на экономику региона и страны в целом. Хозяйственный уклад крестьянства в данный период складывался под влиянием важнейших событий отечественной истории. Две революции и войны стали одними из главных катализаторов развития хозяйственной деятельности в крестьянской среде.

Географические рамки исследования охватывают территорию Кубанской области в начале XX века.

Задачи исследования:

— проанализировать роль крестьянства в развитии и становлении экономики Кубанской области;

— изучить развитие поземельных отношений, которые складывались между казачеством и крестьянством;

— выявить особенности формирования хозяйственного уклада сельского населения в данном регионе.

Кубанская область начала XX века отличалась особым хозяйственным укладом и развитием экономических отношений. По материалам Ф. А. Щербины можно судить о значимости региона для крестьян. Огромные запасы природных ресурсов и пригодной для земледелия земли привлекали на Кубань огромные людские массы, а отмена крепостного права этому только поспособствовала [1].

Аграрные отношения в Кубанской области кардинально отличались от сложившихся в Центральной России. Слабость помещичьего землевладения и преобладание казачьих земель мешали эффективному развитию сельского хозяйства. Ведущей системой оставалось переложное земледелие, лишь небольшая часть хозяйств к началу XX века начала использовать удобрения, севооборот и ирригацию. Такие особенности хозяйственного уклада описывает в своих работах А. А. Пономарев [4].

С начала XX века параллельно с мануфактурным развивается промышленное производство, связанное с сельскохозяйственным сырьем, появляются крупные паровые мельницы для мукомольного производства, развиваются маслобойные предприятия — в основном в крестьянской среде [2].

Интенсивное развитие земледелия требовало огромных вложений, чего не могло себе позволить большинство крестьян, страдавших от малоземелья. По статистическим данным, с 1897 по 1920 г. население Кубани кардинально меняется: происходит рост численности крестьянства, а в связи с недостатком земли развиваются арендные отношения на кабальных условиях [3].

К началу XX века существовали три основные формы аренды земли: в среде зажиточных крестьян появилась единоличная аренда, беднота и середняки, находясь в тяжелом положении, добровольно объединялись в артели, а третий вид аренды предполагал выплаты арендодателю частью урожая [6].

Безземельные крестьяне-переселенцы, которые проживали на хуторах и в станицах, зачастую были в бесправном положении и на кабальных условиях подчинялись станичной администрации.

Хозяйственный уклад крестьянства в Кубанской области складывался в условиях множества ограничений: на приусадебных участках было запрещено строительство и ремонт сооружений без специального разрешения, под запретом находилось пользование водоемами, лесами и камышом [5].

Таким образом, можно сказать, что положение крестьян Кубанской области в начале XX века, оставалось крайне тяжелым. Нехватка земли при стремительном росте численности населения вынуждала их соглашаться на кабальные условия местных жителей. При этом прослеживаются изменения в хозяйственном укладе, появляются новые способы землепользования. Крестьяне все больше начинают влиять на экономику региона благодаря умению обрабатывать сельскохозяйственное сырье. Все вышеизложенное обусловило многоукладный характер экономики Кубани, а первостепенной задачей крестьян стало решение земельного вопроса.

Литература:

1. Белик, Т. С. Роль дореволюционных исследователей в изучении Кубани / Т. С. Белик, М. И. Ленкова // Курорты. Сервис. Туризм. — 2016. — № 1 (30). — С. 75–80.
2. Клейнер, И. Действительность Кубанской станицы: (Материалы к VIII Кубано-Черноморск. обл. парт. конференции) / И. Клейнер. — Краснодар : Буревестник, 1924. — 122, II с.
3. Петров, В. И. Изучение состава населения Кубанской области во второй половине XIX — начале XX в. / В. И. Петров // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 6. — С. 235–239.
4. Пономарев, А. А. К характеристике расслоения северокавказской деревни: (Материалы) / А. А. Пономарев. — Ростов-на-Дону : Северокавказское краевое статистическое управление, 1925. — 90 с.
5. Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг.: сборник документов и материалов / сост.: Г. Т. Чучмай — Краснодар : Книжное издательство, 1956. — 375 с.
6. Трёхбратов, Б. А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века / Б. А. Трёхбратов. — Краснодар : Книжное издательство, 2000. — 440 с.

«Просвирни-крестьянки» Вятского края конца XVII — первой четверти XVIII века: сословный состав и социальная мобильность (по материалам ландратской переписи 1716 года)

Лобанов Денис Вячеславович, поэт, писатель, краевед (г. Москва)

Статья посвящена изучению социальной мобильности населения Вятского края в конце XVII — первой четверти XVIII в. на примере института просвирничества — должности при церковном причте, связанной с изготовлением просфор. Исследование проверяет гипотезу о том, что в Вятском крае, где отсутствовало крепостное право и наблюдалась более высокая социальная подвижность, просвирнями могли становиться женщины из крестьянской среды не в виде исключения, а наравне со вдовами церковного происхождения.

На основе анализа ландратской переписи 1716 г. и других переписных материалов 1646–1721 гг. выявлено 78 просвирниц; сословную принадлежность удалось установить у 55 женщин. Из них 24 (44 %) происходили из духовного сословия, 31 (56 %) — из светских сословий, в том числе 19 тяглых крестьян, девять церковных бобылей и три посадских. Делается вывод, что в Вятском крае должность просвирни была открыта для разных сословий, что служит индикатором высокой социальной мобильности, обусловленной отсутствием крепостного права, меньшей плотностью населения и нехваткой церквей. Материалы статьи могут быть полезны для изучения социальной истории Русского государства, истории церковного причта и гендерных аспектов занятости.

Ключевые слова: *социальная история, социальная мобильность, Вятский край, конец XVII первая четверть XVIII века, просвирни, крестьянки, духовенство, церковный причт, ландратская перепись, история повседневности.*

1. Введение

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии наблюдается устойчивый рост интереса к социальной истории «обычных людей» — рядового духовенства, крестьянства, женщин, чьи стратегии выживания и социального продвижения долгое время оставались на периферии исследовательского внимания. В рамках этого поворота особое значение приобретает изучение институтов церковного призрения и церковного причта, которые выполняли не только сакральные, но и важные социальные функции.

Должность просвирни (просфорни) — женщины, изготавливавшей просфоры для богослужения, — представляет собой яркий пример такого «пограничного» института: с одной стороны, он был встроен в церковную иерархию, с другой — служил формой социальной поддержки вдов и сирот. Изучение того, кто именно занимал эту должность в конкретном регионе, позволяет увидеть, как работали механизмы социальной мобильности в раннее Новое время, и проверить устоявшиеся представления о жёсткости сословных перегородок в Русском государстве. В этом контексте обращение к материалам Вятского края — территории, где отсутствовало крепостное право и наблюдалась более высокая социальная подвижность, — представляется особенно продуктивным.

Тема женского служения в Русской церкви и, в частности, института просвирничества, имеет свою историографическую традицию, однако остаётся изученной фрагментарно. В работе П. И. Гайденко «Просфорницы и просфорники домонгольской Руси (несколько замечаний)» рассматриваются ранние этапы существования этой должности, её место в структуре церковного причта и требования, предъявлявшиеся к кандидатам. Е. В. Белякова в исследовании «Женщины в церковной жизни Древней Руси» анализирует широкий спектр форм женского участия в церковной жизни, включая просвирничество, и показывает его связь с практиками призрения вдов духовенства. Работа С. В. Троицкого «Диакониссы в Русской Церкви» хотя и посвящена иному институту, тем не менее задаёт важную рамку для обсуждения возможностей и ограничений женского церковного служения.

Вместе с тем применительно к региональной истории конца XVII — первой четверти XVIII в. вопрос о сословном происхождении просвирниц и о том, насколько строго соблюдался принцип замещения этой должности исключительно вдовами духовенства, специально не исследовался. Настоящая статья призвана восполнить эту лакуну на материалах Вятского края.

Объект исследования — социальная мобильность населения Вятского края в конце XVII — первой четверти XVIII в.

Предмет исследования — сословное происхождение женщин, занимавших должность просвирни в церквях Вятского края, и механизмы замещения этой должности.

Хронологические рамки работы определяются доступной источниковой базой: основным источником является ландратская перепись 1716 г.; для выявления семейных связей и сословной принадлежности привлекаются более ранние материалы 1646–1710 гг. и первая ревизия 1719–1721 гг.

Территориальные рамки ограничены Вятским краем, где сохранился репрезентативный комплекс переписных документов.

Цель статьи — проверить гипотезу о том, что в Вятском крае, где отсутствовало крепостное право и наблюдалась более высокая социальная подвижность, должность просвирни могла замещаться женщинами крестьянского сословия, а не только вдовами духовенства, как это было принято в центральных уездах Русского государства.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. произвести выборку всех просвирниц, учтённых в ландратской переписи 1716 г. по Вятскому краю;
2. установить сословную принадлежность просвирниц (по мужу или отцу) на основе сопоставления с записями об их семьях;
3. провести статистический анализ полученных данных (распределение по сословиям, возраст, семейное положение);
4. сравнить выявленную картину с практикой, известной по центральным уездам, и оценить её значение для понимания социальной мобильности в регионе.

Методологическую основу исследования составляют историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить вятские данные с ситуацией в центральных уездах, просопографический метод, используемый для реконструкции семейных и сословных связей просвирниц, а также количественный (статистический) анализ переписных данных. Привлекаются также элементы микроисторического подхода, дающие возможность рассмотреть отдельные казусы и стратегии женщин.

2. Институт просвирничества: социальные функции и нормативный статус

«Просвирня — правильнее просфорня — лицо, изготовляющее просфоры для церкви. П. обыкновенно назначались из вдов и сирот женского пола духовного звания и входили в штат причта на правах члена его» [1].

Просвирня — это не просто «работа», а форма церковного призрения. В XVII–XIX вв. должность давала вдове духовного лица («матушке») пропитание, участок земли и место в церковном клире. Поэтому место это было зарезервировано как «социальная гарантия», как «пенсия», за вдовами (старыми девами) клириков. Должность просвирницы была естественным продолжением жизни при церкви после смерти мужа.

Официально духовенство начало приобретать характер замкнутого сословия в ходе реформ Петра I («Духовный регламент» 1721 г., «Приложение о духовенстве и монашестве» 1722 г., Указ «О штатах приходского духовенства» 10 августа 1722 г.), а утвердилось окончательно Указом Святейшего Синода от 11 июля 1774 г., прямо запрещающим определение в церковнослужители лиц из податных сословий.

Но даже до появления официального запрета при выборе просвирни приоритет почти всегда отдавался вдовам духовенства. Крестьянка же в глазах церковных властей имела другие формы поддержки (община, помещик) или же должна была идти в богадельню. Да и приход часто не желал выхода из податного сословия даже вдов крестьян, тем более имевших детей, которые получали таким образом шанс так же выйти из него — стать частью причта (просвиряком, сторожем, пономарём или дьячком). Для общины это означало большую налоговую нагрузку (круговая порука). К тому же уже тогда широко применялся наследственный принцип передачи должностей причта. Таким образом, кандидаток «из светских» рассматривали только в случае крайней нужды и отсутствия духовных вдов [2].

В отличие от центральных уездов, с большим количеством церквей и духовенства, на окраинах, где не хватало «профессиональных» вдов, церковь иногда была вынуждена смотреть на светских женщин, но даже тогда предпочитала выписывать вдов из духовного звания из других городов, а не брать местных крестьянок.

В Вятском крае исторически было больше «вольности» — как для перемещения в пространстве, так и для перехода в другие сословия. Даже в XVIII в. местное общество было социально мобильным: церковный причет (включая просвирниц) мог пополняться из разных сословий, а крестьяне и бобыли могли менять свой статус. Отсутствие крепостного права — ключевая причина этой мобильности.

3. Источники и методика выборки

Источниковую базу работы составляют материалы ландратской переписи 1716 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1595), переписные книги 1710 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034, 1098; Ф. 210. Оп. 22. Д. 72) и первая ревизия 1719–1721 гг. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3825). Дополнительно используются данные переписей 1670-х–1690-х гг. для установления родственных связей. Все документы впервые вводятся в научный оборот применительно к теме сословного состава просвирниц Вятского края.

Методика выборки включала несколько этапов. Сначала по ландратской переписи 1716 г. были выявлены все женщины, упомянутые в должности просвирницы. Затем для каждой из них осуществлялся поиск в более ранних переписных документах (1646–1710 гг.) записей о муже или отце. Жёны сыновей церковников также отнесены к духовному сословию: по рождению их мужья не крестьяне. В случае с единственной в выборке девицей (просвирницей Еленой Святицкого погоста, Хлыновский уезд, Чепецкий стан, Троицкая волость) сословная принадлежность определялась по отцу и брату. Такой просопографический подход позволил реконструировать семейные и сословные связи просвирниц и избежать механического отнесения их к духовенству только по факту занятия должности.

В результате изучения переписи 1716 г. выявлено, что в приходах края упомянуты исполняющими должность просвирницы 78 женщин. Из них сословие/происхождение удалось установить у 55 женщин, что составляет 70,5 %. Социальное происхождение 23 просвирниц установить не удалось по причине фрагментарности источников XVII в.

4. Сословный состав просвирниц Вятского края: количественный анализ

4.1. Общая структура выборки

Из 55 просвирниц, чьё сословие установить удалось, 24 (44 %) женщины происходят из духовного сословия и 31 (56 %) — из светских сословий. Среди светских: 19 тяглых крестьян, девять церковных бобылей и трое — посадских. При сверке данных по уездам итоговые показатели составили те же 24 (44 %) и 31 (56 %).

Среди просвирниц духовного происхождения в выборке выделены: жёны попов (7), жёны дьячков (5), жёны сыновей попов (4), жёны пономарей (2), жена дьякона, жена сына дьякона, жена сына трапезника, а также девица — внучка попа и сестра попа. Эти категории показывают, что должность действительно часто закреплялась за женщинами из церковной среды, но не была абсолютно закрытой.

4.2. Возраст и семейное положение

Средний возраст просвирниц составил около 52–53 лет. Самая молодая — девица Елена, 20 лет, просвирница Святицкого погоста (Хлыновский уезд, Чепецкий стан, Троицкая волость). Самые возрастные — две 80-летние женщины: Анна Головина (погост на Сморкалове раменье, Хлыновский уезд, Берёзовский оброчный стан) и Дарья Скорнякова (погост подле реки Ивкину, церковь Медоста патриарха Иерусалимскаго, Хлыновский уезд, Чепецкий оброчный стан, Сморкаловская волость).

Возрастные группы просвирниц: 20–29 лет — 2 %, 30–39 лет — 6 %, 40–49 лет — 25 %, 50–59 лет — 38 %, 60–69 лет — 20 %, 70–79 лет — 7 %, 80 лет — 2 %.

По семейному статусу: 77 (99 %) — вдовы, одна — девица. Пятьдесят просвирен (64 %) упомянуты с детьми. Это подтверждает, что должность выполняла функцию социальной поддержки именно вдов и сирот, но не только духовного звания.

4.3. Распределение по уездам и территориям

Таблица 1. **Распределение просвирниц по уездам и территориям**

Уезд / территория	Духовные	Светские	Всего	% духовных	% светских
Котельничский уезд	4	5	9	44 %	56 %
Хлыновский уезд	15	14	29	52 %	48 %
Архиерейские вотчины	3	2	5	60 %	40 %
Орловский уезд	1	4	5	20 %	80 %
Слободской уезд	1	4	5	20 %	80 %
Монастырские вотчины	0	2	2	0 %	100 %
Итого	**24**	**31**	**55**	**44 %**	**56 %**

Анализ статистики показывает, что даже в пределах Вятского края ситуация различалась: в Хлыновском уезде доли духовных и светских просвирниц были почти равны, в Орловском и Слободском уездах преобладали светские, а в монастырских вотчинах — только светские. Это может объясняться локальной обеспеченностью «духовными» кандидатками и особенностями приходской экономики.

4.4. Качественные наблюдения: переводы, наследование, сословные браки

Отмечены семь случаев перевода просвирниц в другой приход после смерти мужа. Например, Анна Головина была женой попа Патракея Головина (погост над Ошетью, 1710), а в 1716 г. служила просвирницей на погосте на Сморкалове раменье. Катерина Стойлова, жена Андрея Стойлова (сына трапезника) из Истобенского погоста (1678), в 1716 г. была просвирницей на погосте вновь Пустошенском. Марья Злобина, жена Ипата Злобина (сына попа) из Ржанополомского погоста (1678), служила на погосте Кстининском. Акилина Мышкина, жена Ивана Мышкина (сына попа) из Бобинского погоста (1678), — на погосте Кырмыжском. Мариамия Пиминова, жена попа Анкидина Ардашева (погост над Хмелевкою, 1678), — на погосте Волчье над Чепцою рекою. Ульяна Ушакова, жена дьячка Григория Ушакова (Тресвятцкая церковь, 1702), — на погосте Косинском. Марина Леденцова, жена попа Ермия Леденцова (Чюдиновский погост, 1678), — на погосте Быстрицком.

Сыновья просвирниц, ставшие просвиряками, зафиксированы в четырёх случаях: Егор Бовыкин — сын Маремьяны Бовыкиной (Кобра), просвиряк в 1719–1721 гг.; Степан Ежев — сын Парасковьи Устюжениной (Васильково), просвиряк в 1719–1721 гг.; Фёдор Васильев сын Лошаков — сын Анны Козьминой дочери Лошаковых (погост над Ишетью), просвиряк в 1719–1721 гг. (21 год, глух); Иван Петров сын Ашихмин — сын Антониды Ашихминой (Мудровской), просвиряк в 1719–1721 гг. (21 год). Эти случаи важны для понимания семейных стратегий: должность просвирни могла быть не только «пенсией» для вдовы, но и каналом закрепления её детей в церковной среде.

Отмечены также сословные браки. Просвирница Мариамия Пиминова с погоста Волчье над Чепцою рекою являлась, с одной стороны — женой попа Анкиндина Ардашева, с другой стороны — дочерью попа Пимена Лубнина. Просвирница Марфа Фёдорова была женой попа Ивана Шипулина и при этом внучкой попа Емельяна Арбузова. Такие примеры показывают, что духовное сословие воспроизводилось через брачные связи, а должность просвирни вписывалась в эту стратегию.

Зафиксированы и случаи перехода из одного сословия в другое и обратно. Например, муж просвирницы Евдокии Перфиловны с погоста Куменского — Антипа Доровских — является сыном крестьянина, но братом попа, который сам был рожден крестьянином. В статистике Евдокия учтена с крестьянским происхождением. Особо отметим просвирниц — вдов бобылей: бобыли жили при погостах, формально не являлись членами причта, были крестьянами, однако экономически связаны с причтом, жили и работали на церковной земле.

Интересен и пример обратного сословного перехода для просвирницы погоста Верховского Татьяны Ивановны, вдовы крестьянина Антипы Просвирнина: фамилия крестьянина говорит о том, что среди его предков по женской линии была просвирница.

5. Факторы и механизмы замещения должности

Полученные данные позволяют выделить несколько факторов, определявших сословный состав просвирниц Вятского края.

Во-первых, это отсутствие крепостного права и более высокая социальная мобильность местного общества. В отличие от центральных уездов, где выход из податного сословия через церковный причт был затруднён и невыгоден об-

щине, в Вятском крае крестьяне и бобыли могли менять свой статус. Это создавало условия для проникновения светских женщин в должность просвирни.

Во-вторых, меньшая плотность населения и меньшее количество церквей. В отдалённых приходах мог ощущаться недостаток «профессиональных» вдов духовенства, что вынуждало привлекать женщин из других сословий. Данные таблицы 1 указывают на локальные различия в обеспеченности кадрами: в Орловском и Слободском уездах доля светских просвирниц достигала 80 %.

В-третьих, экономическая связь бобылей с причтом. Бобыли жили при погостах и работали на церковной земле, поэтому их вдовы были естественными кандидатками на должность просвирни. Формально бобыли не являлись членами причта, но их социальное положение было пограничным, что облегчало переход в церковную должность.

В-четвёртых, наследственный принцип и семейные стратегии. Переводы просвирниц после смерти мужа в другой приход, случаи сыновей-просвиряков, сословные браки — всё это показывает, что должность просвирни была встроена в семейные стратегии духовенства и близких к нему групп. Она могла использоваться для закрепления вдовы в церковной среде и для последующего устройства детей.

Наконец, реформационный контекст. Как было показано в разделе 2, нормы, жёстко закрепившие духовное сословие (Указ 1774 г. и предшествующие акты Петра I), в 1716 г. ещё не действовали в полном объёме. Это объясняет, почему в переписи 1716 г. мы видим достаточно широкий сословный состав просвирниц: нормы, которые позже замкнули духовное сословие, ещё только формировались.

6. Сравнительный контекст и обсуждение

Как было показано в разделе 2, в центральных уездах Русского государства XVII–XVIII вв. должность просвирни традиционно закреплялась за вдовами духовенства; светских женщин рассматривали лишь в случае крайней нужды. На окраинах, где не хватало «профессиональных» вдов, церковь иногда была вынуждена обращаться к светским женщинам, но и тогда это оставалось скорее исключением.

Вятские данные показывают иную картину: 56 % просвирниц 1716 года имели светское происхождение. Это идёт вразрез с практикой центральных уездов и подтверждает гипотезу о том, что в Вятском крае должность просвирни была открыта для разных сословий.

Вместе с тем к этим выводам следует относиться с осторожностью. Выборка составляет 55 человек. Из 78 просвирниц у 23 происхождение установить не удалось. Однако даже если предположить, что у этих 23 женщин происхождение церковное, доля светских всё равно останется значительной — около 40 %. С другой стороны, в соответствии с выбранной методикой вдовы сыновей церковников (шесть человек, их духовное звание осталось неизвестно) отнесены к духовному сословию, хотя часть из них могли перейти в крестьянство.

7. Заключение

Анализ сословного состава просвирниц Вятского края по материалам ландратской переписи 1716 г. показал, что должность просвирни не была монополией женщин духовного звания. Из 55 просвирниц 24 (44 %) происходили из духовного сословия, а 31 (56 %) — из светских сословий.

В Вятском крае должность просвирницы была открыта для женщин из разных сословий. Это служит индикатором высокой социальной мобильности региона, обусловленной отсутствием крепостного права, меньшей плотностью населения, нехваткой церквей и монастырей, а также экономической связью бобылей с церковными землями. Случаи переводов просвирниц после смерти мужа, наследования должности сыновьями-просвиряками и сословных браков показывают, что просвирничество было встроено в семейные стратегии и церковную экономику.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением территориального сравнения (соседние епархии — Казанская, Пермская), более широким привлечением метрических книг и ревизских сказок, а также с прослеживанием судеб конкретных просвирниц и их семей. Статья вносит вклад в изучение социальной истории Русского государства, истории церковного причта и гендерных аспектов занятости.

Литература:

1. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2 / изд-во П. П. Сойкина. — Санкт-Петербург: Изд-во П. П. Сойкина, [1913]. — Стб. 1131–2464. — Текст: непосредственный.
2. Знаменский, П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / соч. П. Знаменского. — Казань: Университетская типография, 1873. — [4], 851 с. — Текст: непосредственный.
3. Гайденко, П. И. Просфорницы и просфорники домонгольской Руси (несколько замечаний) / П. И. Гайденко. — Текст: непосредственный // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — 2023. — № 2 (22). — С. 4–13.

4. Белякова, Е. В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Е. Б. Емченко. — Москва: Кучково поле, 2011. — 703 с. — Текст: непосредственный.
5. Троицкий, С. В. Диакониссы в Русской Церкви / С. В. Троицкий. — Санкт-Петербург: [б. и.], 1912. — Текст: непосредственный.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1595. Ландратская перепись 1716 г. — Текст: непосредственный.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Переписные книги 1710 г. — Текст: непосредственный.
8. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Переписные книги 1710 г. — Текст: непосредственный.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 72. Переписные книги 1709–1710 гг. — Текст: непосредственный.
10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3825. Первая ревизия 1719–1721 гг. — Текст: непосредственный.

ГЕОЛОГИЯ

Geological, tectonic and lithostratigraphic assessment of hydrocarbon prospectivity in the thrust-sheet zones of the Hamachi–Gobustan region

Valiyev Rovshan Ali oglu, master's student
Azerbaijan State University of Oil and Industry (Baku, Azerbaijan)

Introduction

The Shamakhi–Gobustan petroleum region is one of the geologically complex areas of Azerbaijan. The widespread Paleogene–Miocene succession, tectonic deformation and lateral lithofacies variation influence the formation and preservation of hydrocarbon accumulations. Strata of the same age may differ considerably in thickness and lithology between individual sectors. These features can create favorable conditions for hydrocarbon entrapment while also increasing geological uncertainty.

This study aims to systematize the principal geological, tectonic and lithostratigraphic criteria controlling hydrocarbon prospectivity in the thrust-sheet zones of the Shamakhi–Gobustan region. Structural descriptions, stratigraphic information and well results from the supplied historical geological reports are considered. Recent scientific publications are used to place the regional petroleum systems in context. The study does not claim to involve new drilling or laboratory investigations.

No new seismic processing, well-log reinterpretation, core testing or geochemical laboratory measurements were undertaken. The analysis relies on a comparison of two supplied archival PDF documents with regional scientific publications from 2021–2024. Because the archival documents are scans, their tables and well parameters have not all been transcribed and independently verified. Accordingly, no estimates of reserves, reservoir porosity or geological chance of success are calculated for individual structures. The results constitute a comparative interpretation of preliminary geological criteria, not a quantitative resource forecast.

1. Geological evolution of the Shamakhi–Gobustan region and the structural position of thrust-sheet zones

Shamakhi–Gobustan lies in the southeastern Greater Caucasus, where tectonic deformation and sediment accumulation have interacted over a prolonged geological history. The present stratigraphic architecture reflects not only depositional processes but also later compression, folding and fault movement. Consequently, coeval units occur at different depths and display variable thicknesses across the region. An assessment of hydrocarbon prospectivity must account for these variations jointly. Neither a structural high nor a sandstone interval alone establishes the existence of a reservoir accumulation. The source, migration pathway, reservoir, seal and timing of trap formation must be mutually compatible.

In this paper, "thrust-sheet zones" denotes areas affected by thrust-related deformation and tectonic superposition. A tectonic sheet must not be confused with a sealing caprock: the former is a structural unit, whereas the latter is an element of the petroleum system. The term is employed here as a working structural designation rather than as a newly mapped set of boundaries. Precise delineation of these zones requires geological maps and seismic cross-sections. This distinction prevents terminological ambiguity and unwarranted claims about prospectivity.

The Paleogene–Miocene succession comprises alternating sandstone, claystone, marl and locally carbonate-bearing intervals. Their distribution reflects changes in basin depth, sediment supply and tectonic regime. Lithofacies characteristics cannot be assumed to be identical in the northern, central and southwestern sectors. Each sector requires a separate reconstruction of depositional history. Historical geological profiles suggest that a stratigraphic unit may be sandy and potentially reservoir-bearing in one area but predominantly argillaceous elsewhere. Assigning a single prospectivity rating to an entire unit across the region would therefore be inappropriate [2, p. 199].

The thickness and thermal history of the sedimentary succession influence hydrocarbon generation. Organic matter may have undergone different degrees of thermal transformation in areas with different burial histories. Present-day elevated temperatures

do not demonstrate that equivalent conditions prevailed throughout the geological past. Burial and thermal histories must be reconstructed. Comparative studies of the South Caspian and Kura depressions support the joint evaluation of thick sedimentary successions and complex tectonic development [2, p.199].

The widespread argillaceous intervals of the Maikop Group make both regional sealing and source-rock potential important issues. However, not all parts of the succession have equivalent organic richness. The presence of claystone does not guarantee an intact seal in every tectonic setting. Faulting may alter mechanical behavior and the juxtaposition of permeable and impermeable beds. The Eocene, Maikop and Diatom successions should therefore be assessed separately rather than treated as a uniform source-rock interval [1, p. 1].

Mud volcanism is an important regional indicator of active deep-fluid systems. Proximity to a mud volcano, however, does not establish the presence of a commercially viable hydrocarbon accumulation. Fractures associated with mud volcanism may provide migration pathways while also enabling leakage from previously trapped fluids. Both favorable and adverse effects should be considered. Regional migration models differ, and applying one mechanism indiscriminately to every structure would be methodologically unsound [3, p. 41].

2. Lithostratigraphic traps, reservoir–seal relationships and hydrocarbon migration

Porous rock is necessary but insufficient for the formation of an oil or gas accumulation. Its pores must be interconnected, hydrocarbons must enter the available pore volume, and an effective seal must preserve the accumulation. Reservoir porosity and permeability may vary considerably within the clastic successions of Gobustan. Grain size, cementation, compaction and tectonic deformation affect flow properties. Prospect evaluation must therefore consider effective reservoir thickness rather than the gross thickness of sandstone alone.

Lithostratigraphic traps commonly develop where sandstone grades laterally into shale, pinches out or is truncated beneath an unconformity. Such traps may lack an obvious anticlinal closure at the surface. Their recognition requires analysis of seismic reflector continuity, amplitude variations, well logs and stratigraphic correlations. A seismic amplitude anomaly must not automatically be interpreted as a hydrocarbon indicator or sandstone reservoir. Lithology, bed thickness and processing effects may produce similar responses. Seismic interpretation should consequently be calibrated against well data.

The widespread mudstones of the Maikop Group are relevant to both source-rock and sealing assessments. Nevertheless, organic-matter abundance and quality vary within the group. Some intervals may be more favorable for liquid hydrocarbons and others for gas generation. Local total organic carbon, hydrogen index and thermal-maturity measurements are needed to demonstrate such differences in Shamakhi–Gobustan. Regional values should not be presented as measurements from a particular well [1, p. 1].

Migration pathways depend on source-rock depth, permeability architecture, fault networks and pressure regimes. Vertical pathways may connect deep generation kitchens to shallower reservoirs in some areas. Yet vertical migration alone cannot explain all hydrocarbon accumulations. Both bedding-parallel and fault-controlled migration are possible. Regional models indicate that their relative importance varies with structural conditions [3, p. 41].

The timing of migration is equally important. A trap formed after the main phase of hydrocarbon generation may not have been available during earlier charging. Conversely, an earlier trap may have lost part of its charge following later faulting. Present-day trap geometry represents only the final stage of its evolution. Restored paleotectonic cross-sections can help establish when closure developed, when deformation occurred and whether leakage may have followed.

Several independent lines of evidence are required to map non-anticlinal traps. The first concerns the existence of stratigraphic or lithological closure. The second concerns effective reservoir properties. The third is connectivity to a mature source and migration pathway. The fourth is seal integrity and the timing of trap formation. If any element remains seriously uncertain, the prospect should not be described as highly prospective. Such criteria make the evaluation more transparent and reproducible.

3. Comparative prospect assessment and priorities for geological exploration

The first step in prospect assessment is to select an appropriate unit of analysis. A single prospectivity score for the entire Shamakhi–Gobustan region would be insufficient. Individual structural zones and stratigraphic intervals should be evaluated separately. The Eocene, Maikop and Miocene successions may differ in source, reservoir and seal characteristics. Criteria should first be recorded for each interval and then compared on a consistent evidential basis. This avoids conflating regional observations with local conclusions.

An initial classification may distinguish relatively favorable targets, targets requiring further information, and targets that are currently weakly supported. These are not reserve or resource categories. They merely guide the sequence of further investigation. Even a promising target may fail geologically, whereas a poorly constrained target may become more attractive when new seismic or well data emerge. Prioritization should therefore be treated as revisable rather than final.

Table 1. **Preliminary qualitative comparison of Paleogene–Miocene intervals**

Interval	Available regional evidence	Principal uncertainty	Preliminary interpretation
Middle Eocene	Organic-rich potential source intervals are documented in regional studies	Migration and reservoir connectivity to a particular thrust-sheet zone	Source potential does not prove a local accumulation
Maikop (Oligocene–Lower Miocene)	Regional source-rock and shale-seal roles have been discussed	Maturity, distribution of sandy interbeds and fracturing	Source–seal relationships require local verification
Middle–Upper Miocene	Lithofacies variation and selected potential source intervals are recognized	Pinch-out geometry, reservoir continuity and trap integrity	May contain targets for non-anticlinal traps, but none is confirmed

Source: Authors' qualitative interpretation based on the regional stratigraphic and geochemical findings of Aghayeva et al. (2023) and the supplied archival materials.

Organic-rich intervals provide an initial favorable indication when evaluating the Eocene. However, hydrocarbon transfer from such intervals into a particular trap requires separate demonstration. Good generation potential in selected Eocene samples does not imply uniform potential throughout the area. Organic-matter abundance and composition vary between sections. Geochemical values should be mapped only after the geological comparability of sampling sites has been established [1, p. 1].

Lithofacies variability is especially important in assessing the Middle and Upper Miocene. Sandstone pinch-outs, lateral transitions into shale and their relationships with local structural highs may create favorable conditions for non-anticlinal traps. Such geometries must nevertheless be confirmed using seismic sections and well correlations. Assuming identical reservoir potential across the Miocene succession would introduce geological and economic risks. Each horizon should therefore be assessed separately.

Fault-related risk deserves specific attention when selecting targets in thrust-sheet zones. A fault may act as a barrier in some strata and a conduit in others. Its mere presence on a map is therefore neither a positive nor a negative criterion. Fault throw, lithological juxtaposition, shale content and pressure differences must be considered. Deep-fluid migration models indicate that these properties can vary locally.

The main analytical finding is that prospectivity in Shamakhi–Gobustan cannot be evaluated from a single structural indicator. Regional tectonic evolution, facies variations, reservoir quality, seal integrity and migration history must be considered together. This applies to both anticlinal and non-anticlinal traps. Since no new measurements were made, reserves, numerical chances of success and commercial productivity have not been determined for individual areas. Such estimates require verified well, seismic and laboratory datasets.

Table 2. **Decision sequence for verifying geological evidence in thrust-sheet zones**

Criterion	Evidence required	Decision if evidence is unavailable
Thrust-sheet boundary	Agreement between the thrust surface and structural cross-section	Structural boundary remains provisional
Reservoir	Effective interval confirmed by logs, cores or tests	Reservoir remains unconfirmed
Closure and seal	Intersecting seismic sections and seal-integrity assessment	Trap remains hypothetical
Migration and timing	Source maturity, migration pathway and trap age	Charging cannot be evaluated
Geological risk	Separate evidence-quality assessment for each criterion	No numerical ranking or reserve estimate

Source: Authors' decision framework based on the availability and quality limitations of the supplied archival materials.

Conclusions

Hydrocarbon prospectivity in the Shamakhi–Gobustan region is influenced by complex tectonic architecture and lateral facies variations within Paleogene–Miocene deposits. The analysis indicates that the prospectivity of individual structural zones cannot be determined solely from the presence of anticlines. Sandstone pinch-outs, lithological replacement, stratigraphic unconformities and fault-bounded closures may also contribute to trapping. Anticlinal and non-anticlinal targets should therefore be considered within a common petroleum-system framework.

The Eocene, Maikop and Miocene successions may fulfill different petroleum-system functions. Certain Eocene and Maikop intervals are relevant to hydrocarbon generation, while lithological variability within the Miocene is particularly important for mapping potential reservoir limits. Regional geochemical data must not be represented as measured values from specific Shamakhi–Gobustan wells. Source, migration, reservoir, seal and trap elements require separate verification for each target.

From an applied perspective, the first priorities are to verify archival well records, refine stratigraphic correlations and integrate seismic interpretations. Reservoir properties, seal integrity and trap closure can then be evaluated comparatively. Additional geochemical and petrophysical analyses would help reduce information gaps. Drilling targets should be prioritized only after these stages.

A staged, multi-criterion geological assessment is consequently the most defensible approach to prospect screening in Shamakhi–Gobustan. This study neither estimates reserves nor confirms a new field. It proposes a transparent framework for selecting areas for further work based on the interpretation of existing geological information. The framework should be tested and refined during subsequent research using verified seismic, well and laboratory data.

References:

1. Aghayeva V., Sachsenhofer R. F., van Baak C. G. C., Bayramova S., Ćorić S., Frühwirth M. J., Rzayeva E., & Vincent S. J. (2023). Stratigraphy of the Cenozoic succession in eastern Azerbaijan: Implications for petroleum systems and paleogeography in the Caspian basin. Marine and Petroleum Geology, 150, Article 106148, 25 pp.
2. Yusubov N. P., & Guliyev I. S. (2021). The structure of the sedimentary complex of the Middle and South Caspian depressions (Azerbaijan sector). Geofizicheskiy Zhurnal, 43(4), pp. 199–216.
3. Yusubov N. P., & Guliyev I. S. (2024). Two models of hydrocarbon deposits formation in the South Caspian and Middle Kura Depressions. Geofizicheskiy Zhurnal, 46(4), pp. 41–54.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Исламские мотивы и образы в песнях татарского народа

Шишов Никита Андреевич, студент
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению взаимосвязи религии и фольклора, а также необходимостью более глубокого понимания культурного наследия татарского народа [36, с. 156].

По решению президента Российской Федерации В. В. Путина 2026 год объявлен Годом единства народов России.

Принятие ислама имело далеко идущие последствия для судьбы татарского народа. Распространение исламского учения благодаря багдадским проповедникам и в дальнейшем под влиянием монгольских племён способствовало складыванию на территории Волжской Булгарии Казанского ханства. Большую роль в развитии исламского вероисповедания сыграли правитель Алмуш и государство Саманидов. Булгары переняли у Саманидов ханафитский мазхаб (богословско-правовую школу) [3, с. 37].

Ислам способствовал укреплению международного авторитета Булгарского государства, оживлению торгово-экономических и культурных контактов со странами Востока, консолидации булгарской народности, сложению яркой и самобытной духовной культуры предков татарского народа.

Одним из факторов идентичности стал татарский фольклор, в частности татарская народная песня, которая отличается большим количеством жанров и тем.

Татарская фольклористика, прошедшая почти полуторавековой исторический путь, сумела не только собрать, систематизировать, опубликовать лучшие образцы песенной поэзии, но и определить её художественные особенности. Песня нередко служила способом отражения и осмысления пережитых событий.

Ислам стал ключевым звеном в формировании татарской национальной идентичности. Вначале булгарами, а затем и татарами были сформированы социально-правовая система и духовная культура общества. Идентичность как принадлежность к определённому этносу, основанная на определённых характеристиках, способствовала национальной устойчивости татар, их сопротивлению христианизации.

Проблемой многообразия татарской народной песни занимались многие музыковеды и исследователи, которые представляли по итогам своей работы классификации данного фольклорного вида. Начиная с работ К. Насыри в конце XIX века и по сей день исследователи представили немалое количество разнообразных классификаций по татарской народной песне [16, с. 73]. Однако к единой классификации так и не пришли. Эта тема остаётся спорной и актуальной. Основной вопрос: что считать главным критерием классификации? Одни исследователи выделяют структуру, связанную с содержанием народных татарских песен, другие придерживаются классификации исходя из жанровых особенностей.

Так, мунаджат представляет собой личную просьбу, обращение верующего к Богу [30, с. 88]. Содержание баитов отличает исторические или трагические события. Дастаны представляют некое эпическое повествование о национальных героях. Плачи чаще всего используются в отражении темы смерти, темы судьбы. Колыбельные татарские песни связаны с пожеланиями лучшей доли детям, успехов в жизни. Исторические песни, как правило, связаны с военными событиями и защитой Российской империи от врагов. В период проведения весенних праздников в татарских сёлах обычно звучали весёлые шуточные песни.

Особый интерес вызывают мунаджаты, которые также принято классифицировать [30, с. 88].

Наибольшее количество мунаджатов связано с возвеличиванием Аллаха и святых. Мунаджаты можно назвать хрестоматией верующего: здесь мы найдём также и восхваление пророка, и назидания по чтению Корана, и предписания к исполнению намазов.

Религиозные образы в дальнейшем стали вытеснять героические мотивы в дастанах и баитах, где обращение к Всевышнему и вера в него стали ключевым фактором героических поступков и мотивов действующих лиц.

Принятие решения, выбор доброго или злого поступка, хорошего или плохого пути могут кардинальным образом изменить судьбу. Именно в плаче эмоциональнее всего воспринимается тема смерти, ухода из жизни. Песни-таравих и исторические песни отличает тема покорности судьбе, ниспосланной Аллахом. Анализ тюркских эпосов показывает, что в представлении мусульман судьба человека предопределена ещё до его рождения [24, с. 24].

Наполнены татарскими народными песнями и особо чтимые мусульманские праздники: Ураза-гаете и Курбан-гаете.

Календарные обрядовые песни связаны с обрядовыми действиями, сопровождавшими некогда все наиболее значимые этапы сельскохозяйственных работ и проведение основных праздников. Обычно содержат сообщение о наступлении праздника и благое пожелание. Исполнители иногда произносили шуточные угрозы, хулу в адрес жадных, по их мнению, хозяев. Первоначально заложенный в календарных обрядовых песнях магический, сакральный смысл со временем был утрачен, песни стали восприниматься как архаические.

Как и все религиозные обряды, праздники отражают веру в единство Аллаха, его могущество и вечность, веру в ангелов, в священные книги, веру в пророка Мухаммада, судный день, существование ада и рая и так далее. Являясь частью повседневной жизни мусульман, обычаи, обряды и праздники в то же время представляют собой важную область духовной культуры народа и формируют этические и поведенческие нормы.

Изучение, классификация, осмысление жанровых особенностей народной песни имеют в татарской фольклористике сложную и занимательную историю. В то же время ислам предъявляет к народной песне высокие требования как к проявлению высшей духовности.

Литература:

1. Гузель Абульханова: Историю можно переписать, а музыкальный фольклор не получится // Международный татарский портал Татарлар.Инфо. — 08.10.2021. — URL: https://tatarlar.info/2021/10/08/guzel-abulhanova-istoriyu-mozhno-perepisat-a-muzykalnyj-folklor-ne-poluchitsya/ (дата обращения: 11.02.2026).
2. Агнес, Н. К. Стать мусульманином в императорской России: обращение, отступничество и грамотность (реферат) / Н. К. Агнес // Религия и церковь в истории России: современная историография. — 2016. — С. 56–62. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stat-musulmaninom-v-imperatorskoy-rossii-obraschenie-otstupnichestvo-i-gramotnost-referat (дата обращения: 11.02.2026).
3. Аминева, В. Р. Хикая как литературный жанр (на материале произведений А. Еники 1940–1960-х годов) / В. Р. Аминева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2017. — № 1. — С. 7–26. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hikaya-kak-literaturnyy-zhanr-na-materiale-proizvedeniy-a-eniki-1940-1960-h-godov (дата обращения: 16.02.2026).
4. Арпентьева, М. Р. Фольклорное наследие татар. Часть 1 / М. Р. Арпентьева // Народы и религии Евразии. — 2017. — № 1–2 (10–11). — С. 75–89. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folklornoe-nasledie-tatar-chast-i (дата обращения: 16.02.2026).
5. Арпентьева, М. Р. Фольклорное наследие татарского народа / М. Р. Арпентьева // ОНВ. ОИС. — 2017. — № 2. — С. 37–42. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folklornoe-nasledie-tatarskogo-naroda (дата обращения: 16.02.2026).
6. Бородовская, Л. З. Отражение традиций Ясавия в исламско-суфийской символике татарских фольклорных мунаджатов / Л. З. Бородовская // Исламоведение. — 2016. — № 3. — С. 103–116. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-traditsiy-yasaviya-v-islamsko-sufiyskoy-simvolike-tatarskih-folklornyh-munadzhatov (дата обращения: 16.02.2026).
7. Бородовская, Л. З. Исламско-суфийское влияние на традиционную музыку татар / Л. З. Бородовская // Исламоведение. — 2017. — № 1. С. 82–87. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamsko-sufiyskoe-vliyanie-na-traditsionnuyu-muzyku-tatar (дата обращения: 16.02.2026).
8. Галимова, Э. М. Традиционная музыкальная культура пермских татар / Э. М. Галимова // НАУ. — 2015. — № 3–7 (8). — С. 85–87. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-muzykalnaya-kultura-permskih-tatar (дата обращения: 16.02.2026).
9. Гузельбаева, И. А. Некоторые аспекты культурной политики в области музыкального искусства в Татарской АССР (1985–1991 гг.) / И. А. Гузельбаева // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2019. — № 2. — С. 168–177. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kulturnoy-politiki-v-oblasti-muzykalnogo-iskusstva-v-tatarskoy-assr-1985-1991-gg (дата обращения: 16.02.2026).
10. Давлетшин, Г. М. О богословии и науке в Казанском ханстве / Г. М. Давлетшин // СТТГ. — 2009. — № 1. — С. 84–91. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-bogoslovii-i-nauke-v-kazanskom-hanstve (дата обращения: 16.02.2026).
11. Еникеева, А. Р. Татарский фольклор как феномен народной культуры и основной ресурс этнопедагогики / А. Р. Еникеева // Вестник КазГУКИ. — 2013. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tatarskiy-folklor-kak-fenomen-narodnoy-kultury-i-osnovnoy-resurs-etnopedagogiki (дата обращения: 16.02.2026).
12. Есипова, М. В. Крымскотатарский музыкальный инструментарий в контексте музыкальных культур исламской Азии и культур окружающих народов / М. В. Есипова // Крымское историческое обозрение. — 2016. — № 2. — С. 146–161. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krymskotatarskiy-muzykalnyy-instrumentariy-v-kontekste-muzykalnyh-kultur-islamskoy-azii-i-kultur-okruzhayuschih-narodov (дата обращения: 16.02.2026).

13. Зангирова, Л. Ю. Анализ эмоциональной культуры татарского народа / Л. Ю. Зангирова, К. М. Романов // Огарёв-Online. — 2016. — № 21 (86). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-emotsionalnoy-kultury-tatarskogo-naroda (дата обращения: 16.02.2026).
14. Имамутдинова, З. А. Музыка и культовые формы ислама / З. А. Имамутдинова // Советская музыка. — 1991. — № 11. — С. 37–41. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30550583 (дата обращения: 16.02.2026).
15. Латыйпова, В. М. К вопросу об изучении мусульманских традиций в современной музыкальной культуре татар / В. М. Латыйпова // Модернизация российского общества и подготовка кадров для отрасли культуры и искусств : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 45-летию Казанского государственного университета культуры и искусств : в 3 частях, Казань, 17–18 ноября 2014 года / Под редакцией Р. Р. Юсупова, Р. М. Валеева. Часть 3. — Казань : Казанский государственный университет культуры и искусств, 2014. — С. 71–76. — URL: https://elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Felibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D28345947 (дата обращения: 16.02.2026).
16. Макаров, Г. М. Музыкально-инструментальная культура татар позднего средневековья / Г. М. Макаров // Музыка. Искусство, наука, практика. — 2017. — № 2 (18). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalno-instrumentalnaya-kultura-tatar-pozdnego-srednevekovya (дата обращения: 16.02.2026).
17. Маклыгин, А. Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья : становления профессионализма : автореф. дис. … д-ра искусствоведения : 17.00.02 / А. Л. Маклыгин ; МГК им. П. И. Чайковского. — Москва, 2001. — 44 с.
18. Миннуллин, К. М. Песня как искусство слова : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.09, 10.01.02 / К. М. Миннуллин ; Министерство образования и науки РТ. Редакционно-издательский центр «Школа». — Казань, 2001. — 70 с.
19. Мухаметзянова, Л. Х. Историческая память в произведениях эпического фольклора татар периода Казанского ханства / Л. Х. Мухаметзянова // Золотоордынское обозрение. — 2025. — № 4. — С. 770–782. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-proizvedeniyah-epicheskogo-folklora-tatar-perioda-kazanskogo-hanstva (дата обращения: 16.02.2026).
20. Носорев, Ю. А. Совершенствование профессиональной подготовки учителя музыки: культурологический подход / Ю. А. Носорев // КПЖ. — 2009. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-professionalnoy-podgotovki-uchitelya-muzyki-kulturologicheskiy-podhod (дата обращения: 16.02.2026).
21. Нургаянова, Н. Х. Изучение этномузыкальных традиций народов Поволжья: историко-педагогический аспект / Н. Х. Нургаянова // Вестник ТГГПУ. — 2015. — № 4 (42). — С. 295–300. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-etnomuzykalnyh-traditsiy-narodov-povolzhya-istoriko-pedagogicheskiy-aspekt (дата обращения: 16.02.2026).
22. Рыбаков, С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта / С. Г. Рыбаков // Записки Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург, 1897. — Т. 2, № 2.
23. Сагеева, Г. Х. Об истоках военной музыки булгаро-татар / Г. Х. Сагеева // Вестник КазГУКИ. — 2018. — № 3. — С. 70–76. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-voennoy-muzyki-bulgaro-tatar (дата обращения: 16.02.2026).
24. Садекова, А. Х. Идеология Ислама и татарское народное творчество : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.09 / А. Х. Садекова. — Казань, 2001. — С. 3–78.
25. Сайфуллина, Г. Р. «Будь осторожен, слушая саз!..» Габаши-богослов о дозволенности музыки в исламе / Г. Р. Сайфуллина // Музыка. Искусство, наука, практика. — 2012. — № 1. — С. 43–47. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bud-ostorozhen-slushaya-saz-gabashi-bogoslov-o-dozvolennosti-muzyki-v-islame (дата обращения: 16.02.2026).
26. Салитова, Ф. Ш. Исламский компонент музыкально-педагогических традиций татарского народа / Ф. Ш. Салитова // Золотоордынское обозрение, — 2021. — № 9 (3). — С. 460–477.
27. Салитова, Ф. Ш. Роль музыки в системе духовных ценностей и культуры предков татар в эпоху Средневековья / Ф. Ш. Салитова // Золотоордынское обозрение. — 2021. — № 3. — С. 460–477. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-muzyki-v-sisteme-duhovnyh-tsennostey-i-kultury-predkov-tatar-v-epohu-srednevekovya (дата обращения: 16.02.2026).
28. Салитова, Ф. Ш. Становление системы общего музыкального образования в Казанской губернии (по документам и материалам XIX — начала XX в.) / Ф. Ш. Салитова // Музыкальное искусство и образование. — 2013. — № 2. — С. 149–151. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-obschego-muzykalnogo-obrazovaniya-v-kazanskoy-gubernii-po-dokumentam-i-materialam-xix-nachala-hh-vv (дата обращения: 16.02.2026).
29. Сафиуллина, Э. И. Татарский этнографический материал в научно-образовательной и миссионерско-просветительской деятельности учёных Казанской духовной академии (XIX — начало XX века) / Э. И. Сафиуллина // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2012. — № 16 (270). — С. 110–113. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tatarskiy-etnograficheskiy-material-v-nauchno-obrazovatelnoy-i-missionersko-prosvetitelskoy-deyatelnosti-uchenyh-kazanskoy-duhovnoy-1 (дата обращения: 16.02.2026).

30. Сулейманова, Г. К. Обзор классификаций мунаджатов татар Поволжья в историческом контексте / Г. К. Сулейманова // Вестник ЧГАКИ. — 2022. — № 1 (69). — С. 87–91. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-klassifikatsiy-munadzhatov-tatar-povolzhya-v-istoricheskom-kontekste (дата обращения: 16.02.2026).
31. Сурметова, Л. Р. Жанровое своеобразие песенно-музыкальных традиций татар Тюменской области : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.09, 17.00.02 / Л. Р. Сурметова. — Казань, 2007. — С. 3–27.
32. Хабутдинова, М. М. Система образов и художественный мир песенной лирики Марселя Галиева / М. М. Хабутдинова, Л. Ф. Замалиева // Вестник ТГГПУ. — 2016. — № 3 (45). — С. 179–183. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obrazov-i-hudozhestvennyy-mir-pesennoy-liriki-marselya-galieva (дата обращения: 16.02.2026).
33. Хакимов, Р. Ф. Исторические песни в татарском фольклоре / Р. Ф. Хакимов // Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2017. — С. 96–102.
34. Хамидуллин, Б. Л. Единство разнообразия: конфессиональная и языковая толерантность, мультикультурализм в Казанском ханстве — самом северном форпосте исламского мира XV–XVI веков / Б. Л. Хамидуллин // Археология евразийских степей. — 2024. — № 5. — С. 117–124. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-raznoobraziya-konfessionalnaya-i-yazykovaya-tolerantnost-multikulturalizm-v-kazanskom-hanstve-samom-severnom-forposte (дата обращения: 16.02.2026).
35. Хайрутдинов, Р. Р. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки / Р. Р. Хайрутдинов. — Казань : Мастер Лайн, 2002. — 452 с.
36. Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.) // науч. ред. Н. Ш. Хисамов. — Казань : Фэн, 1999 — 240 с.
37. Хуббитдинова, Н. А. Общность эпических памятников в духовном наследии башкирского и татарского народов Курганской области как репрезентация диалога культур / Н. А. Хуббитдинова, Г. В. Юлдыбаева, Л. Х. Мухаметзянова // Филология и человек. — 2019. — № 2. — С. 156–161. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschnost-epicheskih-pamyatnikov-v-duhovnom-nasledii-bashkirskogo-i-tatarskogo-narodov-kurganskoy-oblasti-kak-reprezentatsiya-dialoga (дата обращения: 16.02.2026).
38. Юнусова, В. Н. Ислам — музыкальная культура и современное образование в России / В. Н. Юнусова. — Москва : Хронограф; ИНПО, ИБП, 1997. — 150 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Цифровое искусство и его роль в современном мире

Хусаинова Вероника Олеговна, студент
Московский государственный институт культуры (г. Химки)

Статья посвящена комплексному анализу цифрового искусства как значимого феномена современной культуры. В работе раскрывается сущность цифрового искусства, прослеживается его эволюция, систематизируются основные формы и жанры, исследуется социокультурное влияние и психологическое воздействие на человека.

Ключевые слова: *цифровое искусство, генеративное искусство, NFT, VR/AR, нейросетевое искусство, цифровая культура, современное искусство.*

Digital art and its role in the modern world

Khusainova Veronika Olegovna, student
Moscow State Institute of Culture (Khimki)

The article is devoted to a comprehensive analysis of digital art as a significant phenomenon of modern culture. The work reveals the essence of digital art, traces its evolution, systematizes the main forms and genres, examines the socio-cultural influence and psychological impact on a person, and predicts the prospects for the development of the direction.

Keywords: *digital art, generative art, NFT, VR/AR, neural network art, digital culture, contemporary art.*

Актуальность

В эпоху цифровой трансформации искусство переживает фундаментальные изменения: технологии не просто дополняют творческий процесс, а переопределяют саму природу художественного выражения. Актуальность изучения цифрового искусства обусловлена его масштабным влиянием на культуру, экономику и психологию человека — влиянием, которое затрагивает практически все аспекты современной жизни.

Цель статьи — сформировать целостное представление о цифровом искусстве как катализаторе культурных изменений, выявить его многоаспектное влияние на современное общество.

Современный мир переживает масштабную цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы человеческой деятельности — от экономики и науки до культуры и искусства. Проникновение цифровых технологий в творческую среду радикально изменило саму природу художественного выражения, породив принципиально новые формы искусства и способы взаимодействия с аудиторией. В эпоху, когда нейросети генерируют картины, продаваемые за миллионы долларов, а виртуальные галереи привлекают миллионы посетителей, осмысление феномена цифрового искусства становится необходимостью для понимания культурных процессов XXI века.

Что же мы понимаем под термином «цифровое искусство»? Это обширная категория творческих практик, где цифровые технологии выступают не просто инструментом, но и неотъемлемой частью художественного высказывания. К ключевым формам относятся:

— цифровая живопись и графика (создание изображений с помощью планшетов и специализированного ПО);

— 3Dмоделирование и анимация (трёхмерные объекты и движущиеся изображения);

— генеративное искусство (произведения, созданные алгоритмами с элементами случайности);

— NFTарт (цифровые объекты, подтверждённые технологией блокчейн);

— VR/ARинсталляции (виртуальная и дополненная реальность как художественное пространство);

— интерактивные проекты (работы, реагирующие на действия зрителя).

История цифрового искусства насчитывает более полувека. Его зарождение относится к 1960м годам, когда первые программисты и художники начали экспериментировать с компьютерными изображениями.

Так, одним из основоположников цифрового искусства считается американский художник и математик Бенджамин Фрэнсис Лапоски, который в 1960 году, используя электронно-лучевой осциллограф, создал первые произведения в жанре абстрактного искусства. Манипулируя синусоидами, отображавшимися на маленьком экране устройства, он «рисовал» причудливые фигуры, а затем фотографировал результат. Свои работы Лапоски назвал «электрическими композициями» и часть из них затем опубликовал в журналах вроде Recreational Mathematics.

Другой пионер цифрового искусства — австрийский писатель, футуролог и художник Герберт Вернер Франке. В 1950-е и 1960-е годы он, как и Лапоски, использовал для создания изображений осциллограф — но не только его. К этому устройству Франке также подключал простые аналоговые компьютеры, что позволяло добиваться ещё более изобретательных фигур.

В 1973 году Франке создал произведением под названием «Цифровой Эйнштейн» — это один из первых примеров использования цифровой обработки фотографий. Композиция состояла из нескольких слайдов, на которых изначально чёткое изображение Альберта Эйнштейна постепенно превращалось в абстрактную фигуру. Кроме того, художник издал несколько книг, посвящённых феномену Digital Art; среди них — «Компьютерная эстетика. Феномен искусства» и «Компьютерная графика: компьютерное искусство».

Среди них следует отметить немецкого математика Георга Ниса, который одним из первых получил изображение, целиком созданное компьютером, а также немецкого джазового музыканта Манфреда Мора, использовавшего музыкальный ритм для создания изображений в жанре алгоритмического искусства.

Ещё одна значимая для истории Digital Art фигура — это Гарольд Коэн, который в начале 1970-х годов изобрёл программу для рисования AARON. Сначала она, задействуя устройство наподобие принтера, рисовала абстрактные рисунки, но со временем изображения стали более репрезентативными: инженеры научили AARON имитировать формы из природы и добавлять в изображения цвет.

В обсуждении истории цифрового искусства нельзя обойти вниманием и некоммерческую организацию Experiments in Art and Technology (E. A. T.). Её основали в 1967 году инженеры Билли Клювер и Фред Вальдхауэр, а также художники Роберт Раушенберг и Роберт Уитман.

Цель Experiments in Art and Technology заключалась в том, чтобы наладить сотрудничество между художниками и инженерами посредством спонсорства и промышленной кооперации. Членство в организации было открыто для всех художников и инженеров. Одной из самых известных работ E. A. T. считается окружённый искусственным туманом купольный павильон, созданный для компании Pepsi на выставке Expo '70 в Осаке.

До 1980-х годов художники работали в основном с абстрактными программами и математикой. Теперь они могли создавать более интуитивные, удобные для пользователя проекты. Появление такого программного обеспечения, как Adobe Photoshop (выпущенного в 1987 году), в корне изменило ситуацию. Внезапно любой человек, имеющий компьютер, мог экспериментировать с цифровыми кистями, слоями и цветовыми палитрами. Это было все равно что дать художнику набор бесконечных красок и кистей, и все это на цифровом холсте. Идея «писать» или «рисовать» с помощью мыши и клавиатуры казалась почти волшебной.

В конце 1980-х годов цифровое искусство стало получать все большее признание, особенно с развитием мультимедиа. Теперь художники могли комбинировать изображения, звуки и даже видео, что открывало перед творцами совершенно новые возможности.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов цифровое искусство стало распространяться через Интернет. Художники начали выставлять свои работы в сети, делиться техниками и создавать места для совместной работы. Появление таких онлайн-платформ, как DeviantArt (запущена в 2000 году), дало цифровым художникам глобальную сцену для демонстрации своих работ и взаимодействия с другими творцами. Важным игроком в этом периоде был художник Neil Harbisson, который стал пионером в области «цифрового зрения» и использовал технологии для создания визуальных произведений. Известен тем, что самостоятельно расширил свои способности по восприятию цветов путём остеоинтеграции специальной антенны в свой череп. Харбиссон — первый человек в мире, прошедший через подобную операцию. [12] Даже в мире изобразительного искусства стало появляться все больше художников, использующих цифровые средства для своих работ. Такой художник как Bill Viola начал экспериментировать с новыми техниками, что способствовало признанию цифрового искусства как полноценной формы самовыражения. Стиль Виолы достаточно эклектичен, он заимствует мотивы европейского Ренессанса, мусульманского и буддийского искусства. Основная проблематика — эмоциональные состояния человека, время, границы бытия и небытия, искусства и жизни.

К 2010-м годам в галереях и музеях стало обычным делом представлять цифровое искусство на выставках наряду с традиционной живописью и скульптурой. Одним из ключевых событий этого периода стало появление выставки «The Future of Painting» в Нью-Йоркском музее современного искусства (MoMA), где цифровое искусство было представлено наравне с традиционными формами. Художники, такие как On Kawara и Barbara Kruger, активно участвовали в этих экспозициях, что способствовало легитимации цифрового искусства в глазах традиционного арт-сообщества. [4]

Последнее десятилетие ознаменовалось ещё одним сейсмическим сдвигом: появлением НФТ (нефункционирующих токенов) и технологии блокчейн. Художники, такие как **Beeple**, стали символами этого нового этапа, продав свои цифровые работы за миллионы долларов.

До Beeple цифровое искусство (цифровая иллюстрация, 3D-графика, CGI) часто существовало в параллельном мире — в коммерческой сфере (кино, игры, реклама), интернет-культуре или нишевых сообществах. Оно редко признавалось традиционным арт-рынком (галереями, аукционами, критиками) как полноценное искусство со значительной рыночной стоимостью. Стиль Beeple — это гибрид поп-культуры, мемов, политической сатиры, технофутуризма и сюрреализма. Его работы — это гипердетализированные, часто гротескные и провокационные комментарии на злобу дня, созданные с использованием доступных инструментов (в его случае, Cinema 4D). Он показал силу 3D-графики как средства для острого социального и политического высказывания. А так же привел в искусство новое, молодое, технологически подкованное поколение коллекционеров и зрителей.

Концепция «владения» цифровым произведением искусства так же, как физической картиной, вызвала широкий резонанс и споры в мире искусства. Однако использование блокчейна и создание NFT также сопряжено с серьезными экологическими проблемами. Огромные объемы энергии, необходимые для поддержки, приводят к значительному углеродному следу. Это вызывает критику со стороны экологов и заставляет задуматься о долгосрочных последствиях для окружающей среды. [5]

И даже не стоит говорить об искусстве, создаваемом искусственным интеллектом. Это совершенно новая глава в истории цифрового искусства, которая ещё только разворачивается. Некоторые художники используют искусственный интеллект для сотрудничества с машинами, чтобы создавать уникальные произведения искусства. Результаты могут быть просто умопомрачительными: работы, созданные искусственным интеллектом, раздвигают границы, бросая вызов традиционным представлениям об авторстве и творчестве.

Больше чем за полвека сфера цифрового искусства расширилась настолько, что сейчас она затрагивает жизни даже тех людей, которые не посещают специализированные выставки и мероприятия. [2] Простота публикации, обмена и продажи цифрового искусства открыла множество возможностей для художников по всему миру. Digital Art во многом гораздо удобнее традиционного искусства, поскольку художнику не нужен доступ к традиционным инструментам вроде кистей, красок и холстов. Кроме того, далеко не для всех цифровых художников важно умение рисовать от руки: достаточно вспомнить, что первые деятели сферы Digital Art были математиками и инженерами, а вовсе не художниками в привычном понимании профессии. Digital Art позволяет охватить более широкую аудиторию и быстрее получить признание своих работ. Цифровое искусство позволяет любому человеку, имеющему доступ к цифровым инструментам, создавать свои работы и делиться ими с глобальной аудиторией.

Эстетика цифрового искусства ничуть не уступает эстетике традиционного. [3] В этом направлении творческой деятельности также присутствуют свои художники. Некогда считалось, что технологии приведут к краху искусства, но сейчас понятно, что они расширили возможности. Технологии создают новые формы, расширяют мир человека, позволяют художнику теснее взаимодействовать с аудиторией, улавливать ее нужды и ожидания. Использование новаторских цветов и форм привлекает все больше зрителей. Влияние цифровых технологий на искусство обширно, оно позволяет создавать разные формы восприятия концепции искусства.

Например, концепция софткультуры (от англ. soft culture — «мягкая культура») представленная Львом Мановичем [10], исследователем цифровых медиа, профессором Высшей школы Городского университета Нью-Йорка, описывает новую культурную парадигму, в которой доминируют гибкость, процессуальность, интерактивность и децентрализация.

В этом контексте цифровое искусство становится ***ключевым проявлением*** софткультуры, поскольку его онтология полностью соответствует её базовым принципам. Согласно этой теории, программное обеспечение является универсальной логикой, которой подчинено большинство культурных процессов. Под «культурным софтом» понимаются те типы программ, которые поддерживают производство практик, объединённых понятием «культура».

Суть софткультуры заключается в отказе от жёстких, фиксированных форм в пользу текучих, адаптивных структур. Если традиционная культура выстраивалась вокруг устойчивых артефактов (картин, книг, архитектурных сооружений), то софткультура делает акцент на процессах, взаимодействиях и временных конфигурациях. [10]

Цифровое искусство в контексте теории софткультуры предстаёт как:

— динамическая система, где произведение существует в постоянном становлении;

— социальный эксперимент, тестирующий новые формы сотрудничества и собственности;

— технологический полигон, демонстрирующий потенциал алгоритмов и сетей.

Его ключевая роль — не в замене традиционного искусства, а в расширении поля культурного опыта. Софткультура через цифровое искусство предлагает:

— переход от статичного объекта к процессу;

— от одиночного авторства к коллаборации;

— от материальной ценности к опыту взаимодействия.

Оно учит воспринимать мир как пространство непрерывного сотворчества, где границы между человеком, технологией и искусством остаются открытыми для переосмысления.

Цифровое искусство уже стало неотъемлемой частью повседневности, глубоко трансформируя способы восприятия мира, творческого самовыражения и социального взаимодействия. Его влияние простирается от личных практик до глобальных культурных процессов, меняя саму природу человеческого опыта в эпоху цифровых технологий.

Параллельно авторам меняется и потребительский опыт. Алгоритмы персонализируют взаимодействие с искусством, предлагая пользователю контент, созвучный его вкусам —например, виртуальные туры по ведущим музеям мира (Лувру, Эрмитажу) [7] и оцифрованные коллекции делают шедевры доступными независимо от географического положения. При этом зритель перестаёт быть пассивным наблюдателем: интерактивные инсталляции позволяют управлять визуалом через жесты, а цифровые нарративы развиваются в зависимости от действий участника, превращая его в соавтора произведения.

Социальные взаимодействия также претерпевают трансформацию. Цифровые платформы формируют новые сообщества — NFTпроекты, Discordсерверы художников, онлайнгалереи становятся пространствами культурной солидарности. Платформы для коллективного рисования (например, Aggie.io) дают возможность создавать произведения в реальном времени с участниками из разных стран, стирая границы между локальными сценами. Платформы вроде ArtStation или Behance демократизируют доступ к аудитории: художники из регионов получают возможность заявить о себе на мировом уровне. Одновременно цифровое искусство становится инструментом сохранения наследия: 3Dсканирование древних скульптур или оцифровка архивных материалов защищают культурное достояние от физических угроз.

В профессиональной сфере цифровое искусство порождает новые специальности — 3Dмоделлеров, motionдизайнеров, NFTкураторов, AIартдиректоров. Оно становится инструментом для бизнеса: интерактивные билборды в рекламе, генеративный дизайн логотипов в брендинге, VRсимуляции в образовании. Художники обретают альтернативные источники дохода через NFTрынки, подписки на Patreon или краудфандинговые платформы, минуя традиционные посреднические структуры.

С распространением цифровых средств коммуникации [8] происходят изменения в повседневной жизни, в устоявшихся культурных иерархиях и способах взаимодействия людей. «Меняется система формирования культурного опыта в целом, все базовые сферы культуры».Искусство оказалось вовлечённым в этот процесс, расширив возможности участия зрителя. Даже повседневная коммуникация обогащается художественными элементами: мемы, цифровые открытки и персонализированные ARфильтры превращаются в язык повседневного общения.

Диалог является фундаментальным механизмом человеческого общения, и в сфере цифрового искусства он реализуется особенно ярко. [9] Зритель перестает быть пассивным наблюдателем, становясь активным участником творческого процесса. Это способствует развитию «цифрового мышления», учит воспринимать сложность алгоритмов и случайность как творческий ресурс, а Иммерсивные VR/ARопыты тренируют мультимодальное восприятие — способность одновременно обрабатывать визуальные, звуковые и тактильные стимулы.

Исследователь, обращающийся к современному цифровому искусству, [13] сталкивается с существенной методологической проблемой: это искусство функционирует в рамках принципиально иных категорий, нежели традиционные художественные формы.

Как отмечают многочисленные ученые, digital art демонстрирует явную несовместимость с устоявшейся классификацией видов искусства. Возникают следующие сложности:

— Невозможно однозначно отнести его к пространственным искусствам, так как его природа выходит за рамки привычных схем.

— Применение классических эстетических критериев оказывается недостаточно релевантным.

— Понятие художественного произведения радикально переосмыслено: материальность утрачивает значение.

— Перестаёт действовать принцип единичности как непременного условия оригинальности произведения.

Один из авторитетнейших аналитиков digital art, австрийский теоретик О. Грау подчёркивает, что для понимания цифрового образа необходимо использовать междисциплинарный подход, действуя на стыке наук: нейробиологии, философии, психологии, истории, что позволит выявить синтетическую природу образности произведений digital art. [6]

Проблема легитимации цифрового искусства связана с его восприятием зрителями. Несмотря на расширение возможностей и активное участие в творческом процессе, зрители все еще не полностью адаптировались к новым формам искусства. Критики отмечают, что восприятие цифрового искусства требует более высокого уровня когнитивного развития и готовности к новым формам выражения. Это подчеркивает необходимость дальнейшего исследования и понимания того, как зрители оценивают и воспринимают цифровое искусство, а также какие факторы способствуют его принятию или отвержению.

Таким образом, цифровое искусство выступает не просто инструментом создания образов, но средой для переосмысления человеческого опыта. Оно расширяет возможности самовыражения и доступа к культуре, формирует новые социальные практики, стимулирует когнитивное развитие.

Литература:

1. Ван Кэин. Искусственный интеллект и будущие пути развития искусства // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, № 7А.
2. Воронкова А. Творцы будущего. Цифровое искусство и искусственный интеллект. СПб.: Питер, 2025.

3. Воронцова С. И. Художник как шаман в современном искусстве // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. — 2019. — С. 18–23.
4. Деникин А. А. Мультимедиа и искусство: от мифов к реалиям [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения:03.12.2025).
5. Ерохин С. В. Цифровое компьютерное искусство. СПб.: Алетейя, 2011. 188 с.
6. Замулин И. С., Морковкин Е. А., Новичихина А. А. Искусственный интеллект как инструмент современного искусства.
7. Катханова Ю. Ф., Корыгин А. И. Влияние цифровых технологий на искусство // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 1. С. 222–231.
8. Кириченко Е. И. Цифровое искусство: способ коммуникации или средство новой художественной образности? [Электронный ресурс] / Е. И. Кириченко // Научное обозрение: электрон. журн. — 2018. — № 1.
9. Лисовец И. М. Современная эстетика: философия искусства, генерируемого искусственным интеллектом.
10. Манович Л. З. Теории Софт-Культуры [Электронный ресурс] URL:/https://archive.org/details/2017_theory-of-soft-culture (дата обращения:04.12.2025).
11. Максимова А. С. Аудитория в цифровом мире: как изучать взаимодействие с искусством, опосредованное технологиями? // Что-то новое и необычное: аудитория современного искусства в крупных городах России. Под науч. редакцией Л. Е. Петровой. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2018. С. 290–303.
12. Мелешко К. А. Влияние цифровых технологий на искусство и художников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–3 (56). С. 162–164.
13. Москалюк В. М. Искусство в эпоху нейросетей: открытия и вызовы современной цивилизации // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31. № 1.
14. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 656 с.

7

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.11.2026. Дата выхода в свет: 25.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.